№ 12. Іюнь.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЛИТТЕРАТУРѢ

новыхъ народовъ. Соч. Барона Экштейна.

(Статья 3-я).

VI. Можно указать на двѣ причины ложнаго классицизма, перенесеннаго въ среду нынѣшнихъ народовъ Европы, какъ-бы на зло ихъ собственному генію и христіанству. Во первыхъ, невѣрно понятая Римская Поэзія, которую изучали въ школахъ какъ независимый образецъ, и не видѣли въ ней списка съ Литературы Александрійцевъ и Грековъ, жившихъ послѣ счастливаго для генія ихъ времени. Разумѣется, что мы надлежащимъ образомъ оцѣниваемъ высокое достоинство Латинской Поэзіи; но каждый предметъ долженъ быть на своемъ мѣстѣ; измѣнивъ степень онаго, мы не поймемъ его и уже не будемъ способны видѣть существенное его достоинство. На Римскую Поэзію должно смотрѣть двояко. Во первыхъ, она отражаетъ въ себѣ геній города Капитолійскаго и сельскія склонности гра-

жданъ его, съ ихъ папріотизмомъ и характеромъ, увлекавшимъ ихъ къ деревенскимъ удовольствіямъ; здѣсь поэзія сія изящна, благородна, оригинальна; но форма ея, всегда заемная, ложная, искуственная и вмѣстѣ ученая, безразсудно подражающая Грекамъ и особенно школѣ Александрійской, и сама исключительно занимающаяся передразниваніемъ формъ прошедшаго: вотъ что накидываетъ тѣнь на картину, сначала нами начертанную. Если прибавимъ къ сему, что Драматическая Поэзія болѣе всѣхъ другихъ была у Римлянъ заимственною, кромѣ не многихъ идей Плавта, показывающихъ, сколько нибудь, геній Ателланъ, то увидимъ, каково было дурачество исключительныхъ классиковъ, избравшихъ образцомъ для подражанія именно Литературу Римскую, а не Греческую.

Другая причина худо понятаго подражанія древней Литературѣ заключается въ слѣпой довѣренности къ правиламъ Аристотеля. Энтузіазмъ къ нему, совершенно педантическій и въ существѣ своемъ показывающій невѣжество въ отношеніи къ сочиненіямъ Стагирита, перешелъ изъ школъ въ Литературу и сначала былъ принятъ въ Италіи, отечествѣ Академій, учрежденныхъ для умниковъ, въ силу Аристотелевой Піитики. Сочиненіе сіе было неизвѣстно въ средніе вѣка, но его, безъ всякаго понятія, употребили во зло, самымъ страннымъ и нелѣпымъ

образомъ, при возрожденіи въ Европѣ Греческой Литтературы. Аристотелевы Литтературныя предписанія, столь худо оцѣненныя и столь нелѣпо истолкованныя, сдѣлались Парнасскимъ уложеніемъ; древняя народная Поэзія была вездѣ называема варварствомъ; о Литтературномъ ученіи говорили, точно какъ будто о какомъ нибудь ученіи религіозномъ, и кто не повиновался законамъ онаго, тѣхъ, за дерзость, торжественно отчуждали отъ себя. Мнѣнія Аристотеля, перемѣшанныя съ сужденіями Горація и Квинтиліана, долго господствовали надъ Литтературою, даже послѣ того какъ Философія его была ниспровергнута Галилеемъ и Декартомъ. Всего забавнѣе, что насмѣхавшіеся надъ нимъ какъ надъ умствователемъ, часто расхваливали его какъ наставника въ Поэзіи, не подозрѣвая тѣсной связи между всѣми его ученіями.

Дошло до того, что даже величайшіе поэты, ослѣпленные школьнымъ предразсудкомъ, отъ времени глубоко укоренившимся, не понимали ни природы своихъ благородныхъ созданій, ни источника своихъ вдохновеній. Они ошибались до такой степени, что дорожили нѣкоторыми схоластическими правилами, на слово принятыми за правила вкуса, болѣе нежели возвышенными мыслями, тревожившими ихъ почти противъ ихъ воли. Романтическій Петрарка презиралъ свои мастерскія произведенія, и всего болѣе любилъ

свои Латинскія поэмы, въ наше время совершенно неизвѣстныя. Даже Камоэнсъ почти былъ увѣренъ, что прекраснѣйшая изъ эпическихъ поэмъ новаго времени должна быть славна не столько за героическій патріотизмъ, одушевлявшій автора ея, и богатство поэтическихъ красокъ, употребленныхъ имъ для своего предмета, сколько за соблюденіе нѣкоторыхъ правилъ, перенятыхъ имъ у творца Энеиды.

Тассъ былъ въ такомъ-же заблужденіи касательно своего Освобожденнаго Іерусалима, и это заблужденіе стоило ему очень дорого. Въ самомъ дѣлѣ, форма сего благороднаго произведенія, съ утомительнымъ трудомъ снятая съ образца Виргиліева, произвела разногласіе съ основаніемъ предмета и придала нѣкоторую холодность общему интересу, къ какому было-бы способно сіе сочиненіе, когда-бы Тассъ, не удержанный предшествовавшею оному схоластическою мыслью, совершенно предался природѣ своего предмета. Посему-то поэма его поддерживается болѣе своими многочисленными, великолѣпными эпизодами, нежели правильнымъ однообразіемъ цѣлаго. Но ни Камоэнсъ, ни Тассъ не обратили вниманія на главную ошибку Энеиды, и не успрашились внести ея въ свои сочиненія: Римлянинъ душою, Виргилій не зналъ, что дѣлать съ Греческою формою, въ какую противно разсудку заключилъ онъ предметъ, чуждый простымъ красотамъ и

колоссальнымъ размѣрамъ древняго Гомера. Въ Камоэнсѣ это желаніе подражать чужой формѣ не столько измѣнило основаніе предмета, и потому онъ есть возвышеннѣйшій и совершеннѣйшій изъ сихъ двухъ необыкновенныхъ поэтовъ, ибо онъ болѣе выполнилъ истинное дѣло поэта, облекши высокую мысль образомъ, совершенно приличнымъ ея природѣ. Но по мнѣнію новыхъ аристарховъ, менѣе правиленъ лучше выполнившій условія вкуса и искусства, и водворившій болѣе согласія между формою и основаніемъ своего предмета.

Вѣкъ Людовика XIV-го конечно сіяетъ живымъ и яркимъ блескомъ въ исторіи образованности. Въ этотъ вѣкъ основательно изучали древнихъ авторовъ, но, руководствуясь схоластическими предразсудками, не могли разсматривать ихъ съ надлежащею независимостію, и особенно не могли различать Поэзіи Грековъ отъ Поэзіи Латинцевъ. Не только равно удивлялись Гомеру и Виргилію, но ставили на одну черту Софокла и Эврипида, и даже присоединяли къ нимъ, въ нѣкоторой степени, тяжелаго, надутаго Сенеку. Можно сказать, что въ это время древніе были обожаемы болѣе суевѣрно, нежели разсудительно; въ нихъ равно поклонялись живой оригинальности однихъ и блѣднымъ спискамъ, оставленныхъ намъ другими. Тогда еще не понимали, что истинную, самородную красоту въ

Латинскихъ поэтахъ составляетъ Римскій патріотизмъ и отечественныя, возвышенныя чувствованія Горація и Виргилія. Вниманіе великаго Корнеля было обращено преимущественно на внѣшнія формы древнихъ сочиненій. Одинъ Расинъ болѣе проникалъ глубину предметовъ и *чувствовалъ* древность, не понимая однакожъ ея вполнѣ. Посему у него болѣе нежели у другихъ находимъ согласія въ цѣломъ. Впрочемъ, знаменитѣйшіе критики показали уже не одинъ разъ, чего недоставало ему, дабы привести свои сочиненія въ совершенную гармонію.

Не будемъ удивляться заблужденіямъ, предразсудкамъ и всему *отрицательному*, въ сочиненіяхъ сихъ великихъ писателей, но станемъ достойно оцѣнивать то, что было въ нихъ *положительнаго*, оригинальнаго и совершенно имъ принадлежащаго. Не такъ думаютъ простолюдины-переписчики. Лишенные собственныхъ ощущеній, они подкрѣпляютъ себя заблужденіями великихъ людей, и создаютъ себѣ легкую мудрость, знаніе подражанія, правила, спасительныя для посредственности. Въ самомъ дѣлѣ, всего легче присвоить себѣ какую нибудь форму, потому что форма есть только внѣшность, которою выражается созданіе. Какъ скоро положено за правило, что такая-то внѣшняя оболочка мысли можетъ существовать безъ своей души, что она сама собою представляетъ уже обра-

зецъ идеальной красоты, для которой нѣтъ необходимости согласоваться съ какимъ нибудь духомъ, то обыкновенные писатели съ равною легкостью будутъ творить и въ классическихъ и въ романтическихъ формахъ: одни будутъ слѣдовать педантическимъ правиламъ школы, не вглядываясь въ нихъ пристально, другіе вполнѣ будутъ предаваться фантастической, дневной модѣ.

По примѣру Сенеки, и съ такимъ-же плохимъ успѣхомъ, Триссинъ хотѣлъ воскресить въ Италіи форму Греческой трагедіи; но это подражаніе должно было остаться и безъ жизни, одушевлявшей образцы онаго, и безъ того глубокаго смысла, какимъ были они запечатлѣны у древнихъ. Къ этому-то писателю, какъ къ истинному началу, Альфіери въ наше время приблизилъ Итальянскую трагедію, желая очистить ее отъ Французской вѣжливости и отъ наперсниковъ и наперсницъ, которыми театръ его народа былъ наполненъ изъ педантическаго подражанія великимъ образцамъ вѣка Людовика XIV-го. Но ни Триссинъ, ни Альфіери не могли возродить трагедіи, истинно классической, или существенно Итальянской, хотя первый писалъ правильно и изучалъ Софокла, а другой былъ одаренъ пылкостью выраженія, и, въ подражаніе Эврипиду, старался обрѣсти языкъ страстей, хотя и не могъ найдти его.

Древняя комедія также должна была возродить-

ся на новомъ театрѣ Итальянскомъ. Съ одной стороны, всеобъемлющій политическій умъ, великій цѣнитель практической мудрости Римлянъ, Государственный Секретарь Флоренційскій, съ другой Поэтъ, совершеннѣйшій образецъ счастливой смѣси шутливыхъ и восторженныхъ тоновъ, ироническій до такой степени, что никакъ не льзя различить, гдѣ кончится его шутливость и гдѣ начинается важный тонъ, Макіавель и Аріостъ хотѣли воскресить Плавта и Теренція, также подражателей Аттической сцены, которой нравы и предметы были совершенно чужды общественнымъ привычкамъ Рима. Первый удачно изобразилъ явленія изъ современной жизни, но, вмѣстѣ съ другимъ, упалъ въ своей попыткѣ возстановить древнюю сцену. Примѣръ сихъ двухъ изящныхъ геніевъ не устрашилъ толпы подражателей, вскорѣ явившихся за ними во множествѣ.

Упомянувъ о неудачныхъ опытахъ Итальянцовъ въ Драматической Литературѣ, мы должны прибавить въ ихъ извиненіе, что они не знали генія своихъ народныхъ произведеній въ семъ родѣ, ибо имъ были извѣстны только фарсы, гротески и мистеріи, которые утонченный вкусъ высшихъ сословій предоставлялъ удовольствію толпы. Итальянская Поэзія достигла уже тогда такого высокаго совершенства въ другихъ отношеніяхъ, что свѣтскіе и ученые люди не могли сносить грубостей народной сцены и не хотѣли

унижаться до того, чтобы въ ней искать великихъ, разительныхъ чертъ, и на нихъ стараться основать искуство оригинальное, плодъ полнаго убѣжденія и совершеннаго познанія предмета. Но ничего подобнаго не льзя сказать въ пользу Испанца Лопеца де Веги и Англичанина Бена Джонсона, безразсудно презиравшихъ произведенія собственной своей Музы, какъ нѣкогда Петрарка презиралъ свои сонеты и хвалилъ только тяжкія произведенія ложнаго и чужеземнаго вдохновенія, съ коимъ природное дарованіе сихъ двухъ писателей было въ основаніи своемъ несообразно.

Лопецъ де Вега имѣлъ способность писать съ величайшею легкостью и былъ исполненъ необыкновеннымъ поэтическимъ жаромъ; но онъ сочинялъ наскоро, не размышляя о природѣ предметовъ, и будучи побуждаемъ жить своею работою. Бенъ Джонсонъ болѣе стремился къ совершенству, но онъ примѣшивалъ къ искуству добрую долю педантизма, и, сверхъ того, не имѣлъ пріятнаго ума и нѣжнаго чувства. Оба сіи писателя, проповѣдывая слѣпое суевѣріе къ правиламъ, заученнымъ, на зло разсудку, въ Аристотелѣ, Горація и Квинтиліанѣ, не думали отваживаться ни на одинъ, истинно классическій опытъ, дабы настоящимъ образомъ удовлетворить требованіямъ школы. Много разъ пытались обратить противъ внутренняго достоинства Романтической Литтературы признанія и предраз-

судки сихъ двухъ писателей. Особенно Испанецъ, меньше заботившійся о совершенствѣ произведеній своей Музы, болѣе осмѣивалъ ее и почиталъ искуство свое только безпутнымъ самоуправствомъ. Любопытно и вмѣстѣ грустно видѣть, какъ изящный талантъ не понимаетъ испанныхъ своихъ правъ на славу. Бенъ Джонсонъ не былъ столь легкомысленъ въ своихъ предразсудкахъ, но держался за нихъ съ большею отчетливостью и послѣдовательностью. Онъ въ поэмѣ лица писалъ комедіи и трагедіи, не такъ какъ Лопецъ, который импровизировалъ ихъ съ невѣроятною легкостью. Чѣмъ одинъ обладалъ съ излишкомъ, того недоставало другому.

Шекспиръ и Кальдеронъ занимаютъ средину между сими двумя способами писанія: они глубоко обдумываютъ и разсматриваютъ геній своего предмета, но создавъ его въ умѣ своемъ, излагаютъ легко и прелестно. Бенъ Джонсонъ однообразенъ, отъ желанія быть послѣдовательнымъ въ изображаемыхъ имъ характерахъ и заставлять ихъ говорить всегда однимъ языкомъ страсти, прихоти или расположенія духа, обладающихъ ими: отселѣ происходятъ несносныя его повторенія. Но Шекспиръ обнимаетъ характеръ въ общности, олицетворяетъ его во всей полнотѣ и представляетъ существо дѣйствительно живое и поэтическое: это придаетъ дѣйствующимъ лицамъ его характеръ идеальный

и вмѣстѣ истинный. Бенъ Джонсонъ изучалъ древнихъ, и особенно Римлянъ; онъ видѣлъ, что въ ихъ театрѣ господствуетъ однообразіе въ направленіи духа героевъ трагическихъ и актеровъ комическихъ, и вотъ что почиталъ онъ совершенствомъ искусства! Здѣсь справедливо одно то, что Римская Драма нисколько не можетъ служить образцомъ. Если въ Греческомъ театрѣ лица развиваются въ одномъ направленіи характера, то это происходитъ отъ самой природы сего театра, имѣвшаго начало свое въ Поэзіи Лирической и духовной, и никогда совершенно не измѣнившаго въ трагедіи своего характера. Дѣйствіе въ немъ было всегда самое простое; продолженіе представляемыхъ предметовъ самое краткое; завязка весьма мало запутанная; ясно, что было-бы слишкомъ безразсудно переносить на такую ограниченную сцену разнообразіе побужденій, вслѣдствіе коихъ историческія лица дѣйствуютъ во время своего земнаго существованія. Это не была ни цѣлая жизнь, ни даже одна изъ характеристическихъ сторонъ существованія человѣческаго: на древней сценѣ должно было означать моментъ, особенно важный и торжественный, способный для проявленія правосудія боговъ и для показанія ихъ власти надъ судьбами земными.

У новыхъ, совсѣмъ другое. Хотя Бенъ Джонсонъ располагалъ свои пьесы въ совершенной симметріи, но тѣмъ не менѣе онъ старался выра-

зишь въ ихъ формахъ все разнообразіе, отличающее театръ Шекспира, такъ что въ его комедіяхъ многообразіе положеній и сложные узлы завязки сбиваютъ съ толку, и, въ тоже время, однообразіе, постоянное направленіе характеровъ и однозвучный языкъ однѣхъ и тѣхъ-же страстей, утомляютъ.

Во Французскомъ театрѣ есть подобный-же недостатокъ, хотя и въ другихъ размѣрахъ. Если былъ когда-либо человѣкъ, лишенный смѣшливости и вкуса, то конечно это былъ Шекспировъ соперникъ, о которомъ идетъ рѣчь; но не льзя упрекать въ этомъ корифеевъ Французской сцены. Впрочемъ, если завязка въ ихъ пьесахъ всегда сложна, противно основанію древней трагедіи, служившей имъ образцомъ въ формѣ, то все она сложна гораздо менѣе нежели завязка въ драмахъ Бенъ Джонсона. Видно, что въ отношеніи къ сложности средствъ, употребляемыхъ во Французскомъ театрѣ, примѣръ Испанцевъ, которымъ сначала подражалъ великій Корнель, безпрерывно имѣлъ вліяніе на Французскихъ авторовъ. Но можно сказать, что ни одинъ изъ драматическихъ поэтовъ полуострова, не смотря на сложность завязки, которую они обыкновенно распутываютъ съ невѣроятною легкостью, ни одинъ изъ нихъ и никогда не влагаетъ въ свои пьесы столько движенія жизни, какъ Шекспиръ. Слѣдственно, принявъ пружины

Испанской сцены и упростивъ оныя, Французы не столько какъ Бенъ Джонсонъ подвергались опасности слѣдовать противъ природы вещей и впадать въ большія несообразности между событіями, совершающимися на ихъ сценѣ, и завязкою, служащею узломъ симъ событіямъ.

Такимъ образомъ, величайшій недостатокъ Французскаго театра состоитъ въ томъ, что завязка въ немъ бываетъ слишкомъ сложна, а выраженіе страстей однообразно и расположено риторически, такъ что страсти сіи несообразны ни съ изложеніемъ, ни съ запутанною мыслью Французской драмы. Отселѣ происходитъ нескладица подражанія древнимъ формамъ, лишеннымъ всего, что содѣлывало формы сіи существенными у Грековъ. При всемъ этомъ, вкусъ и смѣлливость великихъ Французскихъ поэтовъ всегда давали имъ безчисленныя средства пособлять чрезвычайно невыгодному своему положенію. Положеніе сіе было причиною безпрерывныхъ противорѣчій и несообразностей въ отношеніи къ самому предмету пьесъ и къ изложенію онаго противно той формѣ, въ какую хотѣли заключить оный.

Изъ сего выходитъ нѣчто условное и слѣдовательно ложное въ раздѣленіи явленій: дѣйствіе разсѣкаютъ, дабы превратить его въ разсказы; но вмѣсто народныхъ хоровъ, сего лирическаго содѣйствія трагическаго театра Грековъ, являютъ-

ся наперсники и наперсницы, обязанныя разсказывать великолѣпными словами происшествія, совершающіяся не на сценѣ. Пьесы Французскія слишкомъ коротки въ отношеніи къ тому, что совершается въ нихъ на словахъ и въ дѣйствіи, и неудобство сіе сильно тяготѣетъ на единствѣ времени. Мѣсто сцены избирается почти всегда противъ природы, и потому непремѣняемость мѣста столько-же условна у Французовъ, сколько естественна у древнихъ Драматиковъ.

Остается единство дѣйствія, существеннѣйшее, или, лучше сказать, одно существенное; но и то стѣснено упомянутою всегдашнею несообразностью, ибо двадцать четыре часа для предполагаемаго дѣйствія пьесы, такъ-же какъ непремѣняемость мѣста сего дѣйствія, ни сколько не ладятся съ завязкою пьесы. Такимъ образомъ, единство дѣйствія принимается въ матеріяльномъ, а не въ нравственномъ смыслѣ, и потому-то, столь разнообразныя пьесы Шекспира и Кальдерона, въ семъ отношеніи часто подлежатъ критикѣ менѣе нежели многія изъ лучшихъ произведеній Французской сцены.

Произведеніе искуства тогда только бываетъ совершенно и соотвѣтствуетъ своей цѣли, когда оболочка его не безобразна и не чисто условна, то есть, когда она не груба и не ложна. Единство времени и мѣста конечно есть преимущество, ибо оно увеличиваетъ простоту созданія трагическаго; но

должно, чтобы оно было естественно и болѣе въ нравственномъ, нежели въ физическомъ смыслѣ. Мнѣ кажется, что только одна *Аталія* не подлежитъ никакому осужденію, и возвышенное созданіе сіе ставитъ Расина на ряду съ Софокломъ. Ни одинъ предметъ, взятый изъ Исторіи Древней или Новой, не соглашается естественно съ единствами миѳологической сцены Грековъ, кромѣ однакожъ единства дѣйствія, потому что событія объемлются только въ общности своей и не имѣютъ никакой существенной цѣны, если ихъ разсматриваютъ въ тѣсномъ объемѣ.

Всякій предметъ историческій, по своему разнообразію, не можетъ быть несложнымъ. Совсѣмъ другое дѣло миѳологическіе предметы Эллиновъ, потому что они основываются на идеѣ, а не на событіяхъ: въ нихъ дѣйствія суть только внѣшняя форма, подъ которою скрывается внутренній смыслъ. Но предметы миѳологическіе не могутъ быть принимаемы нами за истину; слѣдственно намъ не льзя и подражать имъ непринужденно, и потому-то всѣ опыты сего рода въ новомъ театрѣ были неудачны, отъ недостатка вѣрованія, убѣжденія, или даже отъ непонятія басни поэта. Если даже и напомнятъ намъ, какъ то сдѣлалъ Гёте въ своей Ифигеніи, простоту и благородство древней сцены, то все это будетъ кабинетная, но не театральная пье-

са. Расинъ, при всей своей изящной разборчивости, вкусѣ, столь тонкомъ, и рѣдкой смѣшливости, не могъ побѣдить трудностей, нераздѣльныхъ съ трагедіями, коихъ содержаніе заимствовано изъ древнихъ вѣрованій. Онъ лишаетъ ихъ истиннаго значенія; даже восхитительною гармоніею стиховъ своихъ, онъ удаляется отъ своего предмета и увлекаетъ его въ чуждую сферу.

Въ новомъ театрѣ однѣ только тѣ трагедіи, при сообразномъ выборѣ, согласуются съ тремя единствами древнихъ, которыя заимствованы изъ нашего вѣрованія и изъ Священнаго Писанія. Въ семъ случаѣ у насъ является тоже, что на Греческой сценѣ: не дѣйствіе, не событія составляютъ внутренній смыслъ драматическаго сочиненія, но идея, служащая имъ основаніемъ, которой они суть только необходимое выраженіе.

Предметы сіи, подобные предметамъ Эсхиловыхъ и Софокловыхъ драмъ, пріемлютъ Лирическую Поэзію, какъ нераздѣльную съ героико-духовною мыслію. Посему-то Аталія Расинова есть поэма, удивительно совершенная по основанію и формѣ сочиненія: въ ней все глубоко согласовано и приведено въ гармонію. Но не взирая на прелесть поэзіи, облекающей миѳологическіе предметы въ Расиновыхъ пьесахъ, не взирая на чудную глубокость пьесъ, коихъ содержаніе заимствовано имъ изъ Римской Исторіи, онъ не могъ

сдѣлать невозможнаго, когда надлежало соображаться съ системою единствъ, непримѣнимою къ внутренней мысли и къ завязкѣ его трагедій. Впрочемъ, изъ всѣхъ Французскихъ великихъ трагиковъ, объ одномъ Расинѣ можно сказать, что онъ умѣлъ повелѣвать сею трудностью, сколько то было въ его возможности.

Корнель, безъ сомнѣнія, есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ геніевъ, когда-либо занимавшихся Драматическимъ Искусствомъ. Рыцарскій характеръ Сида, гражданскій и Римскій героизмъ его Горацієвъ, красоты всѣхъ родовъ, хотя и неправильно разбросанныя въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ, достаточно показываютъ силу его генія и возвышенность мыслей. Но ни одинъ писатель, въ такой степени какъ онъ, не мучилъ своего ума, дабы осуществить формы, которыя были чужды ему. Онъ по собственной волѣ кладетъ себя на ложе Прокруста, и, какъ будто во время схоластизма, клянется Аристотелемъ, нисколько не понимая его и не проникая тайнъ искуства древнихъ. Онъ нигдѣ не изыскиваетъ причины правилъ, приводящихъ его въ такое замѣшательство, нигдѣ не даетъ себѣ отчета о ихъ сущности, но принимаетъ ихъ какъ высшій приговоръ школы, и старается, хуже или лучше, примѣнить ихъ къ дѣлу.

Корнель былъ склоненъ къ антитезамъ, не

только въ риторической части, но и въ общемъ устроеніи своихъ драматическихъ созданій. Сія наклонность, облекающаяся у Испанцевъ поэтическою краскою и такимъ образомъ теряющая свою холодность и высокопарность, у Корнеля доведена до крайняго злоупотребленія: онъ ввелъ въ драму четверостороннія завязки, которыхъ совершеннѣйшій образецъ находимъ въ Андромахѣ Расиновой. Но, на перекоръ симметріи его пьесъ, въ нихъ ничто не создано сообразно истинной природѣ искусства; въ нихъ тма противорѣчій и невѣроятностей. Не льзя довольно жалѣть, что столь изящный геній самовольно лишилъ себя части своихъ средствъ, чтобы удовлетворить условнымъ правиламъ. Къ симъ помѣхамъ должно присовокупить дурной вкусъ, оказанный имъ въ томъ, что онъ избралъ Сенеку образцемъ трагическаго искусства.

Расинъ явилъ болѣе вкуса, нежели неукротимый Корнель, въ избѣжаніи онъ сего страннаго сплетенія ошибокъ касательно Драматическаго Искусства; ему не удалось только избрать себѣ возвышеннѣйшаго путеводителя, чѣмъ Эврипидъ, котораго онъ обожалъ и за коимъ стремился къ своему идеалу. Греческій Авторъ имѣлъ даръ трогать душу и пробуждать благороднѣйшія ощущенія наши; но онъ употребилъ во зло свои драгоцѣнныя способности и основалъ многія свои пьесы на романической запутанности, совершен-

но оставивши путь, проложенный великими его предшественниками, и удалившись отъ истиннаго генія Эллинскаго театра. Онъ пустился въ софизмы и восклицанія; онъ заставлялъ звучать языкъ страстей въ такой силѣ, что вывелъ изъ границъ часть риторическую и сдѣлалъ главнымъ средствомъ, или принадлежности, надъ основаніемъ или идеею, свойственною древней трагической сценѣ. Именно сего Поэта принявъ образцемъ, Аристотель поставилъ существенною цѣлію искуства не идеальную красоту творенія, но средство распрогиваться и возмущать насъ однимъ изображеніемъ страстей. Конечно, не говоря высоко-истиннымъ языкомъ страстей, драматическій поэтъ будетъ холоденъ и несносенъ; но если онъ имѣетъ въ виду только сіе выраженіе, то забываетъ основную часть своего дѣла, забываетъ идею, дающую жизнь выраженію, и другую, не менѣе существенную часть, истину и идеальность характеровъ. Эврипидъ, умѣя извлекать слезы у зрителей и двигать души ихъ высокостью положеній, почти никогда не заботится объ основаніяхъ всякаго драматическаго сочиненія, необходимыхъ для удовлетворенія искуства и истины. Онъ безпрерывно выражаетъ страсти: даже самыя ораторскія средства, употребляемыя въ слезливой драмѣ новыхъ, иногда хороши для него въ достиженіи къ предположенной цѣли.

Мы уже видѣли, что Французскіе трагики не

поняли идеальнаго направленія Греческаго театра; но они не лучше поспигли сей театръ и въ отношеніи къ развитію характеровъ. Сіи послѣдніе, у Эсхила и Софокла являются во всей древней нагошѣ, какъ статуи Фидія и Праксителя: они совершенны по своимъ внѣшнимъ формамъ и повинуются великой мысли, двигающей ихъ душою. Сіи великіе геніи не думали представлять характеровъ отдѣльно и живописать ихъ, какъ говорится, естественно, или изображать во всѣхъ движеніяхъ, по Шекспировски; они хотѣли сдѣлать ихъ символами природы человѣческой, на которую нисшелъ, въ которую вселился благодѣтельный или злой духъ высшаго происхожденія, и оживляетъ ихъ: это человѣческія существа, возведенныя на степень божествъ, или, лучше сказать, божества, представленныя подъ формами человѣческими. Они чувствуютъ и дѣйствуютъ; они плачутъ и стенаютъ; они торжествуютъ и падаютъ, какъ существа нашего рода; но въ нихъ всегда замѣтно нѣчто великое и спокойное, обличающее ихъ происхожденіе. Колоссальное и смѣлое Эсхила, сдѣлалось истинно изящнымъ въ Софоклѣ.

На Французской сценѣ (чему свидѣтельствомъ можетъ служить самъ Расинъ, избравшій путеводителемъ своимъ Эврипида, но, впрочемъ, избѣгнувшій его софизмовъ и честолюбивыхъ восклицаній), характеры суть не иное что, какъ оли-

цетворенныя страсти. По этому уже они принадлежатъ къ риторическому роду: они всегда на сценѣ; они облекаются въ одно чувство, съ необыкновенною силою и выдержаннымъ благородствомъ разговора. Но не льзя сказать, чтобы это были дѣйствительно характеры: имъ не достаетъ чего-то изъ идеальной природы и символическаго значенія, бывшаго удѣломъ ихъ на Греческой сценѣ; имъ не достаетъ также и высокой, полной истины, которою отличаются они въ театрѣ Шекспировомъ. Правда, что въ изображеніи раждающагося тиранства Нерона и домашнихъ несчастій Митридата, Расинъ забылъ свой обыкновенный родъ: онъ представилъ отдѣльные характеры, а не живописалъ однѣхъ страстей. Онъ и успѣлъ создать два великія, мастерскія произведенія: однакожь, чувствуешь, что могъ-бы онъ извлечь изъ сего воззрѣнія на предметы, если-бы послѣдовалъ ему совершенно, со всею полнотою своего дарованія. Сей прелестный писатель, при своемъ тонкомъ наблюденіи нравовъ, особенно могъ-бы водворить на Французской сценѣ историческую трагедію, и, въ тоже время, какъ поэтъ пламенно вѣрующій, онъ былъ-бы предназначенъ утвердить на ней трагедію религіозную, если-бы глубже проникъ въ тайну своего призванія и лучше понялъ существенный характеръ искусства древнихъ, въ отношеніи къ тому, что могло и долженствовало быть у новыхъ.

Корнель, всю свою жизнь, съ непоколебимою искренностью трудился, такъ сказать, въ потѣ лица, надъ усовершенствованіемъ своего искусства. Въ Расинѣ было столько-же ревности и убѣжденія, но болѣе смѣтливости и вкуса. Вольтеръ, съ своей стороны, пользовался сценою для того только, чтобы блистать на ней своимъ дарованіемъ или проповѣдывать свои мнѣнія, и то болѣе какъ самолюбецъ и начальникъ секты, нежели какъ художникъ и поэтъ. О немъ можно сказать, что онъ никогда не разсуждалъ глубокомысленно объ искусствѣ и совершенно поддавался своему естественному стремленію чувствъ. Къ счастію, оно иногда вдохновляло его удивительно счастливо, если ему случалось избирать предметы рыцарскіе и покоряться религіознымъ чувствованіямъ, которыя впрочемъ онъ обыкновенно старается исказить. Ему также удалось изобразить величіе Рима въ Брутѣ, гдѣ Вольтеръ видимо борется съ геніемъ Корнеля, такъ-же какъ въ другихъ случаяхъ онъ усиливается подражать Расину, то есть быть сладостнымъ, нѣжнымъ и гармоническимъ. Въ Вольтерѣ всѣ недостатки Эврипида, еще увеличенные новымъ софистическимъ духомъ. Нѣкоторыя пьесы его суть не иное что, какъ одна длинная тирада, составленная изъ противу-религіозныхъ мыслей: поэтъ высказываетъ ихъ, никогда не отваживаясь входить въ историческое основаніе своего предмета.

Его Магометъ служитъ сему доказательствомъ. Не льзя болѣе ошибиться въ истинномъ назначеніи искусства.

ИЗМАИЛЪ АЛІЕВЪ,

КНЯЗЬ МАНГАТОВСКИХЪ НАГАЙЦОВЪ.

(Отрывокъ письма изъ Прочно-Окопской крѣпости).

. . . Съ пріѣзда моего, 1827 года въ Маѣ мѣсяцѣ, въ Прочно-Окопскую крѣпость, я познакомился съ жившимъ въ аулѣ за Кубанью, верстахъ въ семи отъ крѣпости, при самомъ Усть-Урупѣ, Нагайскимъ Княземъ *Измаиломъ Аліевымъ*, Россійской службы Поручикомъ; родъ его называется: *Мангатовскій*, ибо Нагайцы, хотя и составляютъ племена одного народа, но раздѣлены между собою по родамъ, какъ-то: рода *Капчатскаго*, *Мангатовскаго*, *Наурузовскаго* или *Новрузовскаго*, *Келимбетскаго* и *Карамурзинскаго*; другіе Закубанцы называли Измаила за просто, по манери: *Измаиломъ Маріевымъ*. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати семи, средняго роста, широкъ въ плечахъ, съ прекрасною таліею, довольно большою головою; рубецъ отъ удара шашки былъ

у него на лѣвой брови; лицо его было круглое, карiе глаза, небольшая, всегда подстриженная, черная борода, и усы небольшiе, самый ястребиный, полукруглый носъ, жилистыя руки и красивыя маленькiя ноги; пріятная улыбка и плавный разговоръ заставляли забывать, что онъ худо говоритъ по Русски.

Мнѣ разсказывали, что прежде былъ онъ злѣйшій непріятель Рускихъ, и въ сраженіяхъ съ нами получилъ нѣсколько ранъ, ибо вездѣ въ битвахъ бывалъ впереди, тамъ, гдѣ предстояло болѣе опасности. Однажды, когда Генералъ-Лейтенантъ Вельяминовъ, бывъ въ экспедиціи за Кубанью, отдѣлился отъ отряда съ малою свитою, Измаилъ, съ нѣсколькими товарищами, кинулся на него и вогналъ его въ самый отрядъ; только быстрота лошади могла спасти Генерала. Разными убѣжденіями склонили Измаила переселиться къ Кубани и сдѣлаться преданнымъ Россіи. Съ тѣхъ поръ во многихъ случаяхъ оказывалъ онъ приверженность свою нашимъ кордоннымъ командирамъ, Полковникамъ: Коцыреву, Князю Бековичу-Черкаскому, Князю Чавчевадзе, и самому Генералу Вельяминову, за что получалъ разныя награды, былъ по представленiю Вельяминова наименованъ Поручикомъ, съ полученiемъ въ треть жалованья по 103 р. 50 коп.

Въ 1827 году Измаилъ всегда извѣщалъ насъ о Закубанскихъ сборищахъ (даже скакалъ од-

нажды со мною, собравъ болѣе ста Нагайцовъ, въ погоню за хищниками, которые на Горькой рѣчкѣ похитили четырехъ Калмыцкихъ мальчиковъ и нѣсколько лошадей). Гассанъ, Паша Анапскій, нѣсколько разъ напрасно требовалъ его къ себѣ, имѣя во власти своей одну жену Измаила (онъ былъ женатъ на двухъ), съ однимъ отъ нея сыномъ; тогда уже предполагали мы всѣ разрывъ съ Портою, и всѣхъ Закубанцовъ Турецкіе чиновники тайно приводили къ присягѣ противъ насъ; но Измаилъ остался вѣрнымъ Россіи, и въ самомъ началѣ 1828 года, коль скоро увѣдомился объ умыслахъ Турковъ достовѣрно, объявилъ намъ.

Въ 1828 году, при всѣхъ движеніяхъ нашихъ за Кубанью, онъ былъ вмѣстѣ съ нами, участвовалъ въ битвахъ и походахъ, какъ Рускій, словомъ и дѣломъ. Три счастливыя экспедиціи, сдѣланныя однимъ нашимъ Генераломъ, о которыхъ мнѣ нѣкогда теперь говорить много, успѣхомъ своимъ были обязаны стараніямъ Измаила.

За Кубанью онъ неотлучно находился при Генералѣ и спалъ всегда вмѣстѣ съ нимъ; переносилъ всѣ труды хладнокровно; въ пищѣ и питьѣ всегда былъ умѣренъ; свинины никогда не ѣлъ, и она была ему отвратительна; водку онъ пилъ, но очень мало, и вина тоже; любилъ преимущественно выпить рюмку бѣлаго, а краснаго вина вовсе не пилъ.

Въ послѣднемъ зимнемъ Закубанскомъ походѣ; въ которомъ мы находились съ 9-го Ноября по 15-е Декабря 1828 года, часто случалось, что расположась биваками на вершинахъ рѣчекъ: Пасфирь или Фарзъ, или за Бѣлою рѣкою, сидя съ Измаиломъ подлѣ костра дровъ, поправляя огонь и опряхивая съ нашихъ бѣлыхъ башлыковъ и косматыхъ бурокъ падающій хлопьями снѣгъ, мы разсказывали другъ другу о прошедшемъ, судили о настоящемъ и мечтали о будущемъ. Слушая мои разсказы о величіи Россіи, Измаилъ удивлялся, но вѣрилъ, и смѣялся надъ Черкесами. «Что̀, » говаривалъ онъ мнѣ, «знаешь братъ: они дураки «все; вѣдь они думаютъ, что на Линіи и вся «Россія заключается. Эхъ! ты не знаешь, какой «это Горскій народъ: все воръ!» Часто осуждалъ онъ нерѣшительность мѣръ нашихъ, даже иногда, но весьма рѣдко, обнаруживалъ свои мысли о покореніи всѣхъ Черкесовъ Горскихъ, и мечталъ, что собравъ сотни три Нагайцовъ и получивъ въ помощь часть Казаковъ, онъ одинъ можетъ отплатить за всѣ разбои Черкесскіе.

Надобно сказать, что всѣ не преданные намъ Черкесы, особливо занимающіеся хищничествомъ, ненавидѣли Измаила смертельно; многіе изъ родственниковъ называли его *Гяуромъ*, *Рускимъ*, *христіаниномъ*, *крещенымъ*; даже нѣсколько разъ подсылали убить его, но между тѣмъ всѣ уважали Измаила, ибо храбрость есть для Гор-

ца такая добродѣтель, что Черкесъ уважаетъ ее въ самомъ врагѣ своемъ, а Измаилова храбрость была всѣмъ извѣстна, по прежнимъ его дѣламъ противъ Рускихъ, ибо Измаилъ никогда не выходилъ изъ сраженія безъ того, чтобы онъ самъ или лошадь его не были ранены. Часто говорилъ онъ: «Генералъ мнѣ не всегда вѣритъ; «но Черкесы мои непріятели, они меня убьютъ: «тогда повѣрятъ мнѣ ваши, да для меня бу«детъ поздно.»

Иногда, видя меня грустнаго, онъ клалъ на плечо мое правую свою руку, и говорилъ мнѣ: «*Саборъ!*» Потомъ, прикладывая указательный палецъ руки къ губамъ своимъ, продолжалъ: «*тюбе сары алтынъ*,» то есть: *терпѣнье все преодолѣетъ.* Когда кто-нибудь хвалилъ платье его или оружіе, онъ всегда отвѣчалъ хладнокровно: «*Ни якши, ни яманъ, а средня рука*, т. е., *ни хорошо, ни худо, а посредственно.*

Я составилъ поговорку на Нагайскомъ языкѣ и Измаилъ всѣмъ твердилъ ее: *Акъ падишахъ улькянъ солъ колмынанъ куньгя етаде онъ колмынанъ айды сыхады* (великъ Бѣлый Царь: лѣвою рукою до солнца достигаетъ, а правою луну сжимаетъ), намѣкая шѣмъ на войны Персидскую и Турецкую. Эта поговорка чрезвычайно нравилась Измаилу; онъ многокраш-

но повторялъ ее, когда шла рѣчь о величіи нашего Государя.

Часто, бывши вмѣстѣ при перестрѣлкахъ, послѣ или предъ оными, я говаривалъ ему: «Убьютъ—ничего; но прошу Бога, чтобы смертная рана моя была въ грудь, а не въ спину.»—Такъ, братъ! — съ веселою усмѣшкою и взмахивая правою рукою отвѣчалъ Измаилъ — шакъ, пускай съ переди, а то—*ятъ марра*!... будетъ стыдно!» Завладѣвъ какою нибудь добычею, когда другіе Князья и Султаны просили себѣ участка, Измаилъ никогда и ничего не просилъ. «Попроси у Генерала,» сказалъ я ему однажды, «ты видишь, что тотъ и тотъ просятъ.» — Какой люди! отвѣчалъ мнѣ Измаилъ, пожимая плечами, «нѣтъ, этого я не сдѣлаю; мнѣ стыдно, братъ!»

Кампанія 1828-го года кончилась; мы возвратились; Измаилъ представленъ былъ къ награжденію золотою медалью и Штабсъ-Капитанскимъ чиномъ. Представленіе пошло въ Декабрѣ; онъ ждалъ Январь и Февраль хладнокровно: ничего не было получено; Мартъ ждалъ съ нетерпѣніемъ: ничего не вышло! Наконецъ, все зазеленѣло и зацвѣло, но прелестный Апрѣль, роскошною юностью обновя природу, не веселилъ его. «Что?» говаривалъ онъ, «все пропало; ну, братъ, вотъ тебѣ моя рука, что я не пойду больше за Кубань! Какой тутъ народъ! Гдѣ дѣло, шакъ тамъ нѣтъ, а послѣ говоритъ много; ты самъ

знаешь! » Онъ съ досадою умолкалъ, и пожавъ руку разставался съ нами.

Наступила Святая Недѣля; въ Прочный Окопъ мы ждали много гостей; Измаилъ спрашивалъ меня, какъ ему пріѣхать. « Всѣ Князья хотятъ: *Байрамъ хаиръ восенъ* (съ праздникомъ поздравить) Генерала. » Пріѣзжай одинъ на первыхъ дняхъ, говорилъ я ему, а они пускай послѣ. На завтракѣ у Генерала, кромѣ пріѣзжихъ изъ Ставрополя гостей, собралось военныхъ множество: командировъ полковъ и баталіоновъ, гусаровъ и артиллеристовъ, армейскихъ и казаковъ были полны комнаты; всѣ въ новыхъ мундирахъ, блестящихъ эполетахъ, новыхъ шарфахъ; у многихъ старыхъ штабъ-офицеровъ, бывшихъ въ походѣ 1812-го и слѣдующихъ годовъ, груди сіяли крестами и медалями. Вдругъ входитъ Князь Измаилъ. « Здорово! » сказалъ ему дружески Генералъ, и повелъ его за руку въ гостиную, гдѣ представилъ дамамъ; онѣ хвалили щеголеватую опрятность одежды Измаила. На немъ была коришневаго сукна шапочка (*бюркъ*), съ соболинымъ околышемъ, черный шелковый галстухъ, матерчатый бешметъ (кафтанъ) тонкаго сукна, коришневаго цвѣта, черкеска (чебкень), кругомъ обложенная серебряною, вышканною тесьмою, какъ бордюркою; такого-же сукна панталоны (шилваръ) и съ такими-же серебряными тесьмами по швамъ и кругомъ; Русскіе полусапожки;

на темносиней, узенькой Черкесской поршупеѣ, съ серебряными, подъ чернью и позолотою, пуговками и пряжечками, висѣла шашка (кильджанъ) съ серебряною рукояткою, чернью, позолотою и серебрянымъ шемлякомъ, знакомъ его Поручичьяго достоинства, въ черныхъ сафьянныхъ ножнахъ, по мѣстамъ серебряными шесьмами обложенныхъ. Измаилъ скромно вошелъ, поклонился нимало не замѣшавшись отъ блестящаго общества, и вступилъ въ приличный разговоръ, какъ человѣкъ, привыкшій къ обществу людей образованныхъ; но задумчивость и какое-то уныніе были на лицѣ его. На другой день праздника, по утру, напившись чаю, онъ одѣвался въ другой моей комнатѣ, когда къ нему влетѣлъ воробей. «Смотри!» закричалъ онъ мнѣ, «воробей!» — Не хорошо, Измаилъ, сказалъ я, притворяя дверь, и по нашему это худая примѣта; выкинь его вонъ и запри окно.—Упоминаю здѣсь объ этомъ случаѣ, потому, что Измаила этотъ случай поразилъ чрезвычайно. На третій день, сходивъ къ Генералу по утру, прежде меня, когда я не помню чѣмъ-то занимался, онъ вошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Ну, я уже простился съ Генераломъ; мнѣ нечего больше дѣлать; пора домой!» — Что-жь ты спѣшишь, позавтракай: сей часъ будетъ готовъ молоденькій барашекъ, отвѣчалъ я. — «*Булларъ* (пускай шакъ)!» сказалъ Измаилъ, но все былъ печаленъ чрезвычайно. Ко мнѣ еще пришли гости;

подали закуску; лекарь *** ѣлъ съ большимъ аппетитомъ; барашекъ еще не поспѣлъ, и для медицинскаго аппетита дали голову поросенка. Измаилъ увидѣлъ ее и тотчасъ ушелъ въ другую комнату; замѣтивъ, что онъ обидѣлся, я старался его успокоить, говорилъ, что это подано не для него, а для нашего лекаря. «Ты знаешь, братъ, я тебѣ *кунакъ* (другъ, пріятель), а эта голова свинья, она мерзкая!» Сколько могъ, убѣдилъ я его, но никогда прежде не примѣчалъ въ немъ подобной строптивости. Наконецъ принесли цѣлаго барашка на противнѣ. Измаилъ ѣлъ, хвалилъ, прибавилъ: «У насъ такъ не умѣютъ,» выпилъ стаканъ Донскаго вина и хотѣлъ идти. Мы никогда съ нимъ не цѣловались, но тутъ, какъ нарочно, прощаясь, поцѣловались въ губы. У Черкесовъ этого нѣтъ въ обыкновеніи, и я самъ не знаю, какъ это случилось. Измаилъ тотчасъ отправился. На другой день было у насъ шумно; карты и танцы занимали всѣхъ; передъ сумерками, мнѣ стало удивительно грустно: я отказался отъ картъ, не сдѣлалъ ни одного круга вальса, игралъ въ шашки и скучалъ. Ночь была препемная; накрапывалъ дождь. «Теперь,» говорили мы, «у разбойниковъ ноги обуты, руки въ рабошѣ, и сердце не на мѣстѣ!»

Гораздо за полночь всѣ разошлись, и я, усталый, кинулся на свою постель. 18-го Апрѣля, чуть свѣтъ, входитъ ко мнѣ торопливо перевод-

чикъ, съ Измаиловымъ узденемъ Якубомъ и Мурзою Абазою, сыномъ извѣстнаго старѣйшаго Нагайскаго Князя Мамашъ Гирея Абулова. «Несчастье!» сказалъ испуганный нашъ Никишинъ: «Измаилъ— убитъ!...»

Не могу изъяснить, какъ пораженъ я былъ симъ печальнымъ и неожиданнымъ извѣстіемъ. Вотъ что мнѣ разсказали, и какъ все случилось.

17-го Апрѣля Измаилъ былъ у больнаго Князя Нагайскаго, Каплана, когда день уже вечерѣлъ; онъ сожалѣлъ о больномъ, и въ полголоса говорилъ окружавшимъ его, что не желалъ-бы такъ умереть, а хотѣлъ-бы, если Богъ дастъ, умереть отъ пули. Не успѣлъ онъ кончить сихъ словъ, какъ ему дали знать, что человѣкъ съ 20-ть хищниковъ напали на аулъ узденя его *Иги-Темира*, похитили самаго узденя, сына его и табунъ лошадей. Пока собрались и сѣли на лошадей въ погоню, хищники переправились черезъ Урупъ съ добычею, направляясь къ рѣчкѣ Синюхѣ. Лошади были на паспьбищѣ и Нагайцы на работѣ въ полѣ. Не болѣе осьми человѣкъ начали преслѣдовать хищниковъ. Молодые Князья Нагайскіе, два брата Абуловы, просили Измаила отстать и прислать имъ подкрѣпленіе, а сами вступили въ перестрѣлку съ разбойниками. Нападая и отражая, они проскакали верстъ 20-ть, и достигли Синюхи. Измаилъ не слушалъ ихъ, былъ съ ними, и когда у одного Нагайца подстрѣлили

лошадь, и на самого его напало нѣсколько Черкесовъ, тотъ, выстрѣливъ изъ ружья, отмахивался шашкою и кричалъ о помощи; Измаилъ не могъ быть хладнокровнымъ зрителемъ, кинулся защищать; при его приближеніи Нагайцы не выдержали и громко закричали: *Измаилъ, Измаилъ!* Услышавъ это, хищники сомкнулись кучею; уже наступала ночь, небо покрыто было облаками; только ружейные и пистолетные выстрѣлы освѣщали мѣсто битвы; одинъ изъ разбойниковъ, ѣздившій на бѣлой лошади, подскакалъ внезапно къ Измаилу, и въ упоръ выстрѣлилъ въ него изъ ружья; пуля, разбивъ верхушку мамонтовой рукоятки Измаиловой шашки, прошла ему на вылетъ въ животъ. «*Алла, Алла!*» дважды вскричалъ Измаилъ. Убійца, самъ пораженный своею удачею, оборачивалъ лошадь, чтобы скакать прочь, но Измаилъ направилъ бывшее въ рукахъ его ружье на разбойника, выстрѣлилъ ему въ спину, и убійца — палъ съ лошади мертвый! Сполъ былъ силенъ Измаилъ, что ружье свое еще закинулъ на спину; Абазъ Абуловъ, бывшій подлѣ него, поддержалъ его подъ руку и спросилъ: «Что съ тобой сдѣлалось?» — Я свое уже получилъ, отвѣчалъ онъ, сними съ меня ружье и не называй по имени, чтобы наши не пришли въ уныніе, а злодѣи мои не порадовались-бы моею смертію, и ободрясь не нанесли-бы вамъ пораженія. — Его отвели къ сторонѣ. Когда

хотѣли снять Измаила, но поддерживая его, не заботились о лошади, думая, что онъ еще держитъ за повода; но уже руки его ослабѣли, лошадь вырвалась изъ подъ него, и онъ упалъ на землю. Опъ ужасной боли Измаилъ вскричалъ громко нѣсколько разъ: *Алла! алла!* Его положили на разостланныя бурки. Извѣстіе о смерти его прекратило битву; Нагайцы окружили умирающаго. «Не жалѣю,» сказалъ имъ Измаилъ, «что умираю отъ пули; убійца мой не похвалится моею смертію: я взялъ свое; но болѣе доволенъ тѣмъ, что убитъ съ переди, а не съ зади,» и—онъ испустилъ духъ свой.

Таковъ былъ простой разсказъ очевидцовъ, за истину коего я могу ручаться. Пожалѣйте, что Рускіе лишились въ Измаилѣ друга и героя, а я добраго моего пріятеля.

Тѣло убійцы Измаилова, четыре съ сѣдлами непріятельскія лошади и вся добыча были отбиты его товарищами.

Начальникъ партій хищниковъ былъ богатѣйшій уздень Убыховскаго народа и храбрѣйшій изъ Горскихъ разбойниковъ, *Пиммавъ Бабуковъ*; онъ самъ убилъ Измаила и былъ убитъ имъ, какъ я сказалъ выше. Вожакомъ партій былъ бѣглый Кабардинскій Князь, Кучукъ Аджи-Гиреевъ, въ послѣднее время своими злодѣйствами прогремѣвшій по Линіи; онъ также смертельно ранент

былъ въ этой ошибкѣ, и, какъ говорятъ, отъ руки Измаила. Слѣдственно, и смертью своею Измаилъ оказалъ важную для Рускихъ услугу, избавивъ насъ отъ двухъ свирѣпѣйшихъ Горскихъ злодѣевъ. Послѣ Измаила осталась жена, Княгиня Таука-Тушай, женщина лѣтъ 20, которую онъ страстно любилъ, и два сына, изъ коихъ одному 4, а другому 2 года; въ горахъ у него остался одинъ сынъ, лѣтъ 8, о которомъ онъ мнѣ часто говорилъ съ удовольствіемъ: «Знаешь, братъ, мальчикъ славный: умѣетъ Алкоранъ читать, какъ эффендій; я его отдамъ Рускимъ; пускай въ Корпусѣ учится, чтобъ былъ человѣкъ!» Мать сего дитяти, первую жену, на которой женатъ былъ Измаилъ въ молодости, по обстоятельствамъ, онъ при жизни своей отдалъ за другаго въ замужство, и съ послѣднею женою жилъ почти по Европейски, въ совершенномъ согласіи. Онъ позволялъ мнѣ ее видѣть, но только самъ не бывалъ съ нею въ то время. Мнѣ случилось пить съ нею чай. Княгиня разливала, какъ слѣдуетъ образованной хозяйкѣ, но прибавляя всегда извиненія, что не умѣетъ хорошо наливать чай по Русски, и коль скоро вставалъ я, то и она изъ учтивости приподнималась: слѣды Азіятскаго гаремства.

Измаилъ былъ самый просвѣщенный между Закубанскими Князьями: онъ читалъ и писалъ хорошо по Нагайски и частію зналъ по Арабски;

послѣ него остался племянникъ, Мурза Эдигей Аліевъ, который воспитывался въ горахъ у Бисленеевскаго народа, былъ въ плѣну у Абезеховъ и недавно однимъ кунакомъ Измаила освобожденъ. Сей кунакъ, уздень Абезехскій, Мисеръ бей Безраоко, котораго я видѣлъ въ прошлую экспедицію нашу, съ честію прислалъ племянника Измаилова, подарилъ ему двухъ прекрасныхъ коней, двѣ пары плапья, полное двойное и весьма хорошее вооруженіе и одинъ панцырь, со всѣмъ прибором. Отправляя его, онъ извѣстился, что Горцы уже дрались съ Нагайцами: «Ступай!» сказалъ онъ юношѣ. «Измаилъ непремѣнно будетъ участвовать въ дракѣ, будетъ впереди другихъ, и въ жизни его не льзя быть увѣреннымъ; если онъ живъ еще, то скажи ему, что я не скоро къ нему пріѣду, но пусть будетъ онъ увѣренъ, что все, что только дѣлается между нашимъ народомъ, будетъ ему чрезъ посланныхъ моихъ извѣстно. Если-же Измаила уже нѣтъ болѣе, то я изъ памяти къ нему буду извѣщать обо всемъ тебя. Съ Измаиломъ хотя мы не тѣсно были соединены, но отцы наши были старые друзья!» Вотъ мнѣнія и чувства Черкесовъ.

Возвратившійся племянникъ, мальчикъ лѣтъ 14-ти, оплакалъ потерю своего дяди; но подвластные, видя его молодость, и теперь неутѣшно горюютъ о потерѣ своего владѣтеля. Съ ос-

корбленнымъ видомъ Эдигей однажды сказалъ имъ: « Неоцѣненна потеря вашего благодѣтеля и дяди моего, но для защиты вашей еще осшаюсь вамъ я! Да, я теперь вижу, что мнѣ ничего болѣе дѣлать не должно, какъ быть сполъже предану Рускимъ, сколько былъ имъ преданъ дядя мой Князь Измаилъ, чтобы заслужить любовь Россійскаго Правительства и чрезъ то быть Мангашовцамъ надежною опорою. Измаилъ былъ у Рускихъ вожакомъ; но онъ только днемъ могъ указывать дорогу, и то до мѣстъ жительства Горцовъ; но я могу и въ самую темную ночь провесть Руское войско, въ самыхъ горахъ; мнѣ извѣстны не только дороги тамъ, но и самыя тропинки. » — Благодаримъ тебя, Князь, отвѣчали старики, но кто насъ защититъ по нашимъ дѣламъ? Насъ никто не могъ обидѣть, нашъ законъ *шаріятъ* Измаилу былъ извѣстенъ лучше всякаго муллы и эффендія, а храбрость Измаила защищала отъ явныхъ нападеній; ты молодъ, Князь, поживи, и тогда увидишь, какъ трудно замѣнить намъ владѣльца нашего и благотворителя.

Всѣ Нагайскіе Князья собрались отдать послѣдній долгъ Измаилу; нашъ Генералъ также поѣхалъ почтить прахъ его, а вмѣстѣ съ нимъ были: Баронъ Розенъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Предсѣдатель областнаго Совѣта Полковникъ Войска Донскаго Залещинскій; Ку-

банскаго линейнаго полка командиръ, Подполковникъ Степановскій; Навагинскаго пѣхотнаго полка Подполковникъ Пирятинскій; Маіоръ Фонъ-Зассъ; нѣсколько офицеровъ и конвойные казаки. Подъѣзжая къ аулу, мы услышали какой-то необыкновенный, смѣшанный шумъ, подобный говору лѣсовъ во время бури; въѣхавъ въ аулъ, мы могли уже различить голоса людей, крикъ, вопль, плачь и хлопанье въ ладоши. Невидавши никогда Музульманскихъ похоронъ, признаюсь, я былъ пораженъ и изумленъ. На площадкѣ, противъ Измаиловыхъ саклей, стояли два его коня, одинъ свѣтло, другой темно-сѣрый; на каждомъ изъ нихъ надѣты были любимыя его сбруи и повѣшены полныя рыцарскія его вооруженія: панцыри, колчанки, сабли, калчаны съ стрѣлами, луки, и проч. Вокругъ находилась толпа женъ и рабовъ. Измаилова жена, сестра и другія женщины были пушъ, съ распущенными на лица волосами, такъ, что у нѣкоторыхъ волосы закрывали совсѣмъ лицо, какъ будто покрываломъ, въ странныхъ какихъ-то епанчахъ, съ обнаженными руками и босыми ногами. Вся эта многочисленная толпа, ставши въ кружокъ около Измаиловыхъ лошадей, обращалась противъ теченія солнца, плакала, кричала, вопила, драла волосы, царапала себѣ лица и била въ ладоши; тоже дѣлали и рабы его, выкрикивая еще притомъ какой-то странный припѣвъ: *ай га!* — Поодаль стояла толпа людей

изъ сосѣдственныхъ ауловъ, подвластныхъ и пріѣхавшихъ на похороны; далѣе, передъ кунацкою Измаила, стояли старики; впереди ихъ были Князья и Султаны, въ глубокомъ молчаніи, съ печальными лицами. Кунацкая саклія Измаилова была пуста, обвѣшена его платьемъ, оружіемъ и напереди оной было повѣшено все то платье, которое находилось на Измаилѣ въ день его смерти; передъ домомъ жены его, обнесеннымъ высокимъ плетнемъ, обтыканнымъ терновникомъ, стояла толпа народа и Измаиловы дѣти. День былъ тогда весенній, теплый, даже жаркій. Когда мы пріѣхали въ аулъ, солнце надъ лѣсомъ и берегомъ рѣки Урупа склонялось къ западу, то погружаясь въ густыя, черныя, но рѣдчатыя облака, то выходя въ разсѣлины оныхъ, и мгновенно сверкая лучами, багровя окраины облаковъ и изливая какой-то тусклый, кровавый свѣтъ на печальную картину общей грусти, всѣхъ насъ поразившую. Жена Измаила, прекрасная, молодая женщина, съ распущенными, черными какъ смоль, длинными и густыми волосами, въ раздранной одеждѣ, съ плачемъ, стенаніями и воплемъ, казалась изображеніемъ отчаянія.

Можете вообразить, какъ сильно все это дѣйствовало на меня. Я сошелъ съ коня и молча подошелъ къ кунацкой саклѣ Измаила; узнавши меня, Нагайцы поднесли ко мнѣ малютку двухълѣтняго сына его; тутъ не могъ я болѣе выдер-

жаль и заплакалъ самъ, какъ дитя. Взявъ въ руки висѣвшую при кунацкой Измаилову рубашку, изъ синей, клѣтчатой холстинки, пробитую насквозь пулею, и на которой запеклась благородная кровь Князя Измаила, я оцаралъ ею слезы мои. Кровь Музульманская смѣшивалась съ слезами Христіанина.

Тѣло Измаила только что было предано землѣ; мы поѣхали на могилу его, и поклонились праху героя Нагайскаго.

1 Мая 1829 года.
Прочный Окопъ.

ПСАЛОМЪ 34-й.

(Свободное преложеніе).

О, стань Ты за меня, мой Боже!
Не выдавай меня врагамъ!
Съ мечемъ, съ щитомъ воздвигнись Самъ,
И врагъ меня не переможетъ!
Простри, Господь! Свое копьё
И имъ загороди дороги:
Запни ихъ дерзостныя ноги;
И мнѣ: «*Спасенье Я твоё*!»
Скажи, Всесильный! для подкрѣпы;
А вы, въ змѣиные вертепы

Ползите, люты! назадъ,
Какъ предъ весною зимній хладъ!...
Пусть Ангелъ Божій ихъ размахомъ
Меча незримаго разитъ;
Да побѣгутъ, какъ въ вихрѣ, съ прахомъ
Предъ бурей, желтый листъ бѣжитъ!
И тмой густой и скользотою
Ихъ грѣшный путь да будетъ имъ,
Чтобъ не ругались нищетою
И скудосиліемъ моимъ!
И имъ за то, что мнѣ, за кротость,
Надъ пропастью послали сѣть,
Её самимъ пятой задѣть
И врынуться въ свою-же пропасть!...
Тогда ликуй, душа моя,
О Богѣ—Спасѣ веселяся!
Тогда всѣ кости, оживяся,
Воскликнутъ: «Дивный! власть Твоя
«И сила всякой силы выше:
«Тобой страдалецъ бѣдный дышетъ,
«И, коршуны! изъ ихъ когтей
«Онъ вырванъ дланію Твоей!...»
Сошлись... сидятъ съ грозой и силой,
И я предъ ними въ тѣснотѣ.
Кичась, ругаясь спротѣ,
Они хулятъ мой видъ унылой.
Ихъ взоры на моихъ шагахъ;
И съ каждою моей ошибкой,
Уста ихъ движутся улыбкой
И радость искритъ въ ихъ очахъ.
О, Боже, какъ они скрежещутъ!
Но долго-ль, Господи! все такъ?

Когда отрадные заблещутъ
Твои лучи въ сей страшный мракъ?
Когда запуганную душу
Отъ лютыхъ отведешь враговъ?...
Тогда безмолвность я нарушу,
И закипитъ къ Тебѣ любовь,
И, предъ собраніемъ великимъ,
Я воспрублю Тебѣ хвалу!...
Пусть пиръ даютъ страстямъ ихъ дикимъ,
Пусть злоба ихъ куетъ хулу!..
О, какъ очами помаваютъ,
Смотря лукаво на меня!
И, неповиннаго виня,
Они, съ угрозой, восклицаютъ:
«Мы видимъ! видимъ! хорошо!....»
И Ты ихъ также видишь, Боже!
И взоръ Твой сталъ грознѣй и строже:
Почто надъ бѣдною душой
Они ругаются?... Возстани!
Возстани праведный на судъ!
Пускай Твои святыя длани
Уста хулителей запрутъ,
Чтобъ не гласили, величаясь:
«Онъ, слабый, нами поглощенъ!»
Къ отцу съ молитвою кидаясь,
Убогій Богомъ защищенъ!...
Гдѣжъ ихъ сплетенія? гдѣ козни?
Гдѣ злобой сытыя сердца?....
А я въ разсвѣтъ и въ вечеръ поздній
Все славлю, все пою Творца!

Ѳ. Глинка.

ГЕТЬМАНСТВО.

(Украинская мелодія).

Булава, бунчуки
Не воскреснутъ для насъ;
Лишь поютъ старики,
Какъ Хмѣльницкій погасъ.

Ужь не будетъ, не будетъ въ Украйнѣ Богдана!
По лѣсамъ бунчуковъ, на конѣ, съ булавой,
Не скакать ужь ему предъ казачей толпой:
Схоронили Украйну мы въ гробѣ Гетмана.

Усачи казаки
Изъ дубовыхъ гробовъ
Не сберутся въ полки,
Не пойдутъ на враговъ!

Вы сокрылись, сокрылись блаженные годы!
Табуны не пасутся въ зеленыхъ лугахъ,
Запорожцы не скачутъ въ обширныхъ степяхъ,
И лишь память осталась бывалой свободы.

Бандуристы поютъ
О святой старинѣ;
Но Поляковъ не бьютъ
Казаки въ Чигринѣ.

И какъ крупная капля съ небесъ дождевая
При началѣ грозы заскользитъ по листамъ,
Изъ очей старика по звенящимъ струнамъ
Задрожавши слеза покатится сверкая.

Хороводы дѣвицъ
Соберутся къ пѣвцамъ;
Отъ плѣнительныхъ лицъ,
По груди, по плечамъ

Темнорусыя кудри волнуются, вьются:
Но тоска, какъ туманъ, въ ихъ очахъ голубыхъ,
За Украину сердце трепещетъ у нихъ,
Собираются слёзы и градомъ польются.

Ник. Маркевичъ.

КЪ НЕЭРѢ.

Quid prodest cœlum votis implesse, Neaera,
Blandaque cum multa thura dedisse prece?

Tibul. Eleg. 3. Lib. III.

Почто обѣтами обременять боговъ,
И, тучный ѳиміамъ куря предъ алтарями,
Просить у нихъ себѣ великолѣпный кровъ,
Гдѣ-бъ мраморный помостъ я попиралъ ногами?
Зачѣмъ просить у нихъ, чтобы поля мои
Всегда обильныя мнѣ жатвы приносили?
Привыкъ я умѣрять желанія свои:
Лишь объ одномъ я ихъ молю, чтобы судили
До старости дожить, Неэра, мнѣ съ тобой,
И чтобъ въ послѣдній часъ, въ сей часъ уничтоженья,
Съ тобой простясь на вѣкъ, я челнъ мой роковой
Направилъ безъ тебя къ брегамъ рѣки забвенья.
Что пользы мнѣ имѣть сокровищей соборъ,
Отягощать воловъ безплодными трудами?

Къ чему мнѣ пышный домъ, гдѣ-бы встрѣчалъ мой взоръ
Подъѣздъ, украшенный Тенарскими столбами?
На что сады, къ чему тѣнистыхъ рощей видъ,
Изображеніе лѣсовъ густыхъ, священныхъ?
Ни мраморъ, ни порфиръ меня не усладитъ,
Ни прелесть дивная корнизовъ позлащенныхъ.
На что мнѣ перлы, дань Эритрейскихъ береговъ,
И шерсть, упитанна Сидонской червленицей?
Дивится чернь красѣ и блеску сихъ даровъ,
Но зависть слѣдуетъ владѣльца за гробницей...

Неэра! при тебѣ и бѣдности я радъ,
А безъ тебя царей сокровищъ не желаю.
Настань, приди скорѣй, о день моихъ отрадъ,
Свиданья день! тебя съ восторгомъ ожидаю.
Но ежели Амуръ, не внявъ мольбѣ моей,
Обѣты презритъ всѣ и не свершитъ желанье,
Тогда всѣ почести, тогда вѣнцы царей,
Пактола золото мнѣ скудно воздаянье.
Пусть ищетъ ихъ другой; мнѣ-жь благо на земли
Съ тобою вмѣстѣ жить въ смиренной самой долѣ.
Юнона! искреннимъ мольбамъ моимъ внемли,
Услышь покорнаго твоей могущей волѣ.
Когда-же Парками мнѣ воспрещенъ возвратъ,
Тогда пусть Оркъ туда скорѣе призываетъ,
Гдѣ воды скованны недвижимо стоятъ,
Гдѣ вѣчный мракъ, куда лучь дня не досягаетъ.

А. Киреевъ.

УНИЧТОЖЕНІЕ.

(*Видѣніе*).

Всякая любовь вѣруетъ въ два безсмертія: свое собственное и чужое. Если она можетъ страшиться, что когда нибудь кончится, то она уже кончилась. Сердцу все равно, погибаетъ-ли любовникъ, или только любовь его. Сомнѣвающійся въ нашей вѣчности, когда на вѣки разрушается прекрасное сердце—чтобы опять любить его—по крайней мѣрѣ его совершенству завѣщаетъ вѣчную жизнь въ бытіи высшемъ и опять находитъ любовника, сокрытаго подъ холодною землею, въ разоблаченномъ созвѣздіи небеснаго міра.

Человѣкъ—который всегда вопрошаетъ слишкомъ рѣдко себя и слишкомъ часто другихъ—хранитъ внутри себя не только свои наклонности, но даже и свои мнѣнія, которымъ противныя онъ избираетъ въ дѣлахъ, до тѣхъ поръ, пока могучія потрясенія Судьбы или Поэзіи не раскроютъ предъ нимъ со всею силою тайной глубины его внутренности. Вотъ почему такъ легко съ хладнокровіемъ читать заглавіе этой статьи, не принимая и не желая уничтоженія; но мы трепещемъ, когда сердце наше вскрываетъ намъ суровый основъ предубѣжденія, когда

узнаемъ, что земля, гдѣ мы всѣ хотимъ спокойно приникнуть усталыми главами, есть только обширное мѣсто казни для бѣдныхъ, изможденныхъ преступниковъ, когда выводятъ ихъ—изъ темницы. Тогда-то—и какъ часто—жаромъ сердца, воспламеняется свѣтъ во мракѣ черепа, какъ второй электрическою искрой, направленною въ грудь, возвращается жизнь организму, пораженному прежде въ голову (*).

Безъ надежды, въ злой гнилой горячкѣ лежалъ Оттомаръ въ послѣднемъ домѣ на краю деревни, откуда видно было поле сраженія, покрытое трупами, еще не преданными землѣ. Каждую ночь въ его жаркомъ, страждущемъ сердцѣ адскою бездной клубилась воспаленная кровь и рисовала ужасные образы въ разстроенной душѣ его; черный, бурный потокъ крови отражалъ ему и мрачное, блуждающее небо, и сокрушенные образы и раздирающія воздухъ молніи. Когда-же возвращалось освѣжающее утро, когда змѣиный ядъ жестокой болѣзни истекалъ изъ удрученнаго его сердца, тогда свирѣпствовала предъ нимъ неподвижная гроза войны въ непрестанной молніи и громовыхъ ударахъ; и ея кровавые, искаженные образы, какъ трупы, вставали предъ нимъ въ ночныхъ картинахъ его воображенія.

(*) Реймарусъ — Новѣйш. сочиненія относительно молніи.

Въ полночь, которую я хочу здѣсь описывать, болѣзнь его достигла крутой высоты перелома между гробомъ и жизнію. Глаза его были увеличительными стеклами въ зеркальной комнатѣ, уши—слуховыми трубами въ сводахъ, гдѣ тысячу разъ повторяются отголоски—приставникъ простиралъ предъ нимъ гигантскіе члены свои—пестрые узоры цвѣтнаго занавѣса отолстѣли, побагровѣли, и подымались, и падали другъ на друга въ вихрѣ бипвы; кипучій Сиѳонъ схватилъ его въ непоняшныхъ мученіяхъ, и въ стонахъ и молніяхъ повлекъ его черезъ моря— и внизу, изъ глубины внутренности мѣлкіе, рѣзкіе призраки, которые преслѣдовали его еще въ горячкѣ младенчества, съ клейкими, холодными лапами жабы, выползали на теплую его душу и говорили: « мы всегда тебя мучимъ ! » —

Вдругъ, когда померкшее сердце рвалось изъ палящаго жерла горячки, потолокъ комнаны покрылся желтымъ отраженіемъ близкаго пожара. Сухой, пылающій, полузакрытый глазъ его прикованъ былъ къ освѣщеннымъ, прозрачнымъ узорамъ занавѣса, которые развивались при отдаленномъ заревѣ. Мгновенно раздвинулся въ нихъ призракъ, съ мертвенно-блѣднымъ, неподвижнымъ лицомъ, съ устами блѣдными; съ бѣлыми бровями. Призракъ искалъ больнаго закрюченными, длинными рогами, которые выдвигались изъ пустопы глазныхъ впадинъ. Онъ наклонился ближе

и черные концы роговъ, какъ ледяныя жала, придвинулись, холодно навѣвая ему на сердце. Здѣсь повлекъ онъ его назадъ холоднымъ дыханіемъ, назадъ, чрезъ стѣны и утесы, и чрезъ землю: рога, какъ кинжалы, впрепетали на обнаженной груди Оттомара, и когда онъ повергнулся назадъ — міръ разверзся предъ нимъ — пали обломки сокрушенныхъ горъ, развалины пылящихся утесовъ — и облака и мѣсяцъ растаяли въ низверженіи, какъ падающій градъ — и міры стрѣлами спустились на мерцающе-бѣлый призракъ, солнцы съ крутящимися вокругъ планетами поникли предъ нимъ въ медленномъ, тяжеломъ паденіи — и наконецъ посыпались потоки пепелу...

« Бѣлый призракъ, кто ты? » сказалъ наконецъ сопраждущій.—Если я назову себя, то тебя уже не спанетъ, отвѣтствовалъ онъ, не отверзая устъ, и ни важность, ни веселіе, ни любовь, ни гнѣвъ не выразились на мраморномъ лицѣ его, и вѣчность протекла мимо его, и онъ не измѣнился. И призракъ поставилъ его на узкую тропу, сдѣланную изъ земли, которой посыпаютъ мертвыхъ. Тропа пролегала чрезъ кровавое море, изъ котораго выглядывали сѣдые волосы и бѣлые пальцы младенцевъ, какъ цвѣтки водяныхъ растеній, и покрыша она была воркующими голубями и влажными крыліями бабочекъ, и яйцами соловьевъ и сердцами человѣческими; и призракъ разрушалъ все своимъ движеніемъ. Онъ

влекъ за собою длинное сѣрое покрывало, по кровавому пространству волнующееся, которое сдѣлано было изъ влажнаго полотна, полагаемаго на глаза умершихъ. Багровыя волны воздымались вокругъ смущеннаго страдальца; извивистый путь шелъ попомъ по холоднымъ, скользкимъ грибамъ, и наконецъ только по длинной холодной, скользкой эхиднѣ.

Онъ соскользнулъ — но вдругъ обхватилъ его вихрь, предъ нимъ распростерлась безпредѣльная, черная льдина, на которой лежали всѣ народы умершіе на земли, одеревенѣлые, замерзлые толпы труповъ—и глубоко внизу, въ бездонной пропасти, отъ вѣчности звонилъ землетрясеніе маленькій ощетинившійся колокольчикъ: то былъ смертный колоколъ природы. — «Это-ли второй свѣтъ?» вопросилъ безутѣшный человѣкъ. Призракъ отвѣтствовалъ: «Второй свѣтъ во гробѣ, въ зубахъ червей.»—Человѣкъ смотрѣлъ, чтобы сыскать утѣшительное для себя небо, но надъ нимъ стоялъ твердый черный дымъ, широкій погребальный покровъ, который протянутъ былъ между небомъ міровъ и этой темной, морозной пустотою природы — и груда развалившихся вѣковъ дымилась изъ пропасти, и дѣлала покровъ чернѣе и шире. И тогда красными пѣнями пробѣжало по мрачному своду отраженіе падающаго горящаго міра, и вѣчный бурный порывъ огласилъ падающія стенанія.

« Мы страдали, мы надѣялись; и мы мучимся. — Всемогущій! не сотворяй болѣе! »

Оттомаръ вопросилъ: « Кто ихъ намъ сокрушаетъ? » — Я! отвѣтствовалъ призракъ — и повлекъ его подъ замерзшія полы труповъ, подъ міры личинъ погибшаго человѣчества. Когда призракъ пронесся мимо одной бездушной пѣни, то изъ померкшаго глаза выступила у ней кровавая слеза, какъ выступаетъ кровь на трупѣ, когда приближается къ нему убійца. И безпрестанно далѣе проходилъ онъ чрезъ нѣмой печальный рядъ прошедшаго, чрезъ хрупкую цѣпь существъ, чрезъ поле битвы духовъ. Когда такимъ образомъ пронесся онъ мимо истлѣвшихъ собраній его сердцу, въ которыхъ видны еще были слѣды погибшихъ надеждъ на вознагражденіе, мимо груды бѣдныхъ дѣтей съ нѣжными розовыми ланитами и съ застывшею первой улыбкой, и мимо тысячи матерей съ заключенными въ гробы младенцами на рукахъ — и когда онъ увидѣлъ нѣмыхъ мудрецовъ всѣхъ народовъ съ ихъ потухшими душами и съ потухшимъ свѣтомъ истины, которая подъ накинутымъ надъ ними покровомъ умолкаетъ, какъ пѣніе птицъ, когда закрываются ихъ клѣтки — и когда онъ увидѣлъ окаменѣлыхъ страдальцевъ жизни, безчисленныхъ мучениковъ до минуты ихъ смерти, и другихъ, разшерзанныхъ мгновеннымъ восторгомъ — и когда онъ увидѣлъ лица тѣхъ, которые умерли отъ радости, и у кото-

рыхъ умертвившія ихъ радостныя слезы висѣли еще на рѣсницахъ — и когда онъ увидѣлъ всѣхъ благочестивыхъ съ сокрушенными сердцами, гдѣ не было болѣе никакого неба, никакого Бога, никакой совѣсти — и когда онъ увидѣлъ еще падающій міръ и раздавались ошшуда плачевные клики: « О! сколь суетны и сколь ничтожны жалобы и борьба, и истина и добродѣтель въ жизни; и когда отецъ его предсталъ потомъ съ чугуннымъ ядромъ, съ которымъ погружаются въ океанъ трупы умершихъ, и когда изъ сѣдыхъ рѣсницъ его выкапилась кровавая слеза: тогда воскликнуло холоднымъ отчаяніемъ облитое сердце его: « Адскій призракъ! разрушай меня скорѣе; ничтожество вѣчно: живутъ только умирающіе и ты.—Живу-ли я еще, призракъ?»

Призракъ тихо повлекъ его къ предѣламъ вѣчно замерзающаго ледянаго поля. Во глубинѣ увидѣлъ онъ развалины шемницъ расперзанныхъ душъ животныхъ, въ высотахъ висѣли безчисленныя ледяныя скалы съ душами упавшихъ въ ничтожество изъ міровъ высшихъ, а пѣла умершихъ ангеловъ были то настоящіе лучи солнца, то продолжительные звуки, или неподвижныя благовонія. Только надъ разсѣлиной, близъ царства земныхъ мертвецовъ, стояло на огромной льдинѣ существо, покрытое непроницаемымъ покровомъ— и когда бѣлый призракъ пронесся мимо его, покровъ спалъ самъ собою—и предсталъ имъ умер-

шій Спаситель, безъ воскресенія, въ ранахъ принятыхъ имъ на крестѣ, изъ которыхъ точилась кровь, какъ скоро подошелъ бѣлый призракъ!

Оптомаръ упалъ на колѣна, смотрѣлъ на черный сводъ, надъ нимъ висѣвшій, и молился: «Всеблагій Боже! возврати меня опять на мою землю; пусть я еще буду мечтать о жизни!» И опять, при молитвѣ его, понеслись по смертному покрову изъ дымныхъ тучъ красныя, кровавыя шѣни низвергающихся міровъ. Тогда простеръ къ небу бѣлый призракъ, какъ руки, длинные рога свои и сказалъ: «Прежде низведу я землю, и тогда назову себя предъ тобою.»

И когда выше и выше воздымалъ онъ рога свои съ ихъ черными концами, вдругъ разверзлись свѣтомъ облака, раздѣлились, и быстро прокатилась къ низу наша крутящаяся земля, какъ будто пасть премучей змѣи влекла ее къ себѣ. И между шѣмъ какъ несся обвитый облаками шаръ, пролился въ моря его кровавый и слезный дождь, ибо тогда свирѣпствовали на немъ война и муки.

Посѣдѣлая, тѣсная земля была прозрачна и близко катилась съ живыми, юными народами, въ виду оцѣпенѣвшаго — ось ея была длинная гробница, изсѣченная изъ магнита, съ надписью: Прошедшее; и въ сердцѣ ея дышалъ огненный шаръ, который распалялъ ключъ этой гробницы. Ея цвѣтники и сады лилій была сырая плѣ-

сень; ея поля были зеленая кожа, по грязнымъ лужамъ распянутая; ея лѣса были мхи; острые хребты горъ, ее опоясывающихъ—зубчатое колесо; часы ея не били, и время летѣло столѣтіями, и жизнь его не останавливала — видно было какъ росли тамъ люди, и загорали и вытягивались, потомъ сѣдые и толстые склонялись и падали; но они были довольны на землѣ. На нихъ въ среду безпечныхъ народовъ необузданно сыпались смертныя молніи, то на теплое сердце матери, то на нѣжное, круглое чело младенца, то на холодную плѣшивую голову, то на горячія розовыя ланиты. Но люди имѣли сладостныя утѣшенія, умирающіе любовники, погребающіе и вопіющіе тихо наклонялись одни къ другимъ, друзья къ друзьямъ, родители къ дѣтямъ, и повторяли: мы только разлучаемся на время; послѣ смерти мы опять будемъ вмѣстѣ, и не разстанемся.

«Я хочу показать тебѣ,» сказалъ призракъ, «какъ они исчезаютъ подъ моей рукою.» И вдругъ одна гробница сдѣлалась прозрачною—въ мягкомъ мозгу разрушающагося тамъ человѣка, свѣтилось еще блестящее Я, облитое тиною, облеченное холоднымъ темнымъ сномъ и оторванное отъ разбитаго сердца. Оттомаръ воскликнулъ: «Живый призракъ, Я еще тлится—кто подавляетъ эту искру?» И онъ отвѣтствовалъ: «Ужасъ! Смотри сюда!» Вдругъ разверзся сельскій храмъ,

открылся свинцовый гробъ, и Оптомаръ увидѣлъ въ немъ, какъ тѣло его распадалось на части, какъ мозгъ его таялъ; но въ разверзшой головѣ не видно было ни одной свѣтлой точки. Тутъ призракъ оцѣпенилъ его и сказалъ: «Я извлекъ тебя изъ твоего мозгу—ты давно уже умеръ,»— и быстро схватилъ его, и разрывая его холодными, желѣзными рогами, шопотомъ говорилъ: «Трепещи, и умирай... я Богъ...»

Тогда низверглось солнце, обнимавшее собою все далекое небо, и растопило льдяныя пустыни и царство тѣней, и съ шумомъ покатилось по безконечной дугѣ своей, и рѣку свѣта пролило за собою, и разодранный эѳиръ долго потомъ гремѣлъ звукомъ безмѣрныхъ струнъ. Оптомаръ плавалъ въ эѳирѣ, облитый непроницаемой снѣжной пылью свѣта; иногда прорывалась въ бѣлой ночи молнія летящаго солнца, и сладкая прохлада вѣяла тогда вокругъ. Густой, широкій свѣтовой туманъ волновался подъ звуки эѳира, и волны его держали плывущаго. Туманъ палъ наконецъ въ свѣтовыхъ клочьяхъ, и Оптомаръ увидѣлъ лежащее вокругъ него вѣчное твореніе, надъ нимъ и подъ нимъ двигались солнцы, и каждое носило въ небѣ, на благотворныхъ лучахъ своихъ, цвѣтущую весну.

Разсѣянный туманъ свѣта далеко уже несся въ эѳирѣ, какъ молніеносное снѣжное облако, но смертный держался еще въ небесной синевѣ, на

волнахъ продолжительно разливающихся звуковъ: и вдругъ огласились они во всемъ безпредѣльномъ пространствѣ эѳира, какъ будто рука Всемогущаго пробѣжала по струнамъ творенія; во всѣхъ мірахъ отозвались они ликованіемъ; невидимо пронеслись возлѣ него міры блаженства, нашептывая всю полноту радостей; новые огни повѣяли въ солнцахъ; море жизни всколебалось, какъ будто угнетенное воздымающимся лономъ своимъ; теплой бурей взмелись и яркіе лучи, и цвѣты радуги, и звуки веселія, и облака розъ. Вдругъ стало тихо въ безпредѣльномъ пространствѣ, какъ будто природа земерла въ восторгѣ — и широкій блескъ пробѣжалъ по солнцамъ, по безднамъ, по блѣдной радугѣ млечнаго пути, по всей безпредѣльности, будто Вѣчный проходилъ чрезъ твореніе—и вся природа колебалась тихимъ волненіемъ, какъ волнуется сердце человѣка, готовое прощать. Тогда растворилась въ смертномъ его внутренность, какъ высокой храмъ, и въ храмѣ было небо, и въ небѣ образъ человѣческой, который смотрѣлъ на него солнечнымъ окомъ, полнымъ неистощимой любови. И онъ предсталъ ему и сказалъ: «Я вѣчная любовь! ты не погибнешь;» и укрѣпилъ трепещущее дитя, которое умирало отъ восторга. Смертный, сквозь горячія слезы радости тускло, узрѣлъ неизглаголанный образъ—близкое, теплое дыханіе растопило его сердце — и оно разлилось въ

чистѣйшей любви, въ любви безпредѣльной—и все твореніе, изнывая, близко тѣснилось ему въ сердце, и все существо его, и всѣ существа были одна единая любовь — и сквозь слезы любви природа являлась ему цвѣтущимъ лугомъ, и моря лежали въ ней темнозеленымъ дождемъ, и солнцы были огненной росою — и предъ яркимъ свѣтомъ Всемогущаго стоялъ, какъ радуга, міръ духовъ, и души, капая изъ тысячъ лѣтъ въ другія, отражали свѣтъ его во всѣхъ цвѣтахъ, и радуга не колебалась, и смѣнялись только капли, а не цвѣты.

Вселюбящій созерцалъ полное свое твореніе, и рекъ: « Я люблю все отъ вѣка—люблю червя въ моряхъ, младенца на землѣ и ангела въ солнцѣ. Зачѣмъ трепеталъ ты? Не дана-ли тебѣ первая жизнь, и любовь, и радость, и истина. Не живу-ль я въ твоемъ сердцѣ?» — И понеслись тогда міры ко храму высшему, и звучали ихъ колокола смерти, но священный звонъ ихъ былъ полонъ гармоніи, и не было пустоты безъ силы, и каждая смерть дышала успокоеніемъ.

Тогда думалъ блаженствующій, что темная земная жизнь его уже кончилась; но вдругъ поднялась изъ глубины облаками одѣянная земля, — и вызвала человѣка изъ земли, опять въ облака свои. Вселюбящій облекся опять вселенной. Но нѣкій свѣтъ лежалъ еще на длинномъ льдяномъ хребтѣ,

далеко за солнцами. Высокія льдяныя скалы таяли въ лучахъ его, поникшіе цвѣты неслись на растопившуюся громаду, необозримая равнина, озаренная мѣсячнымъ свѣтомъ, далеко простиралась въ море вѣчности, и онъ увидѣлъ милліоны очей, взиравшихъ оттуда, полныхъ блескомъ радостныхъ слезъ, какъ полна имъ подъ солнцемъ весна, богатая теплымъ дождемъ своимъ—и сказало ему сердце, что это все ему родное, что это все, какъ мы, были люди, которые уже кончили вѣкъ свой.

Смертный быстро упадая на землю, съ воздѣтыми руками, съ молящимъ взоромъ смотрѣлъ все еще туда, въ небесную синеву, гдѣ явился душѣ его Безконечный—и тихой блескъ неподвижно стоялъ тамъ въ высотѣ. И когда вступилъ онъ въ душныя, но свѣтлыя еще, носящіяся надъ землею, облака, и когда разсѣкалъ ихъ своимъ полетомъ, неистощимый блескъ все твердо стоялъ въ эѳирѣ, только далѣе отъ катящейся планеты. . .

Когда-же ноги его коснулись нашей холодной земли, онъ очнулся; но неподвижный блескъ стоялъ еще на голубомъ западѣ: это было—солнце.

Больной былъ въ саду; первый, ужасный, ядовитый сонъ согналъ его съ постели—утро вѣяло свѣжестью—пламя горячки потухло—и онъ былъ здоровъ, а сердце наслаждалось величайшимъ спокойствіемъ.

И точно такъ, какъ мученія болѣзни родили въ немъ адскія, а побѣда природы небесныя видѣнія, и мучительный сонъ приближалъ минуту разрушенія, а усладительный велъ за собою здоровье: точно такъ и наши духовные сны, наши духовныя горячки не только воспаляютъ насъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ способствуютъ къ исцѣленію, и страшные призраки сердца исчезаютъ, когда мы излечаемся отъ нашихъ заблужденій.

И. Ср. — Кмшъ.

Исторія Государства Россійскаго (сочиненіе Н. М. Карамзина). СПб. томы I–VIII, 1816 года, IX, 1821 г., X, XI, 1824 г., XII, 1829 года (первые восемь томовъ напечатаны *вторымъ изданіемъ*, въ 1818 и 1819 годахъ).

Означивъ въ заглавіи статьи всѣ двѣнадцать томовъ *Исторіи Государства Россійскаго*, мы не хотимъ однакожъ предлагать читателямъ нашимъ подробнаго разбора сего замѣчательнаго творенія, не будемъ слѣдовать за Творцомъ его подробно во всѣхъ отношеніяхъ, разсматривать Исторію Государства Россійскаго съ общихъ и частныхъ сторонъ, и Сочинителя оной, какъ Историка и Палеографа, Философа и Географа, Археографа и Изслѣдователя историческихъ матеріяловъ. Критика такого объема не можетъ быть статьею журнала и потому уже, что огромностію своею превзошла-бы она предѣлы, которые должны быть полагаемы статьямъ изданій повременныхъ. Мы хотимъ толь-

ко вообще обозрѣть твореніе Карамзина, въ то время, когда *послѣдній* томъ сего творенія показалъ намъ предѣлъ труда, коего достигнулъ незабвенный для Россіи Писатель. Если журналы должны быть зеркаломъ современнаго просвѣщенія, современныхъ мнѣній, если они должны передавать публикѣ голосъ людей высшаго образованія, ихъ взглядъ на предметы важные, обращающіе на себя вниманіе, то, конечно обязанностью журналиста должно почесть сужденіе объ Исторіи Государства Россійскаго, основанное на выводахъ изъ разнообразныхъ мнѣній и на соображеніяхъ людей просвѣщенныхъ. Рѣшительно можно сказать, что не было прежде, и, можетъ быть, еще долго не будетъ, въ Литтературѣ нашей другаго творенія, столь великаго, обращающаго на себя такое сильное, всеобщее вниманіе отечественной публики. Въ Европѣ сочиненіе Карамзина принято было съ любопытнымъ участіемъ, какъ представитель нашего просвѣщенія, нашихъ мнѣній о важнѣйшихъ предметахъ общественной жизни, нашего взгляда на людей и событія. Показать причины восторга, коимъ Русскіе читатели привѣтствовали трудъ Карамзина, холодности, съ какою отозвались Европейцы, узнавъ его въ переводахъ, и, руководствуясь мнѣніями критиковъ достойныхъ уваженія, означить степень, какую занимаетъ Карамзинъ въ Исторіи Современной Литтературы, современнаго просвѣщенія, нашего и Европейскаго, означить заслугу его, оцѣнить права его на славу: вотъ цѣль нами предположенная.

Не думаемъ, чтобы благомыслящіе люди поста-

вили въ вину рецензенту его неизвѣстность и огромность славы творенія, имъ разсматриваемаго. Мѣстничество въ литературѣ пора намъ изгнать, какъ изгнанъ сей гибельный предразсудокъ изъ гражданскаго нашего быта. Безпристрастіе, почтеніе къ человѣку, его достойному: таковы обязанности, исполненія коихъ должна требовать публика отъ критика, не только твореній Карамзина, но и всякаго явленія литературнаго; болѣе ничего. Негодованіе, съ коимъ публика, и — осмѣливаемся прибавить — Сочинитель сей статьи, встрѣтили въ прошломъ году критику Г-на Арцыбышева на Исторію Государства Россійскаго, происходило отъ неприличнаго тона, отъ мѣлочничества, несправедливости, показанныхъ Г-мъ Арцыбашевымъ въ своихъ статьяхъ. Напротивъ: чѣмъ болѣе голосовъ, чѣмъ болѣе мнѣній, тѣмъ лучше. Мы должны истреблять несчастную полемику, безславящую хорошаго литератора, должны предоставлять ее тѣмъ людямъ, которые хотятъ сдѣлаться извѣстными, хотя-бы безславіемъ; но критика справедливая, скромная, судящая о книгѣ, не объ авторѣ, далека отъ того, что многіе у насъ почитаютъ критикою, такъ далека, какъ небо отъ земли. Критика есть дыханіе литературы, и всякое покушеніе достигнуть критики дѣльной должно, по крайней мѣрѣ, быть извинено людьми безпристрастными.

Другое обстоятельство, гораздо важнѣйшее, можетъ занять насъ. Спрашиваемъ: настало-ли для насъ время сужденій о Карамзинѣ? *Теперь* настало. Уже три года прошло, какъ всѣ земныя отно-

шенія, всѣ личныя пристрастія, предубѣжденія погребены въ могилѣ незабвеннаго; остались только его творенія: наше наслѣдство неотъемлемое. Для насъ, *новаго поколѣнія*, Карамзинъ существуетъ только въ Исторіи Литтературы и въ твореніяхъ своихъ. Мы не можемъ увлекаться ни личнымъ пристрастіемъ къ нему, ни своими страстями, заставлявшими нѣкоторыхъ современниковъ Карамзина смотрѣть на него невѣрно. Трудъ Карамзина совершенъ: картина великаго художника представлена намъ недоконченная, правда, но уже хладъ смерти оковалъ животворную руку творца, и мы, скорбя о потерѣ, можемъ судить о трудѣ его, какъ о созданіи цѣломъ. Къ счастію нашему, если Карамзинъ и слишкомъ рано умеръ для надеждъ нашихъ, то, все многое имъ сдѣлано, и твореніе его столь-же важно, сколь огромно. Онъ не успѣлъ изобразить намъ избавленія отечества великимъ Мининымъ и славнымъ Пожарскимъ; не успѣлъ повѣствовать царствованій кроткаго Михаила, мудраго Алексія, божественнаго Петра, дѣлъ великихъ и чудесныхъ, совершившихся въ теченіе семидесяти слишкомъ лѣтъ, съ 1611 года (на которомъ онъ остановился) по 1689-й годъ. Здѣсь хотѣлъ кончить Карамзинъ свое твореніе, краткимъ очеркомъ изобразить остальную Исторію Россіи, отъ восшествія на престолъ Петра Великаго до нашего времени, и указать на будущую судьбу отечества; но *будущее извѣстно единому Богу*, сказалъ Карамзинъ, посвящая Исторію свою Александру Благословенному, и мы при гробѣ Карамзина, слыша о предположеніяхъ его, могли по-

вторить сіи слова. Не смотря на все это, Карамзинъ—повторимъ сказанное нами—многое успѣлъ исполнить по своему предположенію: онъ изобразилъ намъ событія Русской Исторіи за семь съ половиною столѣтій, преслѣдовалъ ее отъ колыбели Русскаго народа до возмужалости Русскаго Государства, сего дивнаго исполина вѣковъ. Мало для насъ, дорожившихъ славою Карамзина; довольно для славы его. Онъ успѣлъ вполнѣ развить таланть свой: далѣе онъ и не могъ уже шагнуть. Въ двѣнадцати томахъ Исторіи Государства Россійскаго *весь* Карамзинъ.

Время летитъ быстро; дѣла и люди быстро смѣняются. Мы едва можемъ увѣрить себя, что почитаемое нами настоящимъ, сдѣлалось уже *прошедшимъ*, современное *историческимъ*. Такъ и Карамзинъ. Еще многіе причисляютъ его къ нашему поколѣнію, къ нашему времени, забывая, что онъ родился *шестьдесятъ* слишкомъ лѣтъ тому (въ 1765 году); что болѣе 40 лѣтъ прошло, какъ онъ выступилъ на поприще литтературное; что уже совершилось 25 лѣтъ, какъ онъ прекратилъ всѣ другія литтературныя упражненія, и занялся только Исторіею Россіи, и, слѣдовательно, что онъ приступилъ къ ней *за четверть вѣка* до настоящаго времени, будучи почти *сорока* лѣтъ: это такой періодъ жизни, въ который человѣкъ не можетъ уже стереть съ себя пипа первоначальнаго своего образованія, можетъ только не отстать отъ своего быстро-грядущаго впередъ вѣка, только слѣдовать за нимъ, и то напрягая всѣ силы ума.

Хронологическій взглядъ на литтературное поприще Карамзина показываетъ намъ, что онъ былъ Литтераторъ, Философъ, Историкъ *прошедшаго вѣка*, *прежняго*, не нашего *поколѣнія*. Это весьма важно для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, ибо симъ оцѣняются вѣрно достоинства Карамзина, заслуги его и слава. Различеніе вѣка и времени каждаго предмета, есть истинное мѣрило вѣрности сужденій о каждомъ предметѣ. Сіе мѣрило усовершенствовано математическимъ умомъ мыслителей нашего времени. Еще Древніе знали его, и Цицеронъ говорилъ, что могутъ быть non vitia hominis, sed vitia sæculi; но отъ того, что мнѣніе это было несовершенно, неполно, происходило множество ошибокъ въ сужденіяхъ.

Еслибы надобно было сравнивать съ кѣмъ-либо Карамзина, мы сравнили-бы его съ Ломоносовымъ. Карамзинъ шелъ съ того мѣста, на которомъ Ломоносовъ остановился; кончилъ то, что Ломоносовъ началъ. Подвигъ того и другаго былъ равно великъ, важенъ, огроменъ въ отношеніи къ Россіи. Ломоносовъ засталъ стихіи языка Русскаго смѣшанныя, неустроенныя; литтературы не было. Напитанный изученіемъ писателей Латинскихъ, онъ умѣлъ раздѣлить стихіи языка, привесть въ порядокъ, образовать первоначальную Литтературу Русскую, училъ Граммашикѣ, Риторикѣ, писалъ стихи, былъ оратоpомъ, прозаикомъ, историкомъ своего времени. Послѣ него до Карамзина, въ теченіе 25 лѣтъ, было сдѣлано весьма немного. Карамзинъ (замѣтимъ странную случайность: родившійся въ самый годъ смерти Ломоносова), образованный изученіемъ писа-

телей Французскихъ, проникнутый современнымъ просвѣщеніемъ Европы, которое было рѣшительно все Французское, перенесъ приобрѣтенное имъ въ родную почву, и сильнымъ, дѣятельнымъ умомъ своимъ двинулъ впередъ современниковъ. Подобно Ломоносову, чрезвычайно разнообразный въ своихъ занятіяхъ, Карамзинъ былъ грамматикомъ, стихотворцомъ, романистомъ, историкомъ, журналистомъ, политическимъ писателемъ. Едва-ли найдемъ какую-либо отрасль современной ему Литтературы, на которую онъ не имѣлъ-бы вліянія: самыя ошибки его были поучительны, заставляя умы другихъ шевелиться, производя недоумѣнія, споры, изъ коихъ являлась истина.

Такъ дѣйствовалъ Карамзинъ, и въ слѣдствіе сего должно оцѣнять его подвиги. Онъ былъ безъ сомнѣнія *первый* Литтераторъ своего народа въ концѣ прошедшаго столѣтія, былъ, можетъ быть, самый просвѣщенный изъ Русскихъ современныхъ ему писателей. Между тѣмъ вѣкъ двигался съ неслыханною до того времени быстротою. Никогда не было открыто, изъяснено, обдумано столь много, сколько открыто, изъяснено, обдумано въ Европѣ въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Все измѣнилось, и въ политическомъ и въ литтературномъ мірѣ. Философія, Теорія Словесности, Поэзія, Исторія, знанія Политическія—все преобразовалось. Но когда начался сей новый періодъ измѣненій, Карамзинъ уже кончилъ свои подвиги вообще въ Литтературѣ. Онъ не былъ уже дѣйствующимъ лицомъ: одна мысль занимала его: Исторія Отечества;

ей посвящалъ онъ тогда все время и труды свои. Безъ него развилась новая Русская Поэзія, началось изученіе Философіи, Исторіи, Политическихъ знаній сообразно новымъ идеямъ, новымъ понятіямъ Германцовъ, Англичанъ и Французовъ, перекаленныхъ (retrempés, какъ они сами говорятъ) въ страшной бурѣ и обновленныхъ на новую жизнь.

Какое достоинство имѣютъ теперь для насъ сочиненія, переводы и труды Карамзина, исключая его Исторію? Только *историческое*, *сравнительное*. Карамзинъ уже не можетъ быть образцомъ ни поэта, ни романиста, ни даже прозаика Русскаго. Періодъ его кончился. Легкая проза Жуковскаго, стихи Пушкина выше произведеній въ сихъ родахъ Карамзина. Удивляемся, какъ шагнулъ въ свое время Карамзинъ, чтимъ его заслугу, почетно вписываемъ имя его въ Исторію Литтературы нашей, но видимъ, что его Русскія повѣсти, не-Русскія; его проза далеко отстала отъ прозы другихъ новѣйшихъ образцовъ нашихъ; его стихи для насъ проза; его Теорія Словесности, его Философія для насъ недостаточны.

Такъ и должно быть, ибо Карамзинъ не былъ геній огромный, вѣковой: онъ былъ человѣкъ большаго ума, образованный по своему, но не принадлежалъ къ вѣчно-юнымъ исполинамъ Философіи, Поэзіи, Математики, жилъ во время быстраго измѣненія юной Русской Литтературы, такое время, въ которое необходимо все быстро измѣняется. Онъ увлекалъ современниковъ и самъ былъ увлеченъ ими.

Объяснивъ себѣ такимъ образомъ Карамзина, какъ Литтератора вообще, обращаемся къ его Исторіи.

Она заняла остальные *двадцать три года* жизни Карамзина (съ 1802 по 1826-й годъ): онъ трудился ревностно, *посвятилъ ей лучшее время своей жизни.* Но сталъ-ли онъ на ряду съ великими Историками Древняго и Новаго времени? Можетъ-ли его Исторія назваться произведеніемъ *нашего времени?*

Сравненіе его съ Древними и Новыми Историками, коихъ имена ознаменованы славою, мы увидимъ въ послѣдствіи; но теперь скажемъ только, что какъ самъ Карамзинъ вообще былъ писатель не нашего вѣка, такъ и Исторіи его мы не можемъ назвать твореніемъ нашего времени.

Въ этомъ мнѣніи нѣтъ ничего оскорбляющаго намять великаго Карамзина. Истинныя, по крайней мѣрѣ современныя намъ, идеи Философіи, Поэзіи и Исторіи явились въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ, слѣдственно, истинная идея Исторіи была недоступна Карамзину. Онъ былъ уже совершенно образованъ по идеямъ и понятіямъ своего вѣка, и не могъ переродиться въ то время, когда трудъ его былъ начатъ, понятіе объ ономъ совершенно образовано, и оставалось только исполнять. Объяснимся подробнѣе.

Мы часто слышимъ слово: *Исторія*, въ смыслѣ запутанномъ, ложномъ и превратномъ. Собственно слово сіе значитъ: *дѣписаніе*; но какъ различно можно принимать и понимать его! Намъ говорятъ объ Историкахъ, и исчисляютъ сряду: *Иродотъ*, *Тацитъ*, *Юмъ*, *Гизо*, не чувствуя, ка-

кое различіе между сими знаменитыми людьми, и какъ ошибается тотъ, кто ставитъ рядомъ Иродота и Гизо, Тита-Ливія и Гердера, Гиббона и Тьерри, Робертсона и Минье.

Новѣйшіе мыслители объяснили намъ вполнѣ значеніе слова: *Исторія;* они показали намъ, что̀ долженъ разумѣть подъ симъ словомъ философъ. Исторія, въ высшемъ значеніи, не есть складно-написанная лѣтопись временъ минувшихъ, не есть простое средство удовлетворять любопытство наше; нѣтъ: она практическая повѣрка философскихъ понятій о мірѣ и человѣкѣ, анализъ философскаго синтеза. Здѣсь мы разумѣемъ только *всеобщую Исторію*, и въ ней видимъ мы истинное откровеніе прошедшаго, объясненіе настоящаго и пророчество будущаго. Философія проницаетъ всю бездну минувшаго: видитъ творенія земныя, до человѣка бывшія, открываетъ слѣды человѣка въ таинственномъ Востокѣ и въ пустыняхъ Америки, соображаетъ преданія людскія, разсматриваетъ землю въ отношеніи къ небу и человѣка въ отношеніи къ его обиталищу, планетѣ, движимой рукою Провидѣнія въ Пространствѣ и Времени. Такова *до-Исторія* (Urgeschichte) человѣка. Человѣкъ является на землѣ: образуется общество; начинается *жизнь человѣчества* и начинается *исторія* Человѣка. Здѣсь Историкъ смотритъ на царства и народы, сіи планеты нравственнаго міра, какъ на математическія фигуры, изображаемыя міромъ вещественнымъ. Онъ соображаетъ ходъ человѣчества, общественность, нравы, понятія каждаго вѣка и народа, выводитъ

цѣпь причинъ, производившихъ и производящихъ событія. Вотъ Исторія высшая.

Но формы Исторіи могутъ быть многообразны до безконечности. Исторія можетъ быть критическая, повѣствовательная, ученая: въ основаніи каждая изъ нихъ должна быть *философическая*, по духу, а не по названію, по сущности, воззрѣнію своему (ибо просто прибавивъ названіе: *философическая*, по примѣру Райналя, мы не сдѣлаемъ ни какой исторіи въ самомъ дѣлѣ философскою). Всеобщая Исторія есть тотъ огромный кругъ, въ коемъ вращаются другіе безчисленные круги: Исторіи частныя, народовъ, государствъ, земель, вѣрованій, знаній. Условія Всеобщей Исторіи уже опредѣляютъ, каковы должны быть сіи частныя Исторіи. Онѣ должны стремиться къ основѣ Всеобщей Исторіи, какъ радіусы къ центру: онѣ показываютъ философу: какое мѣсто въ мірѣ вѣчнаго бытія занималъ тотъ или другой народъ, то или другое государство, тотъ или другой человѣкъ, ибо для человѣчества равно выражаетъ идею—и цѣлый народъ и человѣкъ историческій: человѣчество живетъ въ народахъ, а народы въ представителяхъ, двигающихъ грубый матеріялъ и образующихъ изъ него отдѣльные нравственные міры.

Такова истинная идея Исторіи, по крайней мѣрѣ, мы удовлетворяемся нынѣ только сею идеею Исторіи, и почитаемъ ее за истинную. Она созрѣла въ вѣкахъ, и изъ новѣйшей Философіи развилась въ Исторіи, точно такъ-же, какъ подобныя идеи развились изъ Философіи въ теоріяхъ Поэзіи и Политическихъ знаній.

Но если сія идея принадлежитъ нашему вѣку, скажутъ намъ, слѣдственно, никто не удовлетворитъ нашихъ требованій, и самые великіе историки должны померкнуть при лучахъ немногихъ новѣйшихъ, скажемъ болѣе—*будущихъ* историковъ.

Такъ, если намъ указываютъ на Грека, Римлянина, какъ на примѣръ высочайшаго совершенства, какого только могъ достигнуть человѣкъ, какъ на образецъ, которому должны мы безусловно слѣдовать: это ложный *классицизмъ* Исторіи; онъ *недостаточенъ* и *невѣренъ*. Но, отвергнувъ его, мы всякому и всему найдемъ мѣсто и чередъ. Не думайте, чтобы мы хотѣли заставить каждаго быть философомъ: мы сказали, что формы Исторіи разнообразны до безконечности; въ каждой формѣ можно быть совершеннымъ, по крайней мѣрѣ великимъ Историкомъ; исполните только условія рода, вами избраннаго, и вы удовлетворите требованія современнаго совершенства.

Исторія можетъ быть *прагматическая*, если вы разсматриваете событія, положимъ, какого нибудь государства, въ отношеніи къ системѣ государствъ, въ коей оно заключалось, и сію систему во Всеобщей Исторіи народовъ, если вы сводите всѣ событія на причины, и открываете связь сихъ причинъ съ другими, поясняя причины событіями и, обратно, поясняя чрезъ то Исторію Человѣчества, въ томъ мѣстѣ, вѣкѣ, предметѣ, который вы избрали. Такова *Исторія Европейской гражданственности* (Histoire générale de la civilisation en Europe, depuis la chûte de l'empire Romain jusqu'à

la révolution française) Гизо. Можете взять объемъ меньше, разсмотрѣть событія государства, или періода, не возводя его къ Всеобщей Исторіи Человѣчества, но сія цѣль должна быть въ умѣ Историка; таковы: *Исторія Карла V*, соч. Робертсона, *Исторія паденія Римской Имперіи*, соч. Гиббона, творенія, которыя можно-бы назвать совершенными въ своемъ родѣ, если-бы философія сихъ Историковъ была выше той, которую они почитали за совершенную, если-бы понятія сихъ писателей о Политическихъ знаніяхъ были доведены до нынѣшней зрѣлости, если-бы матеріялы были въ ихъ время лучше обработаны. Наконецъ, находимъ еще родъ Исторіи, который назовемъ *повѣствовательнымъ*. Это простое повѣствованіе событій, если можно, краснорѣчиво, но главное—*вѣрно* изложенныхъ. Здѣсь собственно нѣтъ Историка: говорятъ событія; но требуется искуство необыкновенное. *Вѣрность* надобна не въ однихъ годахъ, но въ духѣ, выраженіи, дѣлахъ, словахъ дѣйствующихъ лицъ, въ нравахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, жизни народа. Древніе Историки въ этомъ примѣры совершенства, и писателю такой Исторіи можно повторить слова Карамзина: « *Не подражай Тациту, но пиши такъ, какъ онъ писалъ-бы на твоемъ мѣстѣ.* » Изъ новѣйшихъ превосходный примѣръ такой Исторіи показалъ намъ Барантъ, и, какъ Историкъ военный, Наполеонъ, въ описаніяхъ своихъ походовъ. Иродотъ, Ѳукидидъ, Титъ-Ливій, Тацитъ, очаровываютъ своими повѣствовательными исторіями. Они живутъ въ своихъ описаніяхъ, дышутъ воздухомъ съ тѣми людьми, ко-

ихъ изображаютъ: это Омировы поэмы въ мірѣ Исторіи. Важнѣйшее затрудненіе для насъ, новыхъ, если мы хотимъ переселиться въ другой вѣкъ, въ другой народъ, состоитъ въ отдѣленіи себя отъ всѣхъ мнѣній, отъ всѣхъ идей своего вѣка и народа, въ собраніи красокъ для каршины, въ изысканіи истины обширною критикою. Древніе о многомъ говорятъ несправедливо; но они увѣрены въ истинѣ съ такимъ добродушіемъ, съ такою убѣдительностію, съ какою Омиръ былъ увѣренъ въ своей Географіи и Миѳологіи; сверхъ того, намъ нечѣмъ повѣрить ихъ разсказа, и мы вѣримъ на слово. Потому, Историческая Критика совершенно отнимаетъ у Древнихъ наименованіе Историковъ—Философовъ, Историковъ Прагматическихъ, и смотритъ на нихъ только, какъ на краснорѣчивыхъ повѣствователей.

Точно такъ-же, какъ Французы составили особенный родъ *классическихъ* твореній изъ ложнаго подражанія Древнимъ, ложное понятіе о Древнихъ Историкахъ произвело особый *классицизмъ исторической*. Хотѣли заставить подражать Древнимъ, перенимали у нихъ всѣ формы, выраженія, даже слова. Ошибка была въ томъ, что подражали внѣшнимъ формамъ, не понимая духа Древнихъ. Въ послѣдствіи смѣшали все это съ ошибочною Философіею, съ умничаньемъ, апофѳегмами и сентенціями, несносными и пошлыми. И съ самаго возстановленія Европейскаго просвѣщенія, Исторія, послѣ монастырскихъ лѣтописей и легендъ, являлась безобразною, нелѣпою смѣсью; изрѣдка только мелькали Макіавели, Боссюэты, Монтескьё. Въ про-

шедшемъ вѣкѣ оказалось стремленіе къ Исторіи болѣе совершенной, и въ то время, когда Гердеръ постигалъ тайну Всеобщей Исторіи, Іоаннъ Мюллеръ угадывалъ, какъ должно писать новымъ Историкамъ повѣствовательную Исторію, Германскіе ученые явили истинную критику Исторіи, Французы первые начали образовывать, по слѣдамъ Макіавеля, Бюссюэша и Монтескьё, Исторію философическую. Ихъ опыты были недостаточны, и недостатки сихъ опытовъ отозвались въ твореніяхъ Юма, Гиббона, Робертсона, послѣдователей Французской Философіи XVIII-го вѣка. Надобно было соединить труды Шеллинговъ, Шлегелей, Кузеновъ, Шлецеровъ, Гердеровъ, Нибуровъ, узнать *Классицизмъ и Романтизмъ*, узнать хорошо Политическія науки, оцѣнить надлежащимъ образомъ Древнихъ, вполнѣ свѣдать требованія Новѣйшихъ, можетъ быть, даже родиться Шиллеру, Цшокке, Гёте, В. Скотту, дабы могли мы наконецъ понять, что̀ есть Исторія, какъ должно ее писать и что̀ удовлетворяетъ нашъ вѣкъ.

Приложимъ всѣ сіи разсужденія къ *Исторіи Государства Россійскаго*, и мы увидимъ, что твореніе Карамзина въ отношеніи къ Исторіи, какой требуетъ нашъ вѣкъ, есть тоже, что другія сочиненія Карамзина въ отношеніи къ современнымъ требованіямъ нашей Литтературы: она неудовлетворительна.

Карамзинъ не могъ выйдти и не вышелъ изъ понятій своего вѣка, времени, въ которое только что начала проявляться идея философической ис-

торіи, еще не ясно опредѣлены были отношенія Древнихъ къ намъ, и особыя условія новыхъ писателей; Политическія знанія были не установлены; повѣствовательная часть Исторіи не понята вполнѣ.

Какъ *Философъ–Историкъ*, Карамзинъ не выдержитъ строгой критики. Прочитайте мысли его объ Исторіи, и вы согласитесь съ этимъ безъ дальнѣйшихъ объясненій.

«Исторія» (такъ начинаетъ Карамзинъ свое Предисловіе къ Исторіи Государства Россійскаго), «Исторія *въ нѣкоторомъ смыслѣ* (?) есть священ-«ная книга народовъ: *главная*, *необходимая*; зер-«цало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль от-«кровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потом-«ству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и при-«мѣръ будущаго.»

Прекрасныя фразы, но что̀ въ нихъ заключается? *Священная книга въ нѣкоторомъ* смыслѣ, и, въ тоже время–*главная*, *необходимая*, *зерцало бытія*, *скрижаль откровеній*, *завѣтъ предковъ*; объясняютъ-ли намъ всѣ сіи слова сущность предмета? Таково-ли должно быть *опредѣленіе* Исторіи?

«Правители, законодатели» (продолжаетъ Карамзинъ) «дѣйствуютъ по указаніямъ Исторіи.... «Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опы-«тахъ... Должно знать, *какъ искони мятежныя «страсти волновали гражданское общество, и ка-«кими способами благотворная власть ума обузды-«вала ихъ бурное стремленіе*... И простой гражда-

«нинъ долженъ читать Исторію. Она миритъ его «съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, «*какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ*; «ушѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, сви- «дѣтельствуя, *что и прежде бывали подобныя*, «*бывали еще ужаснѣйшія и государство не разру-* «*шалось*; она *питаетъ нравственное чувство* (?), «и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу «къ справедливости, которая утверждаетъ наше «благо и согласіе общества. Вотъ польза.» —

Все это сказано прекрасно, но такъ-ли долженъ смотрѣть на Исторію Философъ? Сдѣлавши сначала опредѣленіе риторическое, намъ говорятъ, что *Исторія полезна*, ибо —

1-е Правители народовъ справляются съ нею, какъ судьи съ старымъ архивомъ, дабы рѣшать дѣла такъ, какъ ихъ прежде рѣшали. Совершенная несправедливость!

2-е Граждане видятъ, что *зло всегда было*, что *люди всегда терпѣли*, почему и имъ *надобно терпѣть*. Утѣшеніе, подобное тому сравненію, которое употребилъ Карамзинъ въ IX-мъ томѣ, говоря, что Рускіе также славно умирали подъ топорами палачей Царя Іоанна IV-го, какъ Греки умирали при Термопилахъ (*)! Послѣ такого ограниченнаго взгляда на *пользу*, Авторъ переходитъ къ *удовольствію Исторіи*, основанному на томъ, что *любопытство сродно человѣку*, и если нравятся

(*) Томъ IX, стр. 437.

намъ романы, вымыслы, тѣмъ болѣе должна нравиться Исторія, соединяя съ *занимательностью* романа *истину* событій. Еще болѣе Исторія отечественная, продолжаетъ Авторъ, и отъ частнаго эгоизма народовъ переходитъ къ тому, чѣмъ бы должно было начать: важности, какую имѣетъ Исторія Россіи въ Исторіи Человѣчества. Полагаете, что вамъ скажутъ, какъ среди волненія IX-го вѣка образовалась Россія; какъ заслонила она Европу отъ Монголовъ въ XIII-мъ вѣкѣ; какъ вступала въ систему Европы, въ XVIII-мъ вѣкѣ; какъ дѣйствовала въ XIX-мъ вѣкѣ. Совсѣмъ нѣтъ! Авторъ видитъ *одно любопытство*: оно составляетъ для него все; онъ старается доказать, что ни чуть не любопытнѣе и не занимательнѣе Исторіи Русской Исторіи другихъ народовъ; что и въ нашей Исторіи есть *картины, случаи*, которые *любопытны не менѣе* картинъ и случаевъ, описанныхъ Древними Историками. Вы думаете, что Авторъ скажетъ о Феодализмѣ Варяжскомъ, образованіи Русскихъ княжествъ, сближеніи съ Греціею, сліяніи Азіи и Европы въ Россіи, преобразованіи Россіи рукою Петра; напротивъ: Авторъ называетъ *пять вѣковъ* Исторіи Русской *маловажными для разума*, предметомъ, не богатымъ мыслями для прагматика, *красотами для живописца*, напоминаетъ, что *Исторія не романъ и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно*, и утѣшаетъ наконецъ, что *въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные*, а въ доказательство указываетъ на походы Святослава, нашествіе Батыя, Куликовскую битву, взятіе Казани, ослѣпленіе Василька! Или Историкъ дума-

ешъ, что мы, какъ дѣти, принимаясь за его книгу, напередъ спрашиваемъ: *Не скучна-ли она*? или — онъ не Философъ — Историкъ!

Онъ и *не прагматикъ*, когда потомъ увѣряетъ, что несправедливо будетъ, если мы пропустимъ *скучное начало* Русской Исторіи. « *Нѣтъ читателей* « осудитъ-ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу на- « шихъ предковъ? Они страдали, а мы *не захо-* « *тимъ и слушать объ нихъ?* Иноземцы могутъ про- « пустить скучное для нихъ, но *добрые* Россіяне « обязаны имѣть болѣе терпѣнія, *слѣдуя правилу* « *государственной нравственности*, которая ста- « витъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гра- « жданину образованному.» Не значитъ-ли это доказывать, что тѣло безъ головы не можетъ существовать, и можно-ли Историку — Прагматику имѣть дѣло съ лѣностью читателей, и потому-же заставлять насъ читать страданія предковъ, почему состраданіе и уваженіе заставляетъ молодаго внука терпѣливо выслушивать разсказы о мѣлочныхъ подробностяхъ жизни стараго и больнаго дѣда!

« Доселѣ, » говоритъ Авторъ, « доселѣ *Древніе* « *служатъ намъ образцами.* Никто не превзошелъ « Ливія *въ красотѣ повѣствованія*, Тацита въ силѣ: « *вотъ главное*! Знаніе *всѣхъ правъ въ свѣтѣ* (?), « ученость Нѣмецкая, остроуміе Вольтерово, ни « самое глубокомысліе Макіавелево въ Историкѣ не « замѣняютъ таланта изображать дѣйствія.» — Припомнимъ сіи слова: они замѣчательны.

Мы могли-бы выписать, разобрать все Предисловіе

къ Исторіи Государства Россійскаго: читатели увидѣли-бы тогда духъ, планъ, расположеніе творенія Карамзина, и согласились-бы съ мнѣніемъ нашимъ, что Карамзинъ, *какъ философъ*, *какъ прагматикъ*, есть писатель не нашего времени. Но и приведенныхъ нами мѣстъ достаточно, чтобы показать, какъ понималъ, какъ писалъ Карамзинъ свою Исторію.

Прочитайте всѣ 12 томовъ Исторіи Государства Россійскаго, и вы совершенно въ этомъ убѣдитесь. Въ цѣломъ объемѣ оной нѣтъ одного общаго начала, изъ котораго истекали-бы всѣ событія Русской Исторіи: вы не видите, какъ Исторія Россіи примыкается къ Исторіи Человѣчества; всѣ части оной отдѣляются одна отъ другой; всѣ несоразмѣрны, и жизнь Россіи остается для читателя неизвѣстною, хотя его утомляютъ подробностями неважными, ничтожными, занимаютъ, пугаютъ картинами великими, ужасными, выводятъ передъ нимъ толпу людей до излишества огромную. Карамзинъ нигдѣ не представляетъ вамъ духа народнаго, не изображаетъ многочисленныхъ переходовъ его, отъ Варяжскаго феодализма до деспотическаго правленія Іоанна, и до самобытнаго возрожденія при Мининѣ. Вы видите стройную, продолжительную галлерею портретовъ, поставленныхъ въ одинакія рамки, нарисованныхъ не съ натуры, но по волѣ художника, и одѣтыхъ также по его волѣ. Это лѣтопись, написанная мастерски, художникомъ таланта превосходнаго, изобрѣтательнаго, а *не Исторія*.

« Но, » скажутъ намъ, «если такъ, то сочиненіе Карамзина подойдетъ именно къ тому роду Исторій, который мы выше сего назвали *повѣствовательнымъ*. Карамзинъ, сказавши, что Древніе служатъ намъ *образцами* донынѣ, что *сила и красота повѣствованія есть главное для историка*, конечно успѣлъ поддержать свое мнѣніе исполненіемъ. »

Но Карамзинъ видѣлъ въ Древнихъ образцы превратно, и, поставивъ силу и красоту повѣствованія главнымъ, кажется, не зналъ, что онъ дѣлаетъ тоже, что дѣлали классики Французскіе, подражая Древнимъ. Французская трагедія, въ сравненіи съ трагедіею Грековъ, есть тоже, что Исторія Карамзина въ сравненіи съ Исторіею Иродота и Тита-Ливія. Тамъ и здѣсь не понято, что Древніе совершенно сливались съ предметомъ, самобытность Древнихъ исчезала, такъ сказать, въ предметѣ, который преобладалъ ихъ воображеніемъ, былъ ихъ вѣрою. Французскіе классики и Карамзинъ, напротивъ, духъ свой, самихъ себя, свои понятія, чувствованія, облекали въ формы предмета, ихъ занимающаго; отъ того все представлено у Французскихъ классиковъ и у Карамзина невѣрно и превратно. Возьмемъ твореніе его только съ одной стороны въ семъ отношеніи.

Исторія Русская начинается прибытіемъ грозныхъ морскихъ разбойниковъ къ племенамъ полудикихъ Славянъ и Финновъ. Пришельцы-разбойники суть страшные Нордманны; они порабощаютъ Славянъ и Финновъ. Сіи два элемента борются,

измѣняются въ Руссовъ; свычка съ деспотизмомъ Азіи и Греціи, патріархальное правленіе покоренныхъ Славянъ и, открывшійся для Варяжскихъ искателей приключеній, путь въ Царьградъ, истребляютъ обыкновенный Нордманскій феодализмъ, являя феодализмъ совершенно особенный: удѣльную систему одного владычествующаго семейства Князей Русскихъ. Удѣлы распадаются; вѣра Христіанская измѣняетъ характеры вождей и народа; является борьба удѣловъ, силящихся слиться въ одно цѣлое; на Сѣверѣ, отъ удаленія Русскихъ Князей на Югъ и естественнаго положенія страны, является Республика Новогородская; все падаетъ подъ иго Монголовъ. Духъ народа борется съ симъ игомъ, освобождается и являетъ въ Россіи одно деспотическое государство, которое вскорѣ разрушается подъ собственною своею тягостью. *Рабъ* дѣлается *Царемъ*, ужасая единственно могущественнымъ имени; но это была крайняя степень деспотизма: ужасъ имени исчезъ, настала эпоха новая. Паденіе Новагорода и свирѣпость Грознаго были необходимы для сліянія во едино растерзанныхъ частей государства; наспльственное сліяніе требовало сильнаго внутренняго броженія, и вѣкъ Самозванцовъ низвергнулъ деспотизмъ, разбудилъ самобытный духъ народа: онъ создался изъ сильныхъ элементовъ, испытанныхъ въ буряхъ феодализма, порабощенія, деспотизма, и — Россія ожила подъ кротикимъ, благодѣтельнымъ Самодержавіемъ великой династіи Романовыхъ; съ Мининымъ началась Исторія *Россіи, какъ Государства*; съ Петромъ, *какъ Государства Европейскаго.*

Карамзинъ предположилъ себѣ совсѣмъ другое, и уже въ названіи его книги: Исторія *Государства Россійскаго*, заключается ошибка. Съ прибытія Рурика, онъ начинаетъ говорить: *мы*, *наше*; видитъ *Россіянъ*; думаетъ, что любовь къ отечеству требуетъ облагороженія варваровъ, и въ воинѣ Олега, воинѣ Іоанна Грознаго, воинѣ Пожарскаго не замѣчаетъ разницы; ему кажется *достоинствомъ гражданина образованнаго правило государственной нравственности*, требующее *уваженія къ предкамъ*. Послѣ сего можете-ли ожидать поняшія, что до Іоанна III-го была *не Россія*, но *Русскія Государства*; чтобы въ Олегѣ видѣлъ Авторъ Нормандскаго варвара; въ борьбѣ удѣловъ отдалъ равную справедливость и Олегу Черниговскому и Владиміру Мономаху? Нѣтъ! и не найдете этого. Олегъ *пылаетъ* у него *славолюбіемъ героевъ*, *побѣдоносныя знамена сего героя развѣваются на берегахъ Днѣстра и Буга*; Мономахъ является ангеломъ-хранителемъ законной власти, а Олегъ Черниговскій *властолюбивымъ*, *жестокимъ*, *отвергающимъ злодѣйство только тогда*, *когда оно безполезно*, *коварнымъ*, *бунтовщикомъ*; на цѣлое поколѣніе Олеговичей падаетъ у него позоръ и посрамленіе! Такъ въ Рурикѣ видитъ онъ монарха самодержавнаго, мудраго; въ полудикихъ Славянахъ народъ славный, великій, и—даже воинскія шрубы Святославовыхъ воиновъ Карамзинъ почитаетъ доказашельствомъ *любви Россіянъ къ искусшву мусикійскому*!

Послѣ всего этого, удивительно-ли, что Евро-

пейскіе ученые, ожидавшіе Исторію Карамзина съ нетерпѣніемъ, приняли сіе твореніе холодно, не даютъ ему мѣста между знаменитыми Историками новѣйшими: Нибуромъ, Тьерри, Гизо, Барантомъ, и другими. Карамзинъ не выдерживаетъ сравненія и съ великими Историками прошедшаго вѣка: Робертсономъ, Юмомъ, Гиббономъ, ибо, имѣя всѣ ихъ недостатки, онъ не выкупаетъ ихъ шѣмъ обширнымъ взглядомъ, тою глубокою изыскательностію причинъ и слѣдствій, какія видимъ въ безсмертныхъ твореніяхъ трехъ Англійскихъ Историковъ прошедшаго вѣка. Карамзинъ такжe далекъ отъ нихъ по всему, какъ далека въ умственной зрѣлости и дѣятельности просвѣщенія Россія отъ Англіи.

Люди, привыкшіе видѣть недоброхотство и зло во всякомъ безпристрастномъ сужденіи, скажутъ, что мы отнимаемъ у Карамзина всѣ его достоинства, хотимъ унизить сего великаго человѣка въ глазахъ современниковъ, укажутъ намъ на голосъ всего отечества, воздающаго ему единодушную похвалу. Оправдываемся, указывая такимъ людямъ на то почтительное уваженіе, съ какимъ мы говоримъ о Карамзинѣ. Но не будемъ безотчетны въ восторгѣ благодарности, и постараемся отдавать самимъ себѣ вѣрный отвѣтъ въ своихъ чувствахъ!

Напротивъ, не только не хотимъ мы унижать Карамзина, но возвысимъ его, можетъ быть, болѣе нежели осмѣлятся возвысить самые слѣпые приверженцы. Мы скажемъ, что никто изъ Русскихъ писателей не пользовался такою славою,

какъ Карамзинъ, и никто болѣе его не заслуживалъ сей славы. Подвигъ Карамзина достоинъ хвалы и удивленія. Хорошо зная всѣхъ отечественныхъ, современныхъ намъ литераторовъ, мы осмѣливаемся утверждать, что нынѣ никто изъ всѣхъ литераторовъ Русскихъ не можетъ быть даже его преемникомъ, не только подумать шагнуть далѣе Карамзина. Довольно-ли этого? Но Карамзинъ великъ *только для нынѣшней Россіи*, и *въ отношеніи къ нынѣшней Россіи*, не болѣе.

Слава, которую единодушно отдаетъ какой либо народъ одному человѣку, не бываетъ ошибкою, ибо сей *одинъ*, если онъ приобрѣлъ такую славу, есть истинный представитель народа, его прославляющаго, онъ совпадаетъ съ народомъ и превышаетъ его. Подвигъ Карамзина въ Исторіи Отечественной, для насъ, Рускихъ, такъ-же великъ, какъ подвигъ его въ нашей Литературѣ. Въ семъ случаѣ иностранцамъ не льзя судить насъ, ибо они не знаютъ нашихъ отношеній, коими опредѣляется цѣна всему. Постараемся представить доказательства справедливости того удивленія, какое возбуждаетъ Карамзинъ въ своемъ отечествѣ.

1. Можно-ли не оцѣнить достойно смѣлость предпріятія Карамзина? Необыкновенный умъ видѣнъ въ каждомъ его предпріятіи литературномъ. Онъ угадывалъ потребности своего времени, умѣлъ удовлетворять имъ, и въ 1790-мъ году думалъ и писалъ: «Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей Россійской Исторіи, т. е. писанной съ

философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Говорятъ, что наша Исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, *раскрасить*, и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона, и проч. могло выйдти *нѣчто привлекательное*, сильное, достойное вниманія не только Рускихъ, но и чужестранцовъ (*).» Въ теченіе 12-ти лѣтъ послѣ того, онъ не оставлялъ сей мысли, удивлялъ соотчичей своихъ мастерскими опытами (описаніе бунша при Царѣ Алексіѣ; Путешествіе въ Троицко-Сергіеву Лавру, и проч.), и въ 1802 году началъ Исторію. Надобно знать, надобно испытать всю трудность подобнаго предпріятія, знать, что̀ нашелъ Карамзинъ и что̀ оставилъ послѣ себя. Онъ создавалъ и матеріялы, и сущность, и слогъ исторіи, былъ критикомъ лѣтописей и памятниковъ, генеалогомъ, хронологомъ, палеографомъ, нумизматомъ.

2. Надобно хорошо разсмотрѣть и понять, какой шагъ сдѣлалъ Карамзинъ отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Кто, сколько нибудь сносный, являлся до него, кромѣ Француза Левека (и той бѣ Самарянинъ!)? Щербатовъ, Эминъ, Нехачинъ, Килковъ, Татищевъ сто́ятъ-ли критики? Наши издатели лѣтописей, частныхъ исторій, изыскатели древностей оказывали глубокое незнаніе,

(*) Сочиненія Карамзина (*изд. третіе*). М. 1820 г., т. IV, стр. 187.

и часто совершенное невѣжество. Скажемъ болѣе, замѣшимъ, чего, кажется, еще не замѣчали: критики на Карамзина, нападки Г-дъ Каченовскаго, Арцыбышева и клевретовъ Вѣстника Европы, самая защита Карамзина Г-мъ Руссовымъ и Г-мъ Дмитріевымъ, не доказываютъ-ли превосходства человѣка необыкновеннаго надъ людьми, неумѣющими ни мыслить, ни писать, едва могущими владѣть небольшою ученостью, какая мелькаетъ иногда въ ихъ тяжелыхъ и нестройныхъ созданіяхъ?

3. Карамзинъ оказалъ незабвенныя заслуги открытіемъ, приведеніемъ въ порядокъ матеріяловъ. Правда, еще до него сдѣланы были попытки, и труды почтенныхъ мужей: Байера, Тунмана, Миллера, особливо знаменитаго Шлецера, были значительны, важны. Но ни кто *болѣе Карамзина* не оказалъ заслугъ Россійской Исторіи въ семъ отношеніи. Онъ объялъ всю Исторію Русскую, отъ начала ея до XVII вѣка, и не льзя не грустить, что судьба не допустила Карамзина довести своего обозрѣнія матеріяловъ до нашихъ временъ. Началъ онъ дѣятельно, и какъ будто оживилъ ревность другихъ изыскателей. Графъ Румянцевъ съ того времени началъ покровительствовать подобнымъ предпріятіямъ, и подъ его покровительствомъ трудились посильно Гг. Калайдовичъ, Строевъ, Погодинъ, Востоковъ, и другіе, всѣ заслуживающіе, хотя и не въ равной степени, нашу благодарность; изыскивались матеріялы за границею Россіи; переводились извѣстія Писателей Восточныхъ; печатались акты Государственные. Са-

нал Академія Наукъ, какъ будто ожила, и показала намъ въ Гг. Кругѣ, Френѣ, Лербергѣ достойныхъ преемниковъ Шлецера и Миллера; многіе (Базузе, Вихманнъ, Графъ Ѳ. А. Толстой) начали собирать библіотеки Русскихъ достопамятностей; образовались вообще Палеографія, Археографія, Нумизматика, Генеалогія Русская. Скажутъ, что таково было стремленіе времени; но Карамзинъ угадалъ его, Карамзинъ шелъ впереди всѣхъ, и дѣлалъ всѣхъ болѣе. Давъ живительное начало, оставивъ въ первыхъ восьми томахъ драгоцѣнное руководство всѣмъ послѣдователямъ своимъ, Карамзинъ наконецъ (въ этомъ должно признаться) какъ будто утомился: 9, 10, 11-й и особенно 12-й томы его Исторіи показываютъ, что уже не съ прежнею дѣятельностью собиралъ и разбиралъ онъ матеріялы. И здѣсь видно сказанное нами, что въ двѣнадцати томахъ Исторіи своей Карамзинъ весь; однакожь, расположеніе матеріяловъ, взглядъ на нихъ, были-бы для насъ драгоцѣнны и при усталости Карамзина, съ которою не льзя сравнивать самой пылкой дѣятельности многихъ.

4. Но до конца поприща своего, Карамзинъ сохранилъ ясность, умѣнье въ частной критикѣ событій, вѣрность въ своихъ частныхъ означеніяхъ. Не ищите въ немъ высшаго взгляда на событія: говоря о междоусобіяхъ удѣловъ, онъ не видитъ въ нихъ порядка, не означитъ вамъ причинъ, свойства ихъ, и только въ половинѣ XV-го вѣка говоритъ вамъ: «Отселѣ Исторія наша пріемлетъ достоинство » истинно государственной, описывая уже не без-

» смысленныя драки княжескія... союзы и войны » имѣютъ *важную цѣль:* каждое особенное пред- » пріятіе есть слѣдствіе *главной мысли*, *устре-* » *мленной ко благу отечества* (*).»— Ошибка явная, замѣченная нами съ самаго *Введенія*, гдѣ Карамзинъ назвалъ первые пять вѣковъ Исторіи Русскаго народа *маловажными для разума*, *небогатыми ни мыслями для прагматика*, *ни красотами для живописца!* Съ VI-го тома, Историкъ признаетъ уже *достоинство Русской Исторіи*, но и въ этой, *имѣющей Государственное достоинство* (?) Исторіи, не ищите причины злодѣйствъ Іоанна, быстраго возвышенія и паденія Бориса, успѣховъ Самозванца, безначалія, послѣ него бывшаго. Читаете описаніе борьбы Россіи съ Польшею, но не видите, на чемъ основывается странное упорство Сигизмунда, въ слѣдствіе коего онъ, согласившись сперва, не даетъ потомъ Россіи сына своего, не видите того, на чемъ основано спасеніе Россіи отъ чуждаго владычества. Придетъ по годамъ событіе: Карамзинъ описываетъ его, и думаетъ, что исполнилъ долгъ свой, не знаетъ, или не хочетъ знать, что событіе важное не выростаетъ мгновенно, какъ грибъ послѣ дождя, что причины его скрываются глубоко, и взрывъ означаетъ только, что фитиль, проведенный къ подкопу, догорѣлъ, а положенъ и зажженъ былъ гораздо прежде. Надобно-ли изобразить (не нужную впрочемъ для Русской Исторіи) подробную картину движенія народовъ въ древнія времена: Карамзинъ ведетъ черезъ сцену Ким-

(*) Томъ IV, стр. 5 и 6.

меріянъ, Скиѳовъ, Гунновъ, Аваровъ, Славянъ, какъ Китайскія тѣни; надобно-ли описать нашествіе Татаръ: передъ вами только картинное изображеніе Чингисъ-Хана; дошло-ли до паденія Шуйскаго: Поляки идутъ въ Москву, берутъ Смоленскъ, Сигизмундъ не хочетъ дать Владислава на царство, и — болѣе нѣтъ ничего! Это общій недостатокъ писателей XVIII вѣка, который раздѣлялъ съ ними и Карамзинъ, отъ котораго не избѣгалъ иногда и самый Юмъ. Такъ, дойдя до революціи при Карлѣ I, Юмъ искренно думаетъ, что внѣшнія бездѣлки оскорбили народъ и произвели революцію; такъ, описывая Крестовые Походы, всѣ называли ихъ слѣдствіемъ убѣжденій Петра Пустынника, и Робертсонъ говоритъ вамъ это, такъ-же, какъ при Реформаціи вамъ указываютъ на индульгенціи и Папскую Буллу, сожженную Люшеромъ. Даже въ наше время, повѣствуя о Французской революціи, развѣ не полагали, что философы развратили Францію, Французы, по природѣ вѣтренники, одурѣли отъ чада Философіи, и — вспыхнула революція! Но когда описываютъ вамъ самыя событія, то Юмъ и Робертсонъ говорятъ вѣрно, точно: и Карамзинъ также описываетъ событія, какъ критикъ благоразумный, человѣкъ знающій подробности ихъ весьма хорошо. Только тамъ не можете положиться на него, гдѣ должно сообразить характеръ лица, духъ времени: онъ говоритъ по лѣтописцамъ, по своему основному предположенію объ Исторіи Русской, и нейдетъ далѣе. Къ этому присовокупляется у Карамзина, какъ мы замѣтили, худо понятая любовь къ Отечеству. Онъ стыдится за предка, *раскрашиваетъ*, (вспомнимъ,

что онъ предполагалъ дѣлать это, еще въ 1790 году); ему надобенъ герой, любовь къ Отечеству, и онъ не знаетъ, что *отечество, добродѣтель, геройство* для насъ имѣютъ не тѣ значенія, какія имѣли они для Варяга Святославова, жителя Новагорода въ XI-мъ вѣкѣ, Черниговца XII-го вѣка, подданнаго Ѳеодора въ XVII-мъ вѣкѣ, имѣвшихъ свои понятія, свой образъ мыслей, свою особенную цѣль жизни и дѣлъ.

5. Замѣтимъ еще, что Карамзинъ, оставшись тѣмъ-же, чѣмъ былъ и при другихъ литтературныхъ занятіяхъ, не измѣняя своему духу, не выходя изъ условій своего времени, умѣлъ измѣнить внѣшнія формы. Логическій порядокъ его идей выше всѣхъ современниковъ; образъ мыслей благородный, смѣлый, въ томъ направленіи, какое почитаетъ Карамзинъ лучшимъ. На каждую главу его Исторіи можно написать огромное опроверженіе, посильнѣе замѣчаній Г-на Арцыбышева; едва-ли не половину страницъ его творенія можно подвергнуть критикѣ во многихъ отношеніяхъ, но нигдѣ не откажете въ похвалѣ уму, вкусу, умѣнью Карамзина.

6. Наконецъ (припомнимъ: *главное*, по словамъ самого Карамзина) умъ его, вкусъ и умѣнье простерлись на языкъ и слогъ Исторіи въ такой сильной степени, что въ семъ послѣднемъ отношеніи, для насъ, Рускихъ, Карамзина должно почесть писателемъ образцовымъ, единственнымъ, неподражаемымъ. Надобно учиться у него этому риѳму ораторскому, этому расположенію періодовъ, вѣсу словъ, съ какимъ поставлено каждое изъ нихъ. Н. И. Гречъ принялъ, при составленіи Граммашики Рускаго языка, все касательно сего предмета въ Исто-

ріи Карамзина, за основныя правила, ссылался на нее, какъ на авторитетъ, и не ошибся. Кромѣ Пушкина, едва-ли есть теперь въ Россіи писатель, столь глубоко проникавшій въ тайны языка отечественнаго, какъ проникалъ въ нихъ Карамзинъ.

Краснорѣчіе Карамзина очаровательно. Не вѣришь ему читая его, и убѣждаетесь неизъяснимою силою слова. Карамзинъ очень хорошо зналъ это, и пользовался своимъ преимуществомъ, иногда жертвуя даже простотою, вѣрностью изображеній. Такъ онъ изображаетъ намъ царствованіе Іоанна IV-го, сперва тихо, спокойно, величественно, и вдругъ дѣлается суровымъ, порывистымъ, когда наступило время жизни не супруга Анастасіи, не побѣдителя Казани, но Тиверія Александровской слободы, убійцы брата, мучителя Ворошынскаго; туже противоположность разительно замѣтите между I-ю и II-ю главами XI-го, и I-ю и II-ю главами XII тома. Но это замѣтное, слѣдственно, неловкое усиліе искуства могутъ-ли не выкупить безчисленныя красоты творенія Карамзина! Не говоримъ о IX, X и XI томахъ, гдѣ жизнь Митрополита Филиппа, смерть Царевича Іоанна, самого Іоанна IV-го, избраніе Годунова, низверженіе Димитрія Самозванца суть мѣста неподражаемо написанныя: они станутъ наряду съ самыми краснорѣчивыми, безсмертными страницами Ѳукидидовъ, Ливіевъ, Робертсоновъ, и въ семъ отношеніи, слова почтеннаго Издателя XII-го тома Исторіи Государства Россійскаго: « *Карамзинъ не имѣлъ несчастія пережить талантъ свой*, » совершенно справедливы. Но и въ 12-мъ томѣ есть мѣста изумляющаго

краснорѣчія, на примѣръ: Шуйскій предъ Королемъ Польскимъ и смерть Ляпунова. Уже рука Карамзина коснѣла, а духъ его все еще хранилъ юношескую бодрость воображенія.

Вотъ неотъемлемыя достоинства и заслуги нашего незабвеннаго Историка. Если мы строго судили его недостатки, то, конечно, никто не можетъ сказать, чтобы мы не цѣнили и достоинствъ его. Сочинитель сей статьи осмѣливается думать, что посвятивъ себя занятію Отечественною Исторіею съ самой юности, нынѣ, послѣ многолѣтнихъ трудовъ, онъ можетъ съ нѣкоторою надеждою полагать, что имѣетъ предъ другими почитателями великаго Карамзина преимущественное право говорить о достоинствахъ и недостаткахъ его.

Не будемъ поставлять въ заслугу Карамзину, что онъ, можетъ быть, не былъ такъ хорошо приготовленъ къ труду своему, какъ знаменитые Европейскіе его соперники. Карамзинъ получилъ образованіе не ученое, но свѣтское; онъ въ послѣдствіи самъ перевоспиталъ себя: тѣмъ болѣе ему чести; но намъ нѣтъ никакой надобности до частныхъ средствъ и способовъ писателя: мы судимъ только его твореніе. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ: были и теперь есть люди въ Россіи, болѣе Карамзина знающіе какую-либо часть, къ Исторіи Русской относящуюся; но сіе частное знаніе поглощаетъ всѣ другія ихъ способности, и не даетъ имъ средства даже и подумать сравниться съ великимъ творцомъ Исторіи Государства Россійскаго: они каменьщики, Карамзинъ зодчій, и великій зод-

чій. Зданіе, имъ построенное, не удивляетъ цѣлаго міра, подобно зданіямъ Микель-Анджеловъ, но тѣмъ не менѣе оно составляетъ честь и красу своего вѣка для той страны, въ коей оно воздвигнуто.

И современники-сограждане были справедливы къ великому Карамзину. Твореніе его еще долго будетъ предметомъ удивленія, чести и хвалы нашей. Карамзинъ научилъ насъ Исторіи нашей; идя по слѣдамъ его, мы со временемъ научимся избѣгать его погрѣшностей, недостатковъ, можемъ и должны сравнивать его съ геніяльными творцами и воздавать ему не безусловную хвалу крикливаго невѣжества; но въ тоже время, съ негодованіемъ отвергаемъ мы порицателей человѣка необыкновеннаго. Онъ былъ столь великъ, сколько позволяли ему время, средства, способы его и образованіе Россіи; благодарность къ нему есть долгъ нашъ.

Н. П.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1829 года.

—*Исторія Геродіана*, въ осьми книгахъ, о Римской Имперіи, по кончинѣ Марка Аврелія до избранія младшаго Гордіана. Перевелъ съ Греческаго Василій Оболенскій. М. въ Т. Селивановскаго. 1829. X и 276 стр. in 8.

Геродіаново сочиненіе достойно вниманія потому только, что оно служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для Исторіи описываемаго въ ономъ времени. Разумѣется, что какъ Историкъ, въ нынѣшнемъ значеніи слова сего, Геродіанъ имѣетъ весьма невысокое достоинство. Онъ совсѣмъ не можетъ быть поставленъ вблизи великихъ Историковъ Римскихъ. Обыкновенный читатель даже не можетъ пользоваться его сочиненіемъ, ибо оно не имѣетъ Литературнаго достоинства, и, сверхъ того, многое изображаетъ недостаточно и не вѣрно, что показалъ Гиббонъ и другіе писатели, занимавшіеся періодомъ описываемаго Геродіаномъ времени. Геродіанъ занимаетъ точно такое мѣсто въ Римской Исторіи, какое продолжатели Нестора занимаютъ въ Русской. Это источникъ воды въ пустынѣ; но должно, чтобы искусный химикъ отдѣлилъ отъ нея постороннія частицы: тогда только можно будетъ употреблять ее.

Русскій переводъ Геродіана заслуживалъ-бы благодарность, если-бы Г. Переводчикъ присовокупилъ къ нему замѣчанія, сдѣлалъ сводъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ Геродіанъ противорѣчитъ другимъ Историкамъ, наконецъ, если-бы онъ, вмѣстѣ съ переводомъ, напечаталъ текстъ подлинника и обогатилъ его введеніемъ, наполненнымъ не безусловными похвалами избранному имъ Автору, но истинною оцѣнкою Геродіанова сочиненія. Для кого издалъ свою книгу Г. Переводчикъ? Для людей ученыхъ? но они не могутъ пользоваться ею, ибо не могутъ положиться на вѣрность перевода и должны справляться съ подлинникомъ, съ комментаторами, заниматься сравненіемъ Геродіана съ Капитолиномъ, Лампридіемъ, Требелліемъ-Полліономъ, Фл. Вопискомъ, Викторомъ, и другими. Переводомъ своимъ Г. Оболенскій не избавилъ ученыхъ людей отъ сего труда. Не посвятившіе себя исключительно Филологіи также не будутъ читать сего перевода, ибо имъ надобны Исторіи, очищенныя критикою. И какую пользу получатъ они, прочитавъ лѣтописный разсказъ о пятидесяти годахъ Римской Исторіи? Иное дѣло читать Ливія, Тацита, Плутарха, Юлія Цезаря: тамъ наслажденіе искуствомъ и силою генія Автора. Надобно прибавить еще, что переводъ Г-на Оболенскаго, какъ книга, писанная на Русскомъ языкѣ, подлежитъ строгому осужденію. Разверните ее на какой угодно страницѣ, вездѣ встрѣтите неестественныя выраженія и темноту слога. Надобны-ли доказательства? Вотъ они:

« Когда они *дѣлали* сей раздѣлъ, то всѣ прочіе печальными лицами *поникли въ землю*; Юлія-же го-

ворила: Землю и море, о дѣти мои, вы *нашлись какъ* раздѣлить; два материка, какъ говорите вы, отдѣляются проливомъ; но мать свою какъ вы раздѣлите? Какъ, несчастная, раздѣлюсь я, или распоргнусь между обоими вами? Сперва меня убейте, и *расторгши*, каждый у себя похорони часть свою. Такимъ образомъ и я буду *раздѣлена между вами*, вмѣстѣ съ моремъ и землею. *Сказавъ* сіе, со слезами и рыдая, *схвативъ* обоихъ въ объятія, прижала къ *грудямъ* и старалась *сблизить ихъ*; всѣ были *объяты жалостью;* совѣтъ распущенъ; предложеніе отмѣнено и каждый возвратился въ свои *чертоги* »(стр. 139). « Желалъ-бы я, воины, говорить вамъ обычнымъ образомъ, чтобъ и мнѣ слова мои были *приличны*, и вамъ *слушать пріятны. Наслаждавшись* столь продолжительнымъ миромъ, *если* теперь *услышите* что новое, необходимо будете поражены *тѣмъ*, *какъ* необычайностію» (стр. 202). «Еще болѣе подвигся онъ *къ жестокости* и *къ ожесточенію* противъ всѣхъ *заговоромъ*, будто противъ него *сдѣланнымъ*, въ которомъ участвовали многіе *стоначальники* и всѣ Сенаторы. Былъ нѣкто *Магнусъ* благороднаго происхожденія и *Проконсулъ*; оклеветали его, что онъ собираетъ противъ Максимина *скопище*, и убѣждаетъ воиновъ, избрать *его* Императоромъ; а пригошовленія къ сему были слѣдующія »(стр. 222). Punctum!

Мы удивляемся, что Г. Оболенскій, при своихъ познаніяхъ и умѣ, такъ неудачно избираетъ предметы для трудовъ своихъ и издаетъ книги въ такомъ несовершенномъ видѣ.

Онъ издалъ переводъ Разговоровъ Платона *О законахъ*, то есть именно то сочиненіе, которое многіе критики почитаютъ *не-Платоновымъ*; впрочемъ, если-бы оно было и подлинное сочиненіе Платона, то не дало-бы Русскимъ читателямъ понятія о безсмертномъ Грекѣ. По крайней мѣрѣ Разговоры *О законахъ* были переведены съ бо́льшимъ тщаніемъ, нежели Геродіанъ; съ симъ послѣднимъ Г. Переводчикъ обошелся весьма неучтиво.

Г-ну Оболенскому извѣстно личное наше къ нему уваженіе; но, по пословицѣ: *въ полѣ съѣзжаются, родней не считаются*, мы сказали то, что думаемъ о новомъ его трудѣ. Сколько важныхъ занятій ожидаютъ Литтератора такихъ достоинствъ, какъ онъ! Надобно только быть поразсмотрительнѣе въ выборѣ трудовъ своихъ и поотчетливѣе въ исполненіи оныхъ.

— *Исторія Древней и Новой Литтературы.* Сочиненіе Фридриха Шлегеля. Переводъ съ Нѣмецкаго. *Часть первая.* СПб. въ Т. А. Смирдина. 1829. VIII и 364 стр. in 8.

На Русскомъ языкѣ мало являлось донынѣ столь полезныхъ книгъ, какъ переводъ *Исторіи Древней и Новой Литтературы*, соч. Фр. Шлегелемъ. Мы ожидаемъ большой пользы отъ сего перевода, и просимъ читателей нашихъ обратить на оный особенное вниманіе. Незнакомые съ подлинникомъ сей книги найдутъ здѣсь чтеніе самое поучительное, ибо Авторъ, одинъ изъ первѣйшихъ Европейскихъ критиковъ, обозрѣваетъ въ Исторіи своей почти всѣ Литтературы и говоритъ о нихъ какъ Фило-

софъ, обогащенный величайшими филологическими познаніями. Появленіемъ такихъ книгъ должно дорожить и учиться изъ нихъ. Всякому, кто только имѣетъ возможность, совѣтуемъ прочитать Шлегеля: время, употребленное имъ на сіе чтеніе, не погибнетъ втуне. Съ появленіемъ въ свѣтъ второй части Русскаго перевода сей книги, мы постараемся представить читателямъ нашимъ свои мысли объ оной; теперь-же, почитаемъ приличнымъ познакомить ихъ съ Фридрихомъ Шлегелемъ вообще.

Фамилія Шлегелей знаменита въ Германской Литтературѣ. Въ прошедшемъ столѣтіи были въ оной извѣстны трое братьевъ Шлегелей: Іоаннъ Илія, поэтъ и замѣчательный критикъ; І. Адольфъ, поэтъ, проповѣдникъ и переводчикъ извѣстнаго и у насъ сочиненія Лебаттё: Les beaux arts réduits à un même principe; наконецъ, Генрихъ Шлегель, сочинитель *Исторіи Даніи* и переводчикъ многихъ пьесъ Англійскаго театра.

Но дѣти Адольфа Шлегеля, Августъ Вильгельмъ и Фридрихъ, въ полномъ смыслѣ прославили свою фамилію. Заслуги Августа Вильгельма удивительны: *Курсъ Драматической Литтературы* (котораго Русскій переводъ давно обѣщанъ, но къ сожалѣнію досель не вышелъ въ свѣтъ), превосходный переводъ *всего* Шекспирова Театра, переводъ Кальдерона, Данта, мелкія собственныя его стихотворенія, сочиненія объ Индійской Литтературѣ, Латинскій переводъ Бхахаватъ-Гиты, множество сочиненій о разныхъ предметахъ Литтературы, на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, критики въ разныхъ журналахъ, и проч., ставятъ сего Эс-

шетика и Поэта въ число первостепенныхъ геніевъ.

Фридрихъ Шлегель писалъ не столь много, какъ братъ его, но въ сочиненіяхъ своихъ показалъ не менѣе ума и учености. Сначала онъ былъ назначенъ къ купеческому состоянію и занимался торговыми дѣлами, но непобѣдимымъ призваніемъ былъ увлеченъ къ Литтературнымъ занятіямъ. Въ 1793 году въ первый разъ явился онъ на новомъ поприщѣ, съ филологическими изслѣдованіями, и началъ заниматься вмѣстѣ съ братомъ своимъ, отъ котораго трудно отличить его въ первый періодъ жизни Фридриха: оба браша писали въ однихъ журналахъ и почти объ однихъ предметахъ. Фридрихъ долго занимался критикою. Первое замѣчательное сочиненіе его было: *Греки и Римляне*, изданное въ 1797 году. Это сочиненіе осталось неконченнымъ, хотя нѣкоторые отрывки продолженія онаго и напечатаны. Ученая публика увидѣла однакожь, чего можно было ожидать отъ сего глубокомысленнаго писателя. Въ 1799 году издалъ онъ *Люцинду*. Этотъ романъ, въ письмахъ, произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе въ Германіи и былъ предметомъ жестокихъ критикъ: его почли совершенно безнравственнымъ. Авторъ хотѣлъ отвѣчать, но не исполнилъ сего, и даже въ послѣдствіи старался истребить всѣ экземпляры *Люцинды*. Послѣ сего въ первый разъ явился онъ какъ поэтъ. Въ 1801 году изданъ его *Геркулесъ Музагетъ* и вскорѣ затѣмъ *Аларкосъ*. Въ сей послѣдней трагедіи Авторъ пытался какъ можно ближе подражать Эсхилу въ романтическихъ формахъ. Почти въ это-же время Фридрихъ путешествовалъ по Франціи и читалъ въ Парижѣ курсъ Философіи,

которымъ слушатели его были не довольны, такъ-же какъ и Профессоръ ими. Въ одномъ Журналѣ онъ сказалъ о Французахъ, что «Химія и Краснорѣчіе суть двѣ главныя отрасли ихъ Литературы.» Во Франціи онъ занимался также собираніемъ лѣтописей о временахъ рыцарства и преданій объ Орлеанской Дѣвѣ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по возвращеніи въ Германію, онъ принялъ Римско-Католическую религію; жена его, дочь знаменитаго Моисея Мендельзона, сначала воспитанная въ вѣрѣ отца своего и потомъ принявшая религію своего мужа, перешла также къ Католицизму. Женщина сія достойна упоминанія: она превосходно перевела *Коринну* Г-жи Сталь, и переводъ ея былъ изданъ прежде оригинала. Она извѣстна и нѣкоторыми другими Литературными трудами; сверхъ того она помогала своему мужу во всѣхъ его ученыхъ трудахъ, которые, вмѣстѣ съ перемѣною религіи, должны были также принять другое направленіе. Доколѣ тѣсно связанные съ братомъ, они оба преподавали одно Литературное ученіе и оба стремились къ одной цѣли: справедливо называли ихъ Литературными *Діоскурами*. Можетъ быть и послѣ религіозной перемѣны Фридриха, они остались нѣжными братьями, но отдалились одинъ отъ другаго; даже согласіе ихъ въ мнѣніяхъ уничтожилось. Они оба продолжали заниматься Филологіею, Критикою, Восточными языками, Поэзіею, и слѣдовали одной теоріи, но поведеніе ихъ сдѣлалось совершенно различно.

Въ 1808 году Фридрихъ пріѣхалъ въ Вѣну, желая собрать нѣкоторыя документальныя свѣдѣнія для

исторической драмы *Карлъ пятый*, неизданной имъ. Лестный пріемъ ошъ многихъ особъ заставилъ новаго Католика остаться въ Вѣнѣ. Въ 1809 году, находясь при главной квартирѣ Эрцъ-Герцога Карла, онъ возбуждалъ патріотизмъ Австрійцевъ своими прокламаціями. Когда настало время мира, Фридрихъ началъ читать лекціи *о Новой Исторіи* и объ *Исторіи древней и новой Литературы*. Мы сказали въ краткихъ словахъ свое мнѣніе о его лекціяхъ *Литературныхъ*, нынѣ являющихся въ Русскомъ переводѣ; лекціи Фридриха Шлегеля *о Новой Исторіи* не отличаются тою независимостью въ мнѣніяхъ, которою были ознаменованы прежнія его сочиненія. Заслуживъ благоволеніе Князя Меттерниха, Фр. Шлегель былъ посланъ, въ 1818 году, во Франкфуртъ, въ качествѣ Совѣтника Австрійскаго Посольства, но пробылъ тамъ не долго. Послѣ сего онъ служилъ въ Государственной Канцеляріи. Въ 1827 году онъ читалъ курсъ *Философіи жизни*, изданный имъ въ слѣдующемъ году. — Фр. Шлегель былъ человѣкъ чрезвычайно толстый, такъ что глядя на него, трудно было повѣрить, чтобы подъ сею оболочкою скрывалось столько ума, познаній и метафизической тонкости. Послѣдній курсъ свой онъ читалъ дурно, однозвучно, даже не разбиралъ своей рукописи, но все это вознаграждали его глубокія и вмѣстѣ ясныя, тонкія мысли. Къ концу 1828 г. Шлегель былъ въ Дрезденѣ, и готовясь отправиться назадъ въ Вѣну, скончался, 12 Января (н. ст.) 1829 года, почти скоропостижно (*).

(*) Краткую сію біографію заимствовали мы изъ Французскаго Журнала: Le Globe.

— Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, Іюня 26 дня 1829 года. М. въ Ун. Т. 1829. 70 стр. in 4.

Рѣчей помѣщено здѣсь, по обыкновенію, двѣ: Русская, *Объ условіяхъ, содѣйствующихъ произрастанію растеній вообще, и въ особенности Экономическихъ*, произнесенная Профессоромъ Минералогіи и Сельскаго Хозяйства, Г-мъ Ловецкимъ, и Латинская, De ophthalmologiæ praestantia (*О преимуществахъ Офталмологіи, или знанія о глазахъ*), произнесенная Г-мъ Профессоромъ Эвеніусомъ. Но всего любопытнѣе слѣдующая за сими рѣчами: *Краткая Исторія Московскаго Университета и его Учебнаго Округа, съ 5-го числа Іюля 1828, по 26 число Іюня 1829 года.* Изъ нея видимъ, что касательно просвѣщенія Россіи вообще, сдѣланы въ протекшемъ Академическомъ году слѣдующія Государственныя постановленія: 1-е, Учрежденъ Главный Педагогическій Институтъ, для образованія достойныхъ учителей; 2-е, Высочайше утвержденъ, въ 8-й день прошлаго Декабря 1828 года, новый, благодѣтельный Уставъ Гимназій и Училищъ Уѣздныхъ и Приходскихъ; 3-е, образованъ Институтъ изъ 20-*ти природныхъ Россіянъ*, назначаемыхъ для замѣщенія, со временемъ, Профессорскихъ каѳедръ; 4-е, преобразованы Цензурные Комитеты; 5-е, Ярославское Демидовское Высшихъ Наукъ Училище снова поступило въ вѣдомство Московскаго Университета, а бывшій Почетный Попечитель сего училища, Тайный Совѣтникъ Безобразовъ уволенъ отъ сего званія. Университетъ

причисляетъ къ счастливымъ для него событіямъ посѣщеніе Барона Гумбольдта и, особенно, посѣщеніе Его Свѣтлости, Г-на Министра Народнаго Просвѣщенія, Князя К. А. Ливена. Сей знаменитый Сановникъ удостоилъ присутствіемъ своимъ лекціи каждаго изъ Профессоровъ и Адъюнктовъ, и, наконецъ, «въ собраніи всѣхъ Профессоровъ, съ глубокомысліемъ и подробностями изложилъ свои замѣчанія о найденномъ имъ благоустройствѣ Университета, о настоящемъ теченіи дѣлъ въ ономъ и о томъ единодушномъ усердіи всѣхъ членовъ онаго, безъ котораго весьма трудно дальнѣйшее усовершенствованіе столь многосложнаго заведенія.»

Въ теченіе сего года Университетъ лишился двухъ Профессоровъ: М. Г. Гаврилова и Н. А. Бекетова, и Лектора И. А. Пельша. Въ Нравственно-Политическомъ отдѣленіи учреждены каѳедры Россійской Исторіи *со* Статистикою и Исторіи Политической. Университетъ призналъ своими Почетными Членами: Генерала отъ Инфантеріи, Бѣлорусскаго Генералъ-Губернатора Князя Н. Н. Хованскаго, нѣкогда обучавшагося въ Московскомъ Университетѣ; Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Новгородскаго Гражданскаго Губернатора А. У. Денфера, и Барона Александра Гумбольдта. — Г-нъ Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ построить обсерваторію, на отпущенную уже для сего сумму, 53,121 р., на дачѣ Университетской, что на Трехъ горахъ. Находящіеся при Университетѣ Кабинеты, Библіотека и Музей, обогатились приношеніями отъ разныхъ мѣстъ и лицъ, и покупками.

Во все продолженіе учебнаго года утверждены: A. Докторами Медицины 7, B. Магистрами 2, C. Лекарями 1-го отдѣленія 27, 2-го отдѣленія 39, 3-го отдѣленія 7 человѣкъ; D. Ветеринарными врачами 2, E. Зубнымъ лекаремъ 1, F. Акушерами 5, G. Аптекаремъ 1-го отдѣленія 1, H. Провизорами 8, I. Гезелями 6 человѣкъ; K. Повивальною бабкою 1 особа.

4 Чиновника получили аттестаты, на основаніи Указа 1809 года Августа 6 дня.

По уваженію поведенія и успѣховъ въ наукахъ, изъ числа слушавшихъ Курсы въ *Отдѣленіяхъ Нравственно-Политическомъ*, *Физико-Математическомъ* и *Словесномъ*, утверждены: *Кандидатами*, изъ Дѣйствительныхъ Студентовъ 10, изъ Студентовъ 8; *Дѣйствительными Студентами* 46 человѣкъ. Получили свидѣтельства на степень *Кандидатовъ* 2, на степень *Дѣйствительныхъ Студентовъ* 9 человѣкъ изъ Слушателей.

Въ концѣ сего учебнаго года въ Университетѣ находилось учащихся, въ Отдѣленіяхъ: *Врачебномъ*, Лекарей 73, Студентовъ 178, Слушателей 17; въ *Нравственно-Политическомъ*, Кандидатовъ 4, Студентовъ 170, Слушателей 32; въ *Физико-Математическомъ*, Кандидатовъ 4, Студентовъ 29, Слушателей 2; въ *Словесномъ*, Кандидатовъ 6, Студентовъ 94, Слушателей 20.

Въ 11 губерніяхъ Московскаго Учебнаго Округа, во весь годъ открыто: Уѣздныхъ Училищъ 2, Приходскихъ 6, частныхъ Пансіоновъ 10; закрыто: Приходскихъ Училищъ 3, частныхъ Пансіоновъ 5.

Учреждены Училища для дѣтей канцелярскихъ служителей въ городахъ Костромѣ, Орлѣ и Рязани. Къ концу учебнаго года, въ Моск. Учебн. Округѣ состояло: Губернскихъ Гимназій 11, Уѣздныхъ училищъ 92, Приходскихъ 126, частныхъ Пансіоновъ и школъ 57. Учащихся во всѣхъ 12-ти Губерніяхъ считалось: въ Гимназіяхъ 964, въ Уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ 11,068, въ частныхъ Пансіонахъ муж. пола 550, женскаго 567, всего-же учащихся 13,149 человѣкъ; при оныхъ чиновниковъ и учителей 1007 человѣкъ. Кромѣ разныхъ значительныхъ пожертвованій по Округу, замѣчательно изъявленное Дворянствомъ Рязанской губерніи желаніе пожертвовать до 166 тысячъ рублей на заведеніе при Рязанской Гимназіи Благороднаго Пансіона. По Высочайшему повелѣнію приняты мѣры для устроенія Ланкастерскихъ школъ, и въ Москвѣ уже учреждена таковая школа при Никитскомъ училищѣ (*).

Университетъ предлагаетъ на слѣдующій годъ, для разрѣшенія, слѣдующую задачу: « Num Medicina Physiologica, quæ nomine doctrinæ medicæ novæ hodie insignitur, merito principatum respectu Medicinæ practicæ exercendæ sibi vindicet? » Награда за разрѣшеніе, 250 рублей.

— Russische Miscellen zur genauern Kentniss Russlands und seiner Bewohner (*Разныя сочиненія о Россіи, служащія къ подробному познанію сей земли и ея*

(*) Въ отчетѣ Университетскомъ неправильно именуется сія метода *Ландкастерскою*. Имя знаменитаго изобрѣтателя сей методы *Іосифъ Ланкастеръ* (Lancaster).

обитателей). Издаваемыя Георгомъ Энгельгардтомъ. Часть первая. СПб., въ т. Академіи Наукъ, 1829. IV и 204 стр., in 8.

Первая изъ помѣщенныхъ въ сей книгѣ статей, есть выборъ изъ *Рѣчи*, произнесенной въ 1822 году въ торжественномъ собраніи Царскосельскаго Лицея, Г-мъ Бѣлухою-Кохановскимъ, воспитанникомъ Лицея, въ которой Авторъ хотѣлъ изобразить величіе Россіи. Въ семъ отрывкѣ больше восклицаній, чѣмъ дѣла.—*Обозрѣніе всѣхъ, въ послѣдніе 25 лѣтъ совершенныхъ Русскими мореплавателями путешествій кругомъ свѣта, и проч.* Чрезвычайно любопытная и весьма хорошо составленная статья! Мы желали-бы даже перевести ее для своего Журнала, ибо на Русскомъ языкѣ еще нѣтъ столь яснаго, полнаго и кратко изложеннаго обозрѣнія заслугъ и подвиговъ Россійскихъ мореплавателей. *Отрывки изъ Дневника, писаннаго во время пути на Макарьевскую ярмарку.* Многія черты Русскаго быта замѣчены и выражены Авторомъ очень удачно. Есть любопытныя извѣстія о мѣстностяхъ. *Чукотская ярмарка въ Островно*, извлеченіе изъ писемъ Г-на Лейтенанта Матюшкина, бывшаго воспитанника Лицея, нынѣ-же извѣстнаго своими достоинствами Морскаго Офицера. Извлеченіе сіе весьма любопытно: оно даетъ понятіе о предметѣ новомъ и для Европейца удивительно занимательномъ. Къ сему отрывку приложено изображеніе мѣстечка Островно, рисованное (такъже какъ и изображеніе, находящееся на заглавномъ литографированномъ листкѣ) Г-мъ Матюшкинымъ. Оба сіи рисунка перенесены на ка-

мень извѣстнымъ художникомъ-любителемъ Г-мъ Лангеромъ. *Марѳа и Андрей*, историческое сказаніе, частію переводъ, частію выборъ изъ повѣсти Г-на Дарагана, напечатанной въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Сыну Отечества 1824 года. *Небольшіе анекдоты и характерныя черты*, заключаютъ въ себѣ также нѣчто любопытное. Вообще книга сія дѣлаетъ честь Г-ну Энгельгардту, долго бывшему однимъ изъ почетнѣйшихъ наставниковъ юношества, нынѣ-же, какъ видно, посвящающему досуги свои Литературнымъ занятіямъ.

— *Отрывки изъ прозаическихъ сочиненій* лучшихъ Россійскихъ писателей, для постепенныхъ занятій переводами съ Русскаго языка на Французскій и Нѣмецкій. *Второе изданіе*, исправленное и дополненное (съ такимъ-же заглавіемъ на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ). СПб., въ т. вдовы Плюшаръ, 1829. XI, XLV, 310 и 239 стр., in 8.

Отдавая полную справедливость благонамѣренному предпріятію Г-дъ Издателей сей книги, мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы всѣ избранные ими отрывки принадлежали *лучшимъ* нашимъ писателямъ. Въ книгѣ ихъ главное: выборъ. И Введеніе, или грамматическія упражненія, занимающія XLV страницъ, подлежали-бы также внимательнѣйшему разсмотрѣнію. Но всего болѣе мы поражены страннымъ сочетаніемъ именъ Авторовъ, признаваемыхъ Гг. Издателями за *лучшихъ*. Подлѣ Г-на Булгарина, Г-нъ Броневскій, подлѣ Карамзина, Г-нъ Каченовскій! Неужели это равно достойные подражанія писатели? Боже сохра-

ни нашихъ юношей писать такъ, какъ пишутъ Гг. Броневскій и Каченовскій; но дай Богъ писать имъ подобно Г-ну Булгарину, и хоть нѣсколько приблизишься къ Карамзину! Но удивляться-ли сей неразборчивости Г-дъ Издателей, когда они, въ число *лучшихъ* писателей Русскихъ, включили *даже* Князя Шаликова и Г-дъ Маршынова, В. Никонова, Филимонова, Погодина!.., Ужь кстати было-бы включить и Г-на Воейкова, издавшаго десятки томовъ чужихъ Образцовыхъ Сочиненій и не умѣющаго написать ни одной строчки правильно, умно, или даже сносно. Въ этомъ Г-нѣ Воейковъ одинъ изъ *лучшихъ*, ибо мы не знаемъ, что̀ подъ словомъ *лучшій* понимаютъ Г-да Издатели, сближая писателей, которыхъ имена *воютъ отъ ужаса*, видя себя вмѣстѣ.

— *Ганцъ Кюхельгартенъ*. Идиллія въ картинахъ. Соч. В. Алова (писано въ 1827 году). СПб. въ т. А. Плюшара (?). 1829. 71 стр. in 12.

Издатель сей книжки говоритъ, что сочиненіе Г-на Алова не было предназначаемо для печати, но, что *важныя для одного Автора причины* побудили его перемѣнить свое намѣреніе. Мы думаемъ, что еще важнѣйшія причины имѣлъ онъ не издавать своей Идилліи. Достоинство слѣдующихъ пяти стиховъ укажетъ на одну изъ сихъ причинъ:

Мнѣ люпыя дѣла не новость;
Но дьявола отрекся я,
И остальная жизнь моя —
Заплата малая моя
За прежней жизни злую повѣсть.

Заплатою такихъ стиховъ должно-бы быть сбереженіе оныхъ подъ спудомъ.

— *Аксель*, повѣсть изъ исторіи тридцатилѣтней войны, соч. Ванъ-деръ-Вельда. Переводъ съ Нѣмецкаго М. В. — М. въ Унив. тип. 1829. 95 стр. in 16.

Хорошій переводъ занимательной повѣсти. При рѣдкости грамотныхъ Русскихъ Переводчиковъ, это явленіе пріятное.

— Essais poétiques. Par Achille Lestrelin (*Стихотворные опыты* Ахиллеса Лестрелена). М. въ т. А. Семена. 1829. X. 107 стр. in 8.

Въ предисловіи Г. Лестреленъ говоритъ: «Самая строгая критика, можетъ быть, ободрила-бы Автора, узнавъ, что съ годъ только онъ въ первый разъ вступилъ на сей тернистый путь (поэзіи), и что дотолѣ Музы отказывали ему въ своей благосклонности. Сначала онъ почиталъ свое вдохновеніе за горячку рифмъ, и думалъ, что имъ обладаетъ страсть къ стихотворству; но нѣкоторыя ученыя особы ободрили его, привели ему въ примѣръ Жанъ-Жака Руссо и многихъ превосходныхъ поэтовъ Французскаго Парнасса, выступившихъ на сцену и получившихъ огромные успѣхи уже въ старыхъ лѣтахъ. Сіи совѣты внушили ему смѣлость; онъ работалъ и черезъ шесть мѣсяцовъ издалъ *Бѣлую Шаль*, поэму, разсмотрѣнную во многихъ журналахъ.» Послѣ сего, выписавъ замѣчанія на Бѣлую Шаль, помѣщенныя въ Журналѣ Bulletin du Nord, Авторъ переводитъ и наше сужденіе о его поэмѣ, напечатанное въ 9-й книжкѣ М. Теле-

графа 1828 года. Онъ чрезвычайно доволенъ имъ, противъ ожиданія нашего. Посему-то, мы не хотимъ перемѣнять тона своихъ сужденій о его сочиненіяхъ, и скажемъ, что *Опыты*, или мѣлкія стихотворенія Г. Лестрелена, ни въ чемъ не уступаютъ *Бѣлой Шали*. Чтобы показать читателямъ нашимъ, чего можно ожидать отъ Г-на Лестрелена, переводимъ еще слѣдующія слова изъ его предисловія: «По примѣру лучшихъ поэтовъ, Авторъ (т. е. Г. Лестреленъ) пишетъ въ прозѣ предметы своихъ помышленій и на сей-то основѣ начинаетъ свою поэтическую работу. Онъ создалъ себѣ четыре плана, и нынѣ въ прозѣ предаетъ ихъ тисненію, подъ названіемъ Повѣстей (Nouvelles), дабы исключительно заняться новымъ трудомъ своимъ.» Поздравляемъ публику съ пріятною будущностью! Жаль, что мы не можемъ перевести всего Предисловія, и особенно тѣхъ мѣстъ, гдѣ Авторъ хвалитъ себя съ безпримѣрною скромностью.

— *Нищій*, или ужасъ, владычествующій въ вертепѣ игроковъ. Московская повѣсть. Стихотвореніе Николая Ѳомина. М. въ т. С. Селивановскаго. 1829. 24 стр. in 8.

Изліяніе разстроеннаго воображенія! Какъ не проклинать игроковъ, внушающихъ такіе дурные стихи! Желаемъ скорѣйшаго истребленія сихъ тварей, даже для пользы Литературы.

СМѢСЬ.

Письма съ береговъ Лены (*).

Письмо I. Я помню, любезный другъ, что понятія твои о Сибири не простирались далѣе Иркутска, о которомъ я сообщилъ тебѣ нѣкоторыя свѣдѣнія; теперь хочу вести тебя къ Сѣверу, къ полярному кругу, *въ страну мятелей и снѣговъ*; хочу познакомить тебя съ Гипербореями, словомъ: поведу тебя въ Якутскъ, городъ, лежащій подъ 62° сѣверной широты, за 9000 верстъ разстоянія отъ Петербурга. Страна, съ которою намѣренъ я тебя познакомить, не славится просвѣщеніемъ, населенностію, или плодородіемъ; нѣтъ! она знаменита только соболями, лисицами и бѣлкою, а любопытна историческими событіями, имѣвшими вліяніе на всю Иркутскую губернію и наши сношенія съ неприступнымъ Китаемъ, Камчаткою,

(*) Съ особеннымъ удовольствіемъ печатая сіи любопытныя извѣстія объ отдаленномъ краѣ Сибири, полученныя нами отъ той особы, которой сообщилъ ихъ Г-нъ Щ., мы надѣемся, что насъ не оставятъ продолженіемъ оныхъ. Отъ лица читателей Телеграфа, благодаримъ почтеннаго Г-на Щ. — *Изд. Тел.*

Америкою и Японіею. Страна сія пуста и необработана; сообщенія въ ней устроены по рѣкамъ, какъ вообще бываетъ въ странахъ новооткрытыхъ, да и самая населенность ограничивается длинною полосою по рѣкѣ Ленѣ, по обѣ стороны которой бродятъ Тунгусы съ стадами своихъ оленей; даже нѣтъ надежды, чтобы увеличилось здѣсь народонаселеніе, по недостатку удобныхъ мѣстъ и способовъ къ содержанію. Кажется, что столь малая населенность здѣшняго края необходима въ нашемъ политическомъ быту: въ лѣсахъ Ленскихъ водится множество бѣлки и лисицъ, которыя въ Китайской торговлѣ составляютъ важнѣйшую статью; по впадающимъ-же въ Лену рѣкамъ: Киреньгѣ, Олекмѣ, Витиму и Алдану, уходятъ Тунгусы и Якуты на Яблонный хребетъ, гдѣ ловятъ лучшихъ во всей Сибири соболей.

На разстояніи 200 верстъ отъ Иркутска къ Сѣверу, до самой Лены, лежитъ плодородная долина, называемая *Братскою степью*. Долина сія усѣяна и Русскими селеніями и Буряцкими кочевьями. Лена есть сѣверный рубежъ огромной Имперіи Чингисъ-Хана. При деревнѣ Качугѣ, я спустился на сію величайшую рѣку; до сего мѣста ѣдутъ путешественники въ кибиткахъ, далѣе или верхомъ по берегу, или въ лодкахъ, отъ станціи до станціи; зимою-же по льду въ кибиткахъ. На обратномъ пути изъ Якутска путешествіе совершается или верхомъ, или въ лодкахъ, которыя тянутся вверхъ противъ теченія, лошадьми. Селеніе Качугъ примѣчательно тѣмъ, что отъ онаго Лена дѣлается судоходною, и всѣ товары въ Я-

кутскъ, Охотскъ и Камчатку отправляются отсюда на баркахъ или *наволокахъ*; посему весною бываетъ здѣсь большое стеченіе народа.

Говорятъ, что лѣтомъ нѣтъ ничего прелестнѣе береговъ Лены, но зимою ничего не можетъ быть скучнѣе и однообразнѣе сей дороги. Вообразите себѣ ущелину между двумя кряжами горъ средней высоты, чрезвычайно однообразныхъ на разстояніи 2500 верстъ, изъ которой видна только узкая полоса неба; прибавьте къ тому еще въ 45° морозы, и чрезвычайно длинныя станціи, иногда верстъ въ 50. До перваго уѣзднаго города, Киренска, и верстъ на 200 за нимъ, встрѣчаете маленькія селенія, отъ двухъ до десяти домовъ; но далѣе одни только станціи, которыя устроены лѣтъ за 40 назадъ, населены посельщиками, и расположены преимущественно по лѣвому берегу Лены; правый-же почти вездѣ неприступенъ. Всѣ здѣшніе поселенцы находятъ пропитаніе единственно отъ содержанія станцій: мѣстъ удобныхъ для хлѣбопашества чрезвычайно мало; луговъ для выгоновъ скота нѣтъ, а въ дополненіе, зло ужасное, множество медвѣдей каждое лѣто производитъ опустошеніе въ рогатомъ скотѣ.

Съ окончаніемъ Буряцкихъ стойбищъ, начинаются кочевья Тунгусовъ; я сказалъ много: не кочевья, но земля, обитаемая Тунгусами. Народъ сей, въ полномъ смыслѣ, *бродитъ* съ оленями по лѣсамъ и горамъ, и больше двухъ дней не останавливается на одномъ мѣстѣ. Если-бы предложить вопросъ: Кѣмъ населить землю, состоящую изъ непроходи-

мыхъ лѣсовъ и горъ? Выборъ палъ-бы на Тунгусовъ. Олень составляетъ все богатство Тунгуса; звѣрь сей лѣтомъ питается травою, а зимою мохомъ, растущимъ на деревахъ, слѣдовательно не требуетъ къ содержанію своему никакихъ заботъ отъ хозяина. Самъ Тунгусъ довольствуется мясомъ убитаго имъ звѣря; но какъ въ звѣряхъ не всегда бываетъ изобиліе, то нерѣдко приходится ему быть голоднымъ по нѣсколькў сутокъ; въ самой уже крайности рѣшается онъ убить оленя; но при семъ случаѣ собираются къ нему всѣ сосѣди, сколько ихъ найдется, и съѣдаютъ скотину въ одинъ или два дня; хозяину-же остаются однѣ кости, которыя, высушивъ и истолокши, варитъ онъ со снѣгомъ, и тѣмъ питается до слѣдующаго благопріятнаго случая. Юрты или кибитки Тунгусскія дѣлаются изъ бересты, кое какъ; оставляя мѣсто, покидаютъ и юрту. Ужасно представить себѣ: каково Тунгусу въ такомъ жилищѣ, при 40 градусныхъ морозахъ! Но это для нихъ ничего не значитъ. Мнѣ случалось видать дѣтей ихъ нагихъ и бѣгающихъ около юрты по снѣгу. Сказываютъ, что при рожденіи, Тунгуса тотчасъ погружаютъ въ снѣгъ. Тунгусы не столь безобразны лицомъ, какъ Бурята; въ прежнія времена они вышивали лица, но нынѣ оставляютъ сіе украшеніе. Языкъ ихъ нѣженъ и благозвученъ, нравы просты. Малое число изъ нихъ исповѣдуетъ Христіанскую вѣру, а остальные, можно сказать, не имѣютъ никакой религіи. Подлинное числа ихъ неизвѣстно, да и можно-ли сдѣлать вѣрную перепись народу, бродящему по лѣсамъ и горамъ, отъ Амура до Ледови-

таго моря, между Енисеемъ и берегами Восточнаго Океана? Правда, что Тунгусы собираются въ извѣстныя времена года на какую нибудь рѣчку, для платежа ясаку, но выходятъ только тѣ, коимъ нужно что нибудь вымѣнять у Рускихъ. Въ вѣдомствѣ Киренскаго Исправника считается Тунгусовъ около тысячи душь.

Н. Щ—ъ.

Русскій Театръ.

Обрѣева собака, драма въ 3хъ дѣйствіяхъ; *Дипломатъ*, водевиль въ 2хъ дѣйствіяхъ; *Новый Парисъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи; *Семикъ*, дивертисманъ (бенефисъ Гжи Н. Рѣпиной).

Зло неизбѣжно въ мірѣ семъ, и даже необходимо, потому что безъ него не было-бы добра, такъ-же какъ безъ горести не было-бы и радости. Будемъ, по крайней мѣрѣ, благодарить Провидѣніе за то, что оно дозволяетъ и доброе и худое въ равной мѣрѣ, подобно тому, какъ мужчины и женщины родятся въ равномъ числѣ. Родъ человѣческій стремится къ совершенству; всѣ умы напрягаются для содѣйствія ходу просвѣщенія. Но между тѣмъ видимъ, что предразсудки, пороки и глупости не отстаютъ отъ сего исполина, быстрыми шагами пробѣгающаго свое поприще, къ утѣшенію рода смертныхъ. Все худое, все то, что благомыслящіе люди, вооруженные свѣтильниками наукъ и бичемъ истины, стараются истребить для блага всѣхъ живущихъ, все это укрываетъ отъ мѣткихъ ударовъ Философіи, и подобно гидрѣ, ежеминутно возраждается, въ разныхъ ви-

дахъ и образахъ. Тщетно благотворительное Правительство дѣлаетъ мудрыя постановленія, имѣющія цѣлью очевидную и всѣмъ понятную пользу гражданъ. Злоупотребленія зараждаются въ самыхъ сихъ учрежденіяхъ, подобно мышамъ и крысамъ, которыя, неизвѣстно откуда, берутся въ новомъ и прочномъ зданіи. Все творимое человѣкомъ подвержено симъ неудобствамъ. Но не ужели мыши и крысы могутъ кого либо принудить къ разрушенію удобнаго и прекраснаго строенія? Нѣтъ, конечно! Въ такомъ случаѣ должно, по мѣрѣ возможности, истреблять сихъ вредныхъ тварей, и препятствовать ихъ размноженію. Тоже самое бываетъ и въ нравственномъ мірѣ. Зло едва-ли можетъ быть совершенно искоренено; но тѣмъ не менѣе должно заботиться объ истребленіи плевелъ, и употреблять всѣ дозволительныя средства, для сокрушенія возросшихъ, и для воспрепятствованія прозябенію ихъ сѣменъ. Въ этой безпрерывной борьбѣ желанія добра, со всюду являющимся зломъ, благое Провидѣніе явно оказываетъ свою помощь. Самые отвратительные пороки имѣютъ свою смѣшную и чувствительную сторону, такъ, что не только громы Владыкъ земныхъ, но и ловкіе щелчки людей, повидимому безсильныхъ, могутъ разить змѣй злоупотребленій, и препятствовать распложенію оныхъ. Слово: *колкости*, недаромъ означаетъ удачныя насмѣшки, потому что онѣ въ полномъ смыслѣ колютъ тѣхъ, которые погрязли въ блатѣ предразсудковъ, пороковъ, и отвратительность своего виталища почитаютъ себѣ обороною. Въ этомъ случаѣ, сатиры, эпиграммы, и выведеніе на сцену таковыхъ лицъ, можно уподобить камнямъ, коими рѣзвые мальчики

раздробляютъ высунувшіяся изъ подъ тины головы жабъ и лягушекъ, между тѣмъ какъ сами они находятся въ нѣкоторомъ отдѣленіи отъ нечистаго и смраднаго мѣста. Такова цѣль и Комедіи. Смѣшить и забавлять народъ, было и донынѣ есть ея фундаментальное предназначеніе. Но она, какъ и все близкое къ изящному, не удовольствовалась своими первоначальными формами. Ей, то есть Комедіи, показалось, что безпрестанныя одурачснія Синьора Панталона, произведенныя плутнями Арлекина и уловками Коломбины, равно какъ и вѣчные любовные успѣхи Синьора Леандра и Донны Изабеллы, еще недостаточны для выполненія ея обязанности. Комедія, расширивъ крылья, свободно воспарила подъ чистымъ небомъ, и ястребиными глазами обзирая гадовъ нравственнаго міра, начала стремительно бросаться на нихъ. Со всѣмъ уваженіемъ нашимъ къ Классической древности, не будемъ упоминать о комикахъ Греческихъ и Римскихъ, которые не постигли настоящей цѣли Комедіи. У нихъ была она орудіемъ личности, или средствомъ смѣшить публику, во что бы то ни стало. Гораздо ближе къ нашему времени безсмертные Шекспиръ и Мольеръ. Первый, котораго въ отношеніи къ Драматическому Искусству можно смѣло назвать *всеобъемлющимъ геніемъ*, угадалъ тайну истинной Комедіи, и извлекъ оную изъ противоположности смѣшнаго съ плачевнымъ. Какъ сердцевѣдецъ онъ представлялъ человѣка такимъ, каковъ онъ въ сущности, то есть и смѣшнымъ и жалкимъ. Великому таланту Шекспира удалось выказать въ занимательномъ видѣ сіи столь противныя стороны нашего юдольнаго быта. — Мольеръ избралъ себѣ

другую стезю. Онъ началъ разсматривать худую и смѣшную сторону, не человѣка вообще (который въ естествѣ своемъ не измѣнится до скончанія міра), а обычаевъ своего времени. Смѣло можно сказать, что сей великій Комикъ поражалъ предразсудки и заблужденія своего вѣка не палицею Геркулеса, а стрѣлами Аполлона, доставлявшими какое-то наслажденіе тѣмъ, кои были уязвлены оными. Но какія были наслажденія безсмертнаго Мольера! За удовольствіе, имъ безпрерывно доставляемое современникамъ, за печать славы, наложенную имъ на вѣкъ гордаго Людовика, пользовался-ли онъ должнымъ возмездіемъ? Нѣтъ! Вся жизнь его была не иное что, какъ борьба съ предразсудками, коимъ онъ наносилъ сколь мѣткіе удары. Потомство оцѣнило сіе по достоинству; но при жизни своей, Мольеръ испилъ до послѣдней капли фіалъ горечи; онъ испыталъ, сколь трудно сражаться съ гидрою закоренѣлыхъ предубѣжденій; онъ узналъ, что пороки, столь смѣло имъ разимые, хотя не имѣютъ твердой и надежной брони, но тѣмъ не менѣе, подобно дикобразу, уязвляютъ своими иглами нападающаго на нихъ. И такъ, утѣшьтесь, труженики, подвизающіеся на тернистомъ поприщѣ Драматической Словесности, утѣшьтесь тою неутѣшительною мыслію, что и великіе ваши предшественники, ваши образцы, должны были испытать всю трудность борьбы съ *мракобѣсіемъ*! Разсмотрите повнимательнѣе ихъ красивые вѣнцы, и вы увидите, что они были омочены слезами получившихъ оные.

Въ 8-й книжкѣ Телеграфа извѣщали мы нашихъ читателей о чаемомъ представленіи, въ пользу Актрисы Г-жи Н. Рѣпиной, прекрасной Комедіи: *Дворянскіе выборы*. Благодаря повсюду распространяющемуся просвѣщенію, и мудрому, благодѣтельному Цензурному Уставу, который вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ нашего вѣка, драматическіе писатели начали громить пороки и предразсудки, искусно выставляя ихъ безобразно-смѣшную сторону. Въ вышеупомянутой Комедіи, мастерскою и смѣлою кистью начертано изображеніе одного изъ гнуснѣйшихъ злоупотребленій, происходящаго отъ того, что просвѣщеніе у насъ не слишкомъ еще глубоко пустило свои корни. Образованная публика обрадовалась сему новому явленію, и болѣе тысячи экземпляровъ Комедіи распродано было въ два мѣсяца. Изъ сего явствуетъ, что наши соотечественники любятъ истинное и хорошее, но — *мракобѣсіе* на сей разъ не осталось въ покоѣ, и дикимъ своимъ голосомъ возопіяло, что Комедія *Дворянскіе выборы*, оскорбляетъ не только все сословіе дворянъ, но даже посягаетъ на благотворное учрежденіе Мудрой Государыни! Помилуйте, господа! Гдѣ вы это нашли? Въ терзаемой вами Комедіи видимо явное благоговѣніе къ установленію Великой Монархини, а стрѣлы сатиры обращены только на злоупотребленія, неизбѣжно долженствующія произойдти отъ сего самаго учрежденія, потому что въ мірѣ семъ нѣтъ такой святыни, подъ предлогомъ коей не укрывались-бы злоухищренія. Не видимъ-ли мы въ нашемъ Литтературномъ бытѣ, что самое про-

свѣщеніе, въ гигантскомъ своемъ ходѣ, влачитъ за собою цѣлую толпу смѣшныхъ и уродливыхъ призраковъ, подлежащихъ ударамъ критики и сатиры? Черви и насѣкомыя зараждаются отъ благотворныхъ лучей дневнаго свѣтила, и мудрено-ли, что чтимое нами просвѣщеніе пораждаетъ скороспѣлокъ-мудрецовъ, безграмотныхъ журналистовъ, задорныхъ недоумокъ, поклонниковъ ѳиты-ижицы, заклятыхъ враговъ буквы Э, желчныхъ педагоговъ, и проч., и проч., тысячу разъ *и прочее?* Вся эта сволочь бываетъ обыкновенно предметомъ насмѣшекъ истинныхъ любителей просвѣщенія. Неужели какой-нибудь ученый будетъ гнѣваться, когда увидитъ въ комедіи педанта, представленнаго въ каррикатурномъ и смѣшномъ видѣ? Напротивъ! Ученый самъ потѣшится надъ забавнымъ своимъ собратомъ по святилищу наукъ. Я думаю, смѣло можно ручаться, что благовоспитанные юноши восьмидесятыхъ годовъ не обижались тѣмъ, что Митрофанушка, съ своими учителями, былъ выведенъ на сцену Придворнаго Театра, *по приказанію Великія Екатерины.* Какой честный Предсѣдатель Палаты вздумаетъ узнавать себя въ извѣстномъ дѣйствующемъ лицѣ Комедіи: *Ябеда*, игранной по Высочайшей волѣ Императора Павла? Какой здравомыслящій членъ Англійскаго Клуба оскорбится тѣмъ, что безсмертный Грибоѣдовъ далъ ему въ товарищи небывалыхъ Фамусовыхъ, Репетиловыхъ, Лохмотьевыхъ, и другихъ? Не знаю, что̀ думаютъ Господа мракобѣсы; только имѣю честь имъ объявить, что я, нижеподписавшійся, принадлежу къ одной изъ древнѣйшихъ фамилій Рос-

сійскаго Дворянства, и ни мало не обижаюсь тѣмъ, что собраты мои по званію дворянина, каковы суть *Кожедраловъ* и *Забойкинъ*, выведены на сцену въ настоящемъ ихъ видѣ. Я вмѣнилъ-бы себѣ въ честь познакомиться съ *Твердовыми*; но никогда не сталъ-бы искать знакомства съ *Староплутовымъ* и даже посмѣялся-бы ошъ души, если-бы увидѣлъ, какъ Его Высокородіе былъ выведенъ подъ ручки изъ залы Дворянскаго Собранія. Въ этихъ-же чувствахъ ручаюсь и за всѣхъ образованныхъ членовъ почтеннаго Дворянскаго сословія. И такъ, мужайтесь, благородные поборники истины! Смѣло разите грозною палицею вашего остроумія предразсудки и злоупотребленія. Вопли черни не заглушатъ радостныхъ кликовъ, коими благомыслящіе сыны отечества привѣтствуютъ ваши произведенія! . . . Какъ-бы то ни было, только обѣщанное на 21-е Іюня представленіе Комедіи: *Дворянскіе выборы*, отложено до другаго времени, за тѣмъ, *чтобы гусей не раздразнить*, и вмѣсто сей Комедіи дана была извѣстная Драма: *Обрѣева собака*, вѣроятно потому, что вѣрная и добрая собака, лучше. . . но оставимъ это, и не будемъ говорить о старой Драмѣ. Увѣдомимъ только Г-дъ охотниковъ, что прекрасная собака, столь искусно выполнившая свою роль, принадлежитъ Актёру, *Г-ну П. Степанову*.

Въ слѣдъ за симъ былъ представленъ прекрасный и замысловатый Водевиль: *Дипломатъ*, давно уже игранный въ Петербургѣ. Здѣсь употчивали насъ новымъ переводомъ, Гг-дъ *Павлова* и *Шевырева*. Если полубогъ Геркулесъ, въ угодность прекрасной

Омфалѣ, отложилъ свою тяжеловѣсную дубину и принялся за веретено, то мудрено-ли, что Г-нъ Шевыревъ снялъ на время колпакъ любомудрія, положивъ въ сторону перо, съ него-же сливается индивидуально-объективная критика, и началъ посвистывать на водевильной дудочкѣ? — «Ладно-ли игралъ?» спросятъ читатели. Со грѣхомъ по полламъ! отвѣтимъ мы. Хорошо, что у него былъ сотрудникъ, который прекрасными и замысловатыми куплетами нѣсколько заглушилъ нестройные звуки новаго инструмента, избраннаго Г-мъ Шевыревымъ. Вотъ образчикъ водевильныхъ подвиговъ сего неумытнаго Критика: молодой Французъ, по обычаю своихъ единоземцовъ привыкшій говорить каламбурами, стрянаетъ комплименты прекрасной Графинѣ. И что-жь? Онъ увѣряетъ, что доселѣ онъ искалъ счастія *въ стаканѣ*, а теперь нашелъ его *въ графинѣ!!* Не правда-ли, что это очень индивидуально и объективно, и что въ семъ велемудро-изысканномъ каламбурѣ, отъ созвучія словъ: *графинъ, Графиня*, есть какая-то *младенческая односторонность?* Въ оправданіе глупости, сказанной молодымъ Французомъ, онъ говоритъ, что утомился отъ дальняго пути, отъ чего-де и каламбуръ *тяжеловатъ*. Смѣло можемъ увѣрить, что добрые ребята Французы очень откровенны, и когда соврутъ, то признаются въ томъ чистосердечно. Маркизъ, представленный въ Дипломатѣ, вѣрно сознался-бы въ томъ, что его каламбуръ *отмѣнно плосковатъ*, въ чемъ совѣтуемъ сознаться и Г-ну Шевыреву. Впрочемъ, пьеса была разыграна недурно. За то костюмы были уморительны! Владѣтель-

ный Герцогъ и сынъ его явились въ первомъ дѣйствіи Водевиля въ егерьской ливреѣ, какого-нибудь Германскаго Барона, имѣющаго до двухъ тысячь талеровъ ежегоднаго дохода. На счетъ костюмовъ пожалѣемъ о Г-нѣ Банпышевѣ, занимавшемъ роль Принца, на коего онъ былъ столькоже похожъ, сколько на Китайскаго Императора. Этотъ молодой артистъ, т. е, Г-нъ Банпышевъ, имѣетъ очень пріятный голосъ и заботится объ усовершеніи своего пѣнія. Все предвѣщаетъ въ немъ хорошаго опернаго актёра. Не льзя-ли ему позаботишься также о посвященіи себя въ таинства актерскихъ уловокъ на счетъ наружнаго вида? Природа не всѣхъ одѣляетъ красотою. Извѣстно, что знаменитый Лекенъ былъ малаго роста, нѣсколько толстоватъ и неуклюжъ, и имѣлъ ротъ, растянутый до самыхъ ушей. За всѣмъ тѣмъ, онъ былъ настоящій царь на сценѣ. Безобразіе его исчезало, и самыя прихотливыя дамы временъ Людовика XV-го видѣли въ немъ—почти красавца. При столь пріятномъ голосѣ, какимъ обладаетъ Г-нъ Банпышевъ, желательно было-бы видѣть и пріятную наружность. Въ образецъ умѣнья получить оную, укажемъ ему на недавно бывшаго здѣсь Актёра Г-на Брянскаго.

Водевиль: *Новый Парисъ*, есть новое, прелестное произведеніе легкаго пера Г-на Хмельницкаго. Не разсказываемъ о содержаніи сей пьесы, для того, чтобы любопытные зрители были пріятно изумлены сею прекрасною шуткою. Г-жа Н. Рѣпина, своею непринужденною, натуральною игрою заслужила вызовъ отъ восхищенной публики. Дѣв.

Карпакова и въ маловажной ролп оказала свой талантъ, который, по непостижимому упрямству, оставляетъ она въ небреженіи, посвятивши себя на служеніе Терпсихоры. Жаль, и очень жаль! Дѣв. Карпакова, ни фигурою, ни искуствомъ своимъ, никогда не станетъ на ряду, не только съ первоклассными нашими танцовщицами, каковы: Г-жи Воронина-Иванова, Ришардъ, Лопухина, Харламова и Ситникова — но едва-ли даже сравнится съ Г-жами Ленскою и М. Ивановою, сими двумя прелестными сестрами, которыя и малый свой ростъ сдѣлали какъ-бы необходимымъ для прельщенія публики. Г-жа Кураева была очень не дурна въ роли сварливой перенощицы. Не смотря на все это, истинные любители отечественнаго театра, всегда со вздохомъ, лишь только увидятъ актрису въ роли старухи, воспоминаютъ о незабвенной Г-жѣ Лисицыной! Потеря этой неподражаемой артистки, такъ рано оставившей театръ, столь же незамѣнима, сколько и потеря несравненнаго Рязанцова!

О представленіи прекраснаго Дивертисмана, сочиненія покойнаго Аблеца, мы ничего сказать не можемъ, потому что водевиль: Новый Парисъ, кончился въ исходѣ перваго часа по полуночи, а нижеподписавшійся не расположенъ былъ наслаждаться зрѣлищемъ восходящаго солнца по выходѣ изъ Театра.

Василій Ушаковъ.

Г-ну РАИЧУ-АМФИТЕАТРОВУ.

Въ 26-й книжкѣ Галатеи вы напечатали не отвѣтъ, а откликъ противъ обличеній, написанныхъ мною и помѣщенныхъ въ 11-й книжкѣ Московскаго Телеграфа. Долгомъ поставляю вновь обличить васъ въ разныхъ несправедливыхъ показаніяхъ и увертках, коими наполненъ вашъ откликъ.

Дѣло шло о томъ, что Г. Борхардтъ не называлъ Россіи *аулом*, что онъ не пасынокъ, а вѣрноподданный *Русскій*, и что, слѣдовательно, обвиненія ваши, противъ него устремленныя, суть не иное что, какъ клевета: это я доказалъ, и опровергнуть этого вы не можете. Вамъ надлежало-бы только сознаться, что вы *виноваты предъ Г-мъ Борхардтомъ, какъ предъ гражданиномъ;* но вмѣсто сего признанія, что̀ сплели вы?

Отъ безпорядка-ли въ головѣ, или желая какъ нибудь отвертѣться отъ истины, вы говорите, что объяснили въ 24-мъ № Галатеи слово Aula. Правда, какой-то добрый человѣкъ сказалъ вамъ, что слово Aula не значитъ *аулъ*, и вы сознались въ этомъ, то есть, публично признались въ своемъ невѣжествѣ и въ несправедливости. Но я долженъ былъ повторить изъясненіе гибельнаго для совѣсти вашей слова, потому что, сознаваясь въ своемъ невѣжествѣ, вы все таки утверждали, что Г. Борхардтъ употребилъ слово Черкесское, Чеченское или Абхазское, а не Латинское, принятое въ Нѣмецкій языкъ. Такимъ образомъ, основанное на оскорбительномъ для вѣка нашего незнаніи, лживое показаніе ваше, что

Г. Борхардшъ *называетъ Россію аулом*ъ, оставалось, хотя-бы для однихъ васъ и подобныхъ вамъ, не опровергнутымъ. Я опровергъ сію клевету вашу, и въ доказательство, что просвѣщенные Нѣмцы употребляютъ слово Aula точно въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребилъ его Г. Борхардшъ, привелъ выписку изъ Іенскихъ Вѣдомостей. Послѣ этого, надобно имѣть ваше безстыдство, чтобы осмѣлиться утверждать, что Профессоры Іенскаго Университета, издающіе упомянутыя Вѣдомости, которыя вы сами называете *учеными* (такъ истина обнаруживается, *даже* и въ вашихъ словахъ), что сіи Издатели суть Литтераторы неблаговоспитанные, безумные, ибо они употребляютъ слово Aula, пишутъ жалкимъ образомъ, и что, вмѣстѣ съ ними, я не имѣю никакого понятія о свойствахъ и чистотѣ Нѣмецкаго языка. Послѣ урока, даннаго мною вамъ въ семъ языкѣ, я могъ-бы утверждать противное и не согласиться съ вашимъ мнѣніемъ о Профессорахъ Іенскаго Университета, но оставляю въ покоѣ ваше незнаніе: думайте какъ хотите, Г. Раичъ-Амфитеатровъ! Мнѣ совѣстно за васъ. До чего унизились вы! До какихъ нелѣпостей можетъ доводить несправедливость!... Впрочемъ, въ избѣжаніе всякихъ привязокъ, замѣчу, что я всегда готовъ учиться Нѣмецкому языку у Профессоровъ Іенскаго Университета (одного изъ знаменитѣйшихъ въ Германіи), всегда въ ономъ буду слѣдовать примѣру Издателей Іенскихъ Ученыхъ Вѣдомостей, въ которыхъ участвовали Шиллеръ, Фихте, Шеллингъ, Шлегели, и почти всѣ славнѣйшіе Литтераторы и ученые, которыми гордится Германія! Изданіемъ

Іенскихъ Вѣдомостей занимаются и нынѣ первокласс-ные ученые. Если Г. Борхардтъ пишетъ «точно такимъ-же *Чухонско-Нѣмецкимъ нарѣчіемъ*» (Гал. стр. 79-я), какъ сіи господа, то я поздравляю его: онъ писатель изящный. Вы прибавляете, что симъ-же «нарѣчіемъ *говорятъ* Нѣмцы съ Тверской и Дмитровки», и что, «такія *писанія* читать *не только грѣшно, но даже стыдно*, и проч.» По вашей Логикѣ выходитъ, что Нѣмцы, живущіе на Тверской или Дмитровкѣ, говорятъ и пишутъ *постыднымъ языкомъ*. Надобно-ли опровергать это? Напомню вамъ, Г. Амфитеатровъ, что въ назначенныхъ вами мѣстахъ живутъ многіе знатные и ученые Нѣмцы, ибо Тверская и Дмитровка одни изъ лучшихъ мѣстъ Москвы. Вотъ какъ запмило васъ слово Aula!

Намеки ваши о деньгахъ (опять!), о кумовствахъ и подобномъ сему, оставляю безъ вниманія. Я не могу и не обязанъ перемѣнять вашего мерканшильнаго взгляда на предметы.

Вы говорите, что я вмѣняю въ Литтерапурное достоинство Г-ну Борхардту его службу при Благородномъ Пансіонѣ. Это неправда. Я сказалъ, что онъ Русскій подданный, Русскій урожденецъ и Русскій чиновникъ, въ доказательство его *гражданскихъ*, а *не литтературныхъ* правъ. И можно-ли *вамъ* на судъ представлять чьи-бы то ни было Литтературныя права? На письмо Гёте къ Г-ну Борхардту я указалъ, дабы вразумить васъ, какъ просвѣщенные Нѣмцы смотрятъ на труды нашего соотечественника. Вы не понимаете этого — и Богъ съ вами!

Я не слыхалъ отъ Г. Ротчева, чтобы онъ *самъ остановилъ* напечатаніе посланнаго имъ къ вамъ

письма о стихотвореніи: *Видѣніе Валтазара.* По возвращеніи Г. Рощева въ Москву, мы узнаемъ истину вашего показанія; но, объявивъ, что вы напечатаете его письмо, вамъ должно было извѣстить публику и о причинѣ ненапечатанія онаго. Каждый читатель Галатеи въ правѣ напомянуть вамъ объ этомъ. Но если что либо и воспрепятствовало Г-ну Рощеву напечатать у васъ свое письмо, то тѣмъ не менѣе онъ доказалъ вамъ онымъ клевету вашу на меня въ перепечаткѣ, а дѣло только въ этомъ и заключается. Содержаніе сего письма мнѣ извѣстно: разскажите оное хоть въ нѣсколькихъ словахъ, и вы будете пристыжены. *Видѣніе Валтазара* вы называете *оригинальнымъ стихотвореніемъ*: оригиналъ его находится въ сочиненіяхъ Байрона, въ Еврейскихъ мелодіяхъ.

Желая уличить меня въ двуличіи, вы говорите, что за нѣсколько мѣсяцовъ я называлъ васъ *хорошимъ человѣкомъ*, а теперь думаю иначе. Я не только называлъ, но даже почиталъ васъ хорошимъ человѣкомъ, и доказалъ вамъ это не одними словами: вспомните о прошлогодней не-литературной исторіи съ вашимъ Іерусалимомъ, и не заставляйте меня говорить болѣе о семъ предметѣ. Вы сами привязываетесь ко мнѣ и принуждаете входить въ посторонніе объясненія. Такъ, Г. Раичъ! я *почиталъ* васъ хорошимъ человѣкомъ; но теперь, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, и видѣвъ 26 книжекъ Галатеи, повторяю, что *вы принадлежите къ числу тѣхъ людей, съ которыми не льзя, уважая самого себя, входить въ состязаніе.* Гдѣ тутъ двуличность?

За урокъ въ знаніи людей, данный вами мнѣ, я служу вамъ только Литтературными уроками.

Далѣе вы утверждаете, что никогда не писали, *не только плаксивыхъ, но даже и никакихъ романсовъ и элегій.* Можетъ быть, ваши *Перекати поле*, *Я плыву и наплыву*, и десятки другихъ стишонковъ, не стоятъ названія романсовъ и элегій: это пустоцвѣтъ литтературный; но плаксивыми и брюзгливыми называютъ ихъ всѣ читатели. Спросите у нихъ сами объ этомъ!

Не на обумъ, и не желая обижать васъ, сказалъ я, что *Галатея* литтературно ниже Дамскаго Журнала. Издатель сего Журнала по крайней мѣрѣ знаетъ склоненія именъ, правила согласованія словъ, знаетъ Русское правописаніе: у васъ, Издателя Галатеи, на каждой страницѣ видимо совершенное невѣдѣніе даже и въ этомъ. Вы ссылаетесь на опечатки: стара шутка! Не льзя дѣлать такихъ опечатокъ. Не льзя, чтобы вы отъ одного недосмотра, вмѣсто Журнала издавали образцы кривописанія. Видите-ли, что я основательно назвалъ Журналъ вашъ нисшимъ, по литтературному достоинству, въ сравненіи съ Дамскимъ Журналомъ.

Знаете-ли, Г. Раичъ-Амфитеатровъ, что вы ошиблись въ разсчетѣ, безъ толку, безъ познаній, при одномъ невѣжествѣ и желаніи браниться начавъ войну съ другими журналами? Васъ обличаютъ и будутъ обличать на каждомъ шагу, ибо, съ такими Литтераторами, какъ вы и ваши сотрудники, правда, стыдно состязаться, но побѣждать васъ такъ-же легко, какъ пугать Индѣйскаго пѣтуха. Замѣчу вамъ еще, что Литтературная война занимательна тогда

только, когда въ обѣихъ воюющихъ сторонахъ видѣнъ умъ, остроша и благонамѣренность. Вы-же, не смыслите сказать ни одного остраго слова, спотыкаетесь на каждомъ шагу, безпрестанно оказываете полное, всяческое незнаніе, и смѣшите людей единственно на свой счетъ. Неужели вамъ пріятно играть столь жалкую роль? Уймитесь! Издатели Дамскаго Журнала и Славянина могутъ служить вамъ примѣромъ, что безсмысленная брань не возвышаетъ, а роняетъ журналъ. Впрочемъ, попытайте еще силъ своихъ, если вамъ хочется получить нѣсколько новыхъ уроковъ.

До новой галимашейной клеветы, прощайте.

Издатель Моск. Телеграфа.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Quoique nous soyons en été, on porte encore des chapeaux de moire, blanche, bleue ou rose. Ces chapeaux sont bordés d'un demi voile de blonde et ornés d'une branche de camelia blanc à cœur rose, qui descend obliquement du haut de la forme à droite, jusque vers le milieu de cette forme à gauche.

Une des modes de cette année consiste à doubler la passe des chapeaux de paille d'Italie en gros de Naples blanc, rose, bleu, cerise, etc.

Pour la promenade dans le jardin ou dans les champs, les jeunes personnes ont des capotes de paille cousue; dont la passe, très longue et plaquée contre les joues, est doublée en gros de Naples, vert, rose, jaune ou bleu. Pour toute garniture, ces capotes ont un ruban qui en fait le tour, et dont les bouts forment brides.

A la campagne, nous avons vu plusieurs danseuses dont la coeffure était ornée de fleurs naturelles: pavots, bluets, laurier-rose, œillets et grenades. Ces fleurs à longue tige, étaient placées derrière les coques de cheveux qui formaient le sommet de la coeffure.

Quelques merveilleuses ont essayé à l'Opéra, et au Théâtre-Favart, de se coeffer aussi avec des fleurs naturelles; mais la chaleur a fané ces fleurs avant la fin du spectacle.

A la promenade, quelques redingotes de jaconat, ouvertes par devant, laissent voir le jupon; on les appelle redingotes

(*) До 20 Іюня (н. с.) 1829 г.

à la maîtresse parce que Mlle Léontine Fay en porte une semblable dans la pièce de ce nom.

Dans les bals champêtres on porte beaucoup de robes de mousseline fond blanc, à grand feuillage vert, jaune, bleu ou rose, disposée en colonnes. Ces robes sont faites en guimpe; elles ont des manches *à l'imbécille*. Le corsage est recouvert par un fichu de tulle uni, avec entre-deux brodés. Le fichu forme pélerine; il est bordé d'une petite dentelle; ses longs bouts, croisés par devant, se nouent en rosette par derrière.

A la campagne, les jeunes personnes portent presque toutes, le matin, un canezou plissé; une jupe de guimgamp uni, et un très-grand chapeau de paille d'Italie, orné, au bas de la forme, d'un ruban noir et à brides noires. Le canezou est fermé par six ou huit boutons d'or, de nacre ou d'écaille.

Il y a quelques années que les merveilleuses eurent l'idée de porter des ceintures formées de deux rubans de couleurs différentes, réunies par derrière, au moyen d'une couture; on nomma *boiteuses*, ces ceintures. Aujourd'hui, des colliers, des supots de crispins sont de deux couleurs, l'une à droite l'autre à gauche. On leur a donné le nom de colliers *à la fiancée*, à cause d'un des roles de Mad. Pradher (Henriette de *la Fiancée*).

On appelle *châle-cachemire-moresque*, un châle en $\frac{5}{4}$ carré, fabriqué à l'aide de chaînes chinées, et présentant par ce moyen des fonds de deux et trois couleurs, ornés dans les coins d'un semé de petits bouquets de cachemire. C'est le produit d'une des premières fabriques de Lyon; il se trouve à Paris *en gros seulement* chez M. Rey, rue Sainte-Apolline, n° 13, et en détail dans les meilleures maisons de nouveautés.

Presque toutes les étoffes françaises, pour robe, sont à grands ramages; les étoffes anglaises, au contraire, sont à très-petits dessins.

Les nouvelles redingotes de nos élégans sont en drap-zéphir bleu-anglais, avec collet à schall, en velours de la même nuance; elles ne descendent qu'aux genoux.

Quelques merveilleux ont des gilets de piqué blanc, dont le schall rabattu est en piqué de couleur.

Les souliers fins ont maintenant des talons hauts d'un demi- pouce; ces souliers sont presque pointus; on les serre par une rosette sur le coude-pied.

Les chemises que l'on porte le matin à la campagne, sont de batiste, à pois de couleur ou à petits bouquets.

Головные модные уборы. Не смотря на лѣто, все еще видны шляпки изъ шелковыхъ морелевыхъ матерій, бѣлыя, голубыя, розовыя; поля такой шляпки окружаетъ блондовый полу—вуаль; уборку составляетъ вѣтка бѣлой камеліи, съ розовымъ пестикомъ внутри цвѣтка; вѣтка должна быть наколота на шляпку вкось, сверху тульи направой сторонѣ къ срединѣ лѣвой стороны.—Въ число модъ нынѣшняго лѣта должно включить подбой полей желтыхъ соломенныхъ шляпокъ гроденаплемъ, бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, вишневымъ, и проч. —Для прогулокъ, въ саду или въ полѣ, молодыя особы надѣваютъ капоты—шляпки, изъ сшитыхъ соломенныхъ плетушекъ; у такихъ шляпокъ поля, огромныя и пригнутыя къ щекамъ, подбиты бываютъ гроденаплемъ, зеленымъ, розовымъ, желтымъ, или голубымъ. Все украшеніе состоитъ въ лентѣ, которая окружаетъ шляпку и концами образуетъ завязки.—Въ деревнѣ многія особы являются въ танцы, съ уборкой головы натуральными цвѣтами: макомъ, васильками, пуховинкомъ, гво-

здикою, гренадами. Всѣ сіи цвѣты, на длинныхъ стебелькахъ, прикалываюшся за складками волосовъ, находящимися на верху головы. Нѣкоторыя изъ щеголихъ вздумали было убирать головы натуральными цвѣтами и въ городѣ, выѣзжая въ театры, но оставили эту моду, ибо цвѣты вянушъ до окончанія спектакля.

Модныя платья. Реденготы жаконнатовые, открытые спереди, такъ, что надѣтое подъ ними платье видно, называются реденготы à la maîtresse (реденготъ *госпожи*), потому, что любимая Парижанами актриса Леонтина Фе, является въ подобномъ реденготѣ, въ пьесѣ, имѣющей такое названіе (точно такой реденготъ, открытый спереди, на груди и на спинѣ до пояса, называется: реденготъ à la Malvina). — На сельскихъ балахъ является много кисейныхъ платьевъ, у которыхъ по бѣлому полю набиты рядами огромныя листья, зеленаго, желтаго, голубаго или розоваго цвѣтовъ. Такія платья дѣлаются въ родѣ блузъ, съ рукавами à l'imbécille. Корсажъ закрываетъ фишю изъ гладкаго тюля, съ вышитыми двумя полосами, образуя собою пеллеринку; по краямъ узенькія кружева, а длинные концы фишю, спереди положенныя на крестъ, завязываются сзади. —Молодыя особы въ деревнѣ, утромъ, всего чаще одѣваются такъ: каньзу со складками, и съ 6-ю или 8-ю золотыми, черепаховыми, или перламутровыми пуговками; юбочка изъ гладкаго генгана; большая соломенная шляпка, съ черною лентою внизу тульи; концы ленты составляюшъ завязки.

Разныя моды. Уже нѣсколько лѣтъ тому, какъ щеголихи вздумали носить пояса изъ двухъ разноцвѣтныхъ лентъ, сшитыхъ вмѣстѣ, такіе пояса были названы boiteuses (*хромые*); отъ того и цвѣтокъ двухъ различныхъ цвѣтовъ, на одномъ стеблѣ, называется также. Теперь ленты, которыми завязываются вокругъ шеи пеллеринки, называются *криспинами* (съ множествомъ мѣлкихъ складокъ) и бываютъ двухъцвѣтныя: одного съ правой, другаго съ лѣвой сто-

роны. Ихъ называютъ: ожерелье à la fiancée (*невѣстино*), потому, что Г-жа Прадеръ играетъ въ такомъ нарядѣ роль Генріетты, въ пьесѣ называемой: *Невѣста*. — Шаль въ $\frac{1}{4}$ квадратныхъ, вышканную на разноцвѣтныхъ ниткахъ, и отъ того представляющую два и три цвѣта въ одномъ сплошномъ полѣ, и по угламъ украшенную маленькими букетами, на манеръ бывающихъ обыкновенно на Кашемирскихъ шаляхъ, называютъ *шаль Кашемировая—Мавританская*. Это новое произведеніе Ліонскихъ фабрикъ продается оптомъ только въ магазинѣ Г-на Рей (rue St. Apolline, N° 13), а въ разницу по всѣмъ Парижскимъ магазинамъ. — Почти всѣ шелковыя модныя матеріи Французскія, для платьевъ, дѣлаются нынѣ съ большими разводами; Англійскія, напротивъ, съ мѣлкими узорами.

Мужскія моды. Модные сюртуки щеголей дѣлаютъ изъ, такъ называемаго, *зефирнаго сукна* (drap — zéphir), голубаго оттѣнка, именуемаго bleu-anglais; они длиною только до колѣнъ; воротникъ дѣлается шалью, изъ бархата, одинаковаго съ сюртукомъ цвѣта. — Нѣкоторые щеголи носятъ жилеты изъ бѣлаго пике, съ откиднымъ воротникомъ изъ пике цвѣтнаго.—Башмаки щеголя бываютъ съ острыми носками, высокими каблуками, завязываются спереди розеткою. Щеголь въ деревнѣ, утромъ, носитъ пеструю батистовую рубашку.

На приложенныхъ картинкахъ:

1. *Дама*. Креповая капотъ-шляпка; гроденаплевое платье, цвѣтное; шарфъ damassée.
2. *Мужчина*. Фракъ суконный, цвѣта *Русской зелени* (vert-russe); панталоны изъ Тибетской ткани.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюня 28 дня 1829 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

XXVII-й ЧАСТИ.

О Драматической Литтературѣ новыхъ народовъ. Соч. Барона Экштейна (статьи 2-я и 3я) 3, 409
Кузенева Курса Исторіи Философіи лекція первая..... 153
Замѣчанія о Трансильваніи (отрывокъ письма изъ Бухареста)..... 285
Измаилъ Аліевъ, Князь Мангатовскихъ Нагайцовъ (отрывокъ письма изъ Прочно-Окопской крѣпости)..... 431

Кокетство и любовь (*окончаніе*) 46
Мѣшокъ съ золотомъ (Русская быль)..... 182, 306
Уничтоженіе (соч. Жанъ-Поля Рихтера) 454

Стихотворенія:
Разговоръ на гробѣ поэта (М. Н. Лихонина)..... 40
Ночныя мысли о жизни, смерти и безсмертіи души. Соч. Юнга (окончаніе 1-й пѣсни. Пер. съ Англ., Гна. Вронченко)..... 173
Украинскія Мелодіи (Н. А. Маркевича)..... 295, 451
Кавказъ (В....Теплякова)..... 301
Эпиграмма..... 306
Къ Неерѣ (изъ Тибулла, съ Лат. А. Киреевъ).... 452

КРИТИКА.

Römische Geschichte—Dasselbe, zweite Ausgabe—Schlegel's Recension—Geschichte des Römischen Staates (*Римская Исторія*, соч. Нибура—она же *втораго изданія*—Шлегелевъ *Разборъ Нибуровой Римской Исторіи*—*Древняя Исторія Римскаго государства*, соч. Вахсмута (*окончаніе*). 82

Полтава. Поэма А. Пушкина. Спб. 1829 г..... 219
Мессинская невѣста. Трагедія Шиллера; переводъ А. Ротчева. М. 1829..... 236
Замѣчанія на книгу: *О достатыхъ стропилахъ*, соч. Жилли; пер. Гна Ломновскаго..... 352
Стихотворенія Барона Дельвига. СПБ. 1829. 359
Исторія Государства Россійскаго. (Сочиненіе Н. М. Карамзина); 12 томовъ. Спб. 1816-1829 г..... 467
Современная Русская Литтература 1828 и 1829 годовъ..... 119, 246, 375 и 501

СМѢСЬ:

Русскій Театръ..... 139, 268, 392 и 522
Замѣчаніе..... 144
Изъясненіе картинки..... 274
Увѣдомленіе..... 277
Гну Раичу Амфитеатрову..... 396, 532
Письма съ береговъ Лены..... 518
Парижскія моды..... 146, 280, 404, 538
Парижскія вѣсти..... 149

При сей части находится *семь* картинокъ новѣйшихъ, дамскихъ и мужскихъ, модъ. Въ Прибавленіи къ Телеграфу четыре изображенія мебелей, экипажей, хозяйственныхъ устройствъ, и проч.

ПОПРАВКА.

Въ No 5-мъ Телеграфа, стр. 22, стр. 11, послѣ слова: *снѣди*, должно прибавить: *въ обратномъ содержаніи*, а въ 15-й строкѣ, вмѣсто: *въ обратномъ*, должно быть: *въ прямомъ*.

Просимъ почтенныхъ особъ, удостоивающихъ Телеграфъ присылкою статей, извинить, что иногда вкрадываются при напечатаніи ошибки: онѣ неизбѣжны по скорости печатанія. Немедленно по извѣщеніи насъ объ опечаткахъ, оныя будутъ нами отмѣчаемы.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 12. *Іюнь* 1829.

ОПИСАНІЕ ГЕРАРДОВА СПОСОБА

ПОСТРОЕНІЯ КИРПИЧНЫХЪ ЗДАНІЙ (*).

Читано въ годовомъ собраніи Императорскаго *Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства*, 30 *Апрѣля* 1829 г.

Въ прошедшемъ году, посредствомъ Земледѣльческаго Журнала, было доведено до свѣдѣнія сельскихъ хозяевъ краткое извѣщеніе о моемъ изобрѣтеніи построенія кирпичныхъ сельскихъ домовъ. Желаніе убѣдиться собственнымъ опытомъ

(*) Въ прошедшемъ году помѣстили мы въ *Прибавленіи къ Телеграфу* краткое извѣстіе объ изобрѣтеніи Его Превосходительства, А. И. Герарда. Важность онаго такъ сильно чувствовали многіе, что не удовлетворяясь нашимъ краткимъ извѣстіемъ, и извѣщеніемъ, которое помѣщено было въ *Земледѣльческомъ Журналѣ* (№ XXIII, 1828 г. стр. 272 — 274), три неизвѣстныя намъ особы, изъ разныхъ

въ пользѣ такихъ строеній заставило меня замедлить сообщеніемъ подробнѣйшаго описанія оныхъ. Прошедшая зима была предназначена для сихъ опытовъ. Я построилъ кирпичныя строенія тремя способами. Во 1-хъ, въ одинъ кирпичъ, съ промежуткомъ между двухъ полукирпичныхъ стѣнокъ, наполненнымъ золою. Во 2-хъ, въ полтора кирпича, съ двумя промежутками между трехъ полукирпичныхъ стѣнокъ, ничѣмъ не наполненными, и гдѣ одинъ воздухъ служилъ преградою для выхода теплоты изнутри покоевъ въ наружу и для проницанія наружнаго холода внутрь стро-

---

мѣстъ Россіи, писали къ намъ и просили дальнѣйшихъ поясненій. Мы не могли удовлетворить симъ требованіямъ; но теперь почтенный Изобрѣтатель помѣстилъ въ Земледѣльческомъ Журналѣ подробное описаніе своего новаго способа построенія кирпичныхъ зданій. Оцѣняя въ полной мѣрѣ важность изобрѣтенія, и желая какъ можно болѣе распространить свѣдѣнія объ ономъ, мы отнеслись съ просьбою къ Его Превосходительству, чтобы, съ его позволенія, статья изъ Земледѣльческаго Журнала была перепечатана въ Прибавленіи къ Телеграфу. Желая только пользы общей, не думая извлекать какихъ-либо своекорыстныхъ выгодъ, и обнародывая свое изобрѣтеніе подробно, дабы каждый могъ имъ воспользоваться, Его Превосходительство охотно на сіе согласился, и въ слѣдствіе того, статья, читанная въ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, перепечатывается нами. Нельзя изобразить необыкновенности

ений. Сіи два способа оказались совершенно соотвѣтствующими теоріи моего построенія. Въ такихъ избахъ, при обыкновенной топкѣ, было тепло и сухо. 3-й способъ, какъ я и предполагалъ, былъ неудовлетворителенъ, именно: изба, построенная изъ двухъ полукирпичныхъ стѣнокъ, съ пустошою въ ¼ вершка, однимъ воздухомъ наполненною, оказалась холодна. Почему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ затруднительно доставленіе въ большемъ количествѣ золы и угля, для забивки между стѣнокъ, можно употребить деревянные опилки, мохъ, кострику, мѣлкую соломенную

и выгодъ новаго изобрѣтенія лучше того, какъ изобразилъ ихъ С. А. Масловъ, въ Земледѣльческомъ Журналѣ. «Если-бы» говоритъ Г-нъ Масловъ, «если-бы кто нибудь сказалъ, что онъ построитъ въ одинъ кирпичъ избу, которая будетъ также прочна, какъ сдѣланная обыкновеннымъ образомъ въ $2\frac{1}{2}$ или 3 кирпича; что она зимою не будетъ промерзать ни отъ какихъ морозовъ; что въ нее можно будетъ переѣхать жить тотчасъ послѣ построенія; что эта изба будетъ совершенно суха, тепла и, наконецъ, что она будетъ еще и безопасна отъ пожара, то, конечно, никто сему безъ объясненія не повѣритъ. Но изобрѣтеніе Генералъ Маіора и Кавалера Антона Ивановича Герарда совершенно удовлетворяетъ всѣмъ симъ условіямъ, и основано не на теоріи только, но утверждено совершеннымъ опытомъ.» Изъ предлагаемой здѣсь статьи и рисунка читатели могутъ удостовѣриться во всемъ сказанномъ. *Изд. Тел.*

рѣзку; гуменный кормъ, и много веществъ тому подобныхъ, замѣтя притомъ, чтобы промежутокъ между двухъ стѣнокъ былъ не въ $2\frac{1}{2}$, а въ 4 вершка.

Желая, чтобы способъ моего построенія кирпичныхъ зданій послужилъ въ пользу и повсюду распространился въ Россіи, я для сего представляю Обществу подробное онаго описаніе съ рисунками и моделью.

Д. Ч. Антонъ Герардъ.

ЗАПИСКА

о самомъ построеніи кирпичныхъ зданій по способу Герарда

(*съ чертежемъ*).

Достоинство всякаго жилаго строенія состоитъ въ прочности, теплотѣ, сухости, въ безопасности отъ огня, и сверхъ того, для людей неимущихъ, въ дешевизнѣ; я надѣюсь, что всѣ сіи условія выполнены способомъ построенія, здѣсь описаннымъ.

Строеніе дѣлается изъ кирпичей; каждая стѣна его состоитъ изъ двухъ стѣнокъ, съ пустымъ между оными промежуткомъ, о которомъ

буду обстоятельно говорить послѣ. Каждая изъ вышеупомянутыхъ стѣнокъ дѣлается только въ полъ-кирпича, и не смотря на сію тонину, вся стѣна столь-же тверда, какъ обыкновенная въ $2\frac{1}{2}$ и въ три кирпича. Сія твердость придается стѣнамъ посредствомъ проволочныхъ скобъ, толщиною въ $\frac{1}{6}$ дюйма, а длиною тремя вершками болѣе, нежели ширина промежутка, оставленнаго между двухъ стѣнокъ; такъ, на примѣръ: если промежутокъ между стѣнокъ будетъ въ два аршина, то скобы должны быть въ 5 вершковъ и т. д. Двѣ стѣнки связываются между собою сими скобами, которыя укрѣпляются въ середину кирпичей той и другой стѣнокъ, противолежащихъ другъ другу; для сего просверливаютъ въ кирпичахъ буравомъ дыры, глубиною въ $\frac{1}{4}$ вершка, что дѣлается очень легко при кладкѣ, а можно также и на заводѣ, до обжига кирпичей, пропихнуть ихъ, что еще легче. По разсчисленію, такихъ кирпичей потребно 15 на 100.

Сію перевязку проволочными скобами надобно начинать на первомъ ряду кирпича, которой лежитъ на фундаментѣ, и повторять чрезъ всякіе восемь рядовъ на девятомъ, разстояніемъ одной скобы отъ другой горизонтально на 5, 6 и 7 четвертей, смотря по тому, какъ ловчѣе придется. Въ углахъ надобно, чтобы угловой наружный кирпичъ былъ связанъ скобами съ обѣими

кирпичами внутреннихъ двухъ стѣнокъ, которыя къ нему сходятся. Угловую перевязь также повторять только черезъ восемь рядовъ. Кругомъ оконъ и дверей перевязывать скобами тѣ кирпичи, которые обхватываютъ шпунтъ косяковъ, у оконъ черезъ 6 и 7 рядовъ, а у дверей черезъ 4 и 5 рядовъ. Отъ сей перевязки косяки у дверей держатся гораздо крѣпче, нежели задѣлываемые въ каменныхъ строеніяхъ обыкновеннымъ образомъ.

Пустота въ срединѣ стѣны, или промежутокъ между двумя стѣнками, есть существенная черта разницы сего рода строеній отъ обыкновенныхъ кирпичныхъ. Отъ сей пустоты происходятъ всѣ ихъ выгоды, то есть: теплота, сухость и дешевизна. Первую мысль къ сему подало мнѣ всеобщее и необходимое обыкновеніе у насъ въ Россіи: вставлять на зиму двойныя рамы, которыя, защищая насъ двумя линіями стекла отъ жестокихъ морозовъ, дѣйствуютъ одинаково съ промежуткомъ оставляемымъ между двумя стѣнками.

Всякій, имѣющій нѣкоторыя свѣдѣнія въ Физикѣ, знаетъ законы, по которымъ сообщается теплота и холодъ, а притомъ легко можно увѣриться и опытомъ, что есть тѣла, изъ которыхъ одни сообщаютъ холодъ и теплоту скорѣе, другія медленнѣе, а иныя почти совсѣмъ не со-

общаютъ. Если положить кусокъ металла или камня на горячую печь, то они скорѣе согрѣются, нежели такой-же кусокъ сухаго дерева; по сему различному свойству тѣлъ проводить тепло и холодъ, они называются, или сильными проводниками, каковы металлы, или слабыми, каково сухое дерево, или почти вовсе непроводниками, каковъ сухой воздухъ, который почитается въ числѣ самыхъ слабыхъ проводниковъ. Отъ сего-то происходитъ благотворное дѣйствіе двойныхъ оконъ, ибо воздухъ, находящійся между ними, прерываетъ, сколько возможно, сообщеніе между внѣшнимъ холодомъ и внутреннею теплотою комнаты, одинаково проходящими сквозь стекла, вставленныя въ рамахъ; почно тоже производитъ промежуткъ между двухъ стѣнокъ. Онъ прерываетъ сообщеніе холода наружной стѣны съ внутреннею. Постоянное дѣйствіе мороза нашихъ продолжительныхъ зимъ проходитъ сквозь кирпичныя стѣны, какъ-бы онѣ толсты ни были, потому, что кирпичъ, какъ тѣло плотное, самъ по себѣ есть хорошій проводникъ, отъ чего всегда въ каменныхъ домахъ стѣны зимою холодны. Отъ сего холода обыкновенное каменное строеніе не можетъ быть такъ сухо, какъ плотное деревянное, или какъ строеніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, въ коемъ, если внутри комнаты тепло, то и стѣны внутреннія не холодны.

Если-бы воздухъ совершенно не принималъ и не сообщалъ холода, то можно-бъ было оставить промежуткъ между двухъ стѣнокъ пустымъ, то есть наполненнымъ однимъ воздухомъ; но какъ онъ, по свойству всѣхъ жидкихъ тѣлъ, при малѣйшей перемѣнѣ въ степени теплоты, приходитъ въ движеніе, расширяясь и сжимаясь, а притомъ всегда болѣе или менѣе содержитъ въ себѣ влаги, которая есть сильный проводникъ, слѣдственно, прикасаясь къ двумъ стѣнкамъ различной степени теплоты, онъ будетъ находиться въ безпрестанномъ кругообращеніи, и будетъ переносить холодъ отъ наружной стѣнки къ внутренней, а отъ сей послѣдней теплоту къ наружной. Для предупрежденія этого надобно наполнять сію пустоту такимъ веществомъ, которое, будучи весьма слабымъ проводникомъ, прерывало-бы сообщеніе между двухъ стѣнокъ движущагося воздуха. Изъ всѣхъ извѣстныхъ тѣлъ, зола есть самый слабый проводникъ холода, послѣ нея уголь. Но какъ оба сіи вещества въ иныхъ мѣстахъ трудно достать въ большомъ количествѣ, то можно вмѣсто ихъ употреблять деревянныя опилки, мохъ, кострику, мѣлкую соломенную рѣзку, гуменный кормъ, однимъ словомъ: всякія тѣла царства растительнаго, которыя сухи и дробны, и изъ коихъ всякій можетъ выбрать то, что по его мѣстности ему удобнѣе. — Я съ моей стороны предположилъ сдѣлать опыты съ упомянутыми

веществами при построеніи каменныхъ избъ и о послѣдствіяхъ сообщу мои наблюденія для общаго свѣдѣнія.—Но какое-бы вещество ни было выбрано для наполненія промежутка между двухъ стѣнокъ, надобно его сколько возможно плотнѣе набивать. Когда для сего употребляются зола или уголь, то, какъ они суть самые слабые проводники холода и тепла, можно оставлять промежутокъ между двухъ стѣнокъ не болѣе, какъ въ 2 или $2\frac{1}{2}$ вершка, но если будетъ употреблено другое вещество, тогда не менѣе 4-хъ вершковъ.

Фундаментъ сего рода зданій, подобно какъ и другихъ каменныхъ строеній, должно закладывать на материкѣ, такъ, чтобъ онъ былъ на обѣ стороны шире стѣны вершка на три. Сверхъ поверхности земли фундаментъ долженъ также состоять изъ двухъ стѣнокъ съ промежуткомъ, равной ширины противъ промежутка въ стѣнахъ. По складкѣ фундамента, тотчасъ надобно наполнить его промежутокъ тѣмъ-же веществомъ, которымъ предположено наполнить промежутки въ стѣнахъ, и набить крѣпко; потомъ должно положить первый рядъ кирпича обѣихъ стѣнокъ и связать ихъ скобами, какъ сказано, т. е. всѣ четыре угла и весь рядъ, въ разстояніи скоба отъ скобы на 6 и 7 четвертей. Послѣ складки нѣсколькихъ рядовъ кирпича обѣихъ стѣнокъ засыпать промежутокъ выбраннымъ веществомъ, и уколотить оное сколько можно крѣпче. Всякому ясно, что гораздо

удобнѣе будетъ убивать мѣлкій слой засыпки, нежели толстый. На девятомъ ряду кирпича повторить связь проволочными скобами, и такъ продолжать, пока дойдетъ внутренняя стѣна до той вышины, на которой предположено класть машицы и мостить потолокъ. Послѣдній рядъ кирпича внутренней стѣнки, также должно связать съ наружнымъ скобами; равно и два кирпича съ обѣихъ сторонъ, между которыми ляжетъ каждая машица, связываются съ противолежащими кирпичами наружной стѣнки, также посредствомъ скобъ. Машицы концами должны лежать только на внутренней стѣнѣ, наровнѣ съ нею, и не вдаваться въ промежуткъ. Тоже наблюдать и съ накатникомъ, для того, чтобъ имъ не сообщался холодъ отъ наружной стѣнки, которую продолжать класть, пока она будетъ отъ 5-ти до 6-ти вершковъ выше машицъ, что составитъ ряда четыре кирпичей. Промежуткъ между двухъ стѣнокъ наполнять употребляемымъ для засыпки веществомъ и убивать оный, какъ прежде; но оставшуюся пустоту между наружной стѣнкою и потолкомъ, равно и всю поверхность потолка засыпать и убивать непремѣнно золою, вершка въ два, для предохраненія отъ пожара. Сей тонкій слой золы совершенно отвратитъ всякую опасность отъ огня, такъ, что если-бы и крышка сгорѣла, то потолокъ даже плѣть не будетъ. Сверхъ золы надобно, насыпать еще вершка на два или

на три, земли для того, чтобы золу не снесло вѣтромъ. Послѣ отдѣлки кирпичной работы надобно все строеніе внутри и снаружи выбѣлить густымъ растворомъ извести, чѣмъ залѣпятся всѣ скважины, которыя могли остаться между кирпичами, и пресѣчется теченіе воздуха.

Косяки дверей и оконъ должны имѣть шпунты, толщиною противъ ширины промежутка, находящагося между двухъ стѣнокъ, и должны въ него входить на полтора вершка, такъ, что шпунтъ будетъ обхваченъ кирпичами, которые, какъ сказано выше, должно связать скобами, и именно: у оконъ черезъ 6-ть рядовъ, а у дверей черезъ 4 и 5-ть рядовъ; отъ сего косяки держатся необыкновенно крѣпко, не смотря ни на какое хлопанье дверьми. У нижнихъ косяковъ оконныхъ дѣлать отливы, которые простирались бы на вершокъ черезъ наружную стѣнку, дабы помѣшать косому дождю заливаться къ окнамъ, отъ чего сырость можетъ прокрадываться въ промежутокъ стѣнъ.

Убѣдясь опытомъ въ пользѣ и удобности сего рода строеній, съ двумя стѣнками и однимъ промежуткомъ, засыпаннымъ золою, приступилъ я къ другому опыту, а именно: къ постройкѣ кирпичнаго строенія съ двумя промежутками внутри стѣнъ, т. е. дѣлая ихъ изъ трехъ стѣнокъ, каждую въ полкирпича, въ равномъ другъ отъ друга разстояніи, именно на 4 вершка, съ тѣмъ, чтобы

промежутки оставить пустыми, или наполненными однимъ только воздухомъ, и сего рода строеніе оказалось столь-же удобно, тепло и сухо, какъ выше описанныя.

Всѣ три стѣнки каждой стѣны, также углы и корнизы около дверей, оконъ и мапицъ, все связывается подобнымъ-же образомъ проволочными скобами; но при кладкѣ сего втораго рода строеній надобно наблюдать, чтобы среднюю стѣну вести всегда нѣсколькими рядами выше прочихъ, дабы можно было ее обмазывать жидкимъ растворомъ, и залѣплять шѣмъ всѣ скважины, для пресѣченія всякаго сообщенія воздуха изъ одного промежутка въ другой. Въ семъ родѣ строеній, т. е. съ двумя промежутками въ стѣнахъ, надобно для оконъ дѣлать по два косяка, изъ коихъ одинъ ставится съ лѣтнею рамою въ наружный промежутокъ, а другой, для зимней рамы, во внутренній.

Извѣстно по опыту, что наружные углы каменныхъ строеній иногда оббиваются внизу отъ ударовъ экипажами и проч., то, для отвращенія сего, по угламъ предлагаемыхъ мною строеній надобно ставить снаружи отвосные столбы, или тумбы.

Мысль о семъ родѣ строеній мнѣ также подали двойныя окны, ибо опыты, которые я дѣлалъ надъ ними въ прошедшія двѣ зимы, показали мнѣ, что когда снаружи было 28 град. мороза, то термометръ, висящій между рамами, никогда не

опускался ниже 4 и 5°, а когда снаружи было только 4 или 5°, то онъ былъ на нѣсколько градусовъ выше нуля; по сему ясно, что когда съ извнѣ дѣйствуетъ на стѣну холодъ, а изнутри строенія тепло, то въ первомъ промежуткѣ, прикосновенномъ къ наружной стѣнкѣ, въ самые сильные морозы не будетъ болѣе 4 или 5° мороза, а въ тюже время въ другомъ промежуткѣ, прикосновенномъ къ внутренней стѣнкѣ, будетъ уже 4 и 5° выше нуля, отъ чего внутренняя стѣнка остыть не можетъ.

Впрочемъ, все, что здѣсь сказано, сказано изъ опыта, и чтобы убѣдиться въ прочности и удобности сего рода строеній, всякій можетъ самолично видѣть образцовыя мои строенія, которыя находятся: одно въ 13-ти верстахъ отъ Москвы, по старой Калужской дорогѣ, въ деревнѣ Голубинѣ; оно выстроено прошлаго 1828-го года и кончено было осенью около Октября; въ немъ жили нынѣшнюю зиму и пользовались теплотою и сухостію, какъ-бы въ деревянныхъ строеніяхъ, въ чемъ ссылаюсь на многія лица, посѣщавшія сіе строеніе зимою; другое въ сельцѣ Алебьевѣ, Тульской губерніи, Чернской округи, выстроенное 1827-го года. Въ семъ послѣднемъ жили люди безъ всякаго отягощенія обѣ прошлыя жестокія зимы.

Чтобы доказать дешевизну сего рода строеній, предлагаю смѣту нужнаго для нихъ матеріяла. На квадратную сажень, въ полкирпича ши-

рины, надобно восемь кирпичей въ рядъ, а рядовъ 27, что составитъ 216 кирпичей. Изъ сего исчисленія видно, что для горницы вышины отъ полу до потолка въ три аршина, десять и двѣнадцать вершковъ, а ширины и длины во всѣ стороны въ 10-ть аршинъ, надобно 9-ть тыс. кирпичей. Такой-же вышины, но въ квадратѣ по 9-ти аршинъ, довольно 8-ми тысячъ, а такой-же вышины, по 8-ми аршинъ въ квадратѣ, 7-мь тысячъ. Проволоки отъ 25 до 18-ти фунтовъ. Известки, какъ обыкновенно, по количеству кирпичей, а прочая внутренняя отдѣлка таже, что и для всякаго деревяннаго строенія. Для веществъ, употребляемымъ на засыпку промежутковъ, смѣты я не дѣлаю, ибо объемъ сихъ веществъ различный, и всякому легко удостовѣриться на опытѣ, сколько чего потребно по ширинѣ промежутковъ, оставляемыхъ между стѣнъ (*).

(*) Сей способъ построенія кирпичныхъ домовъ удостоенъ ВЫСОЧАЙШАГО вниманія, и нынѣшнимъ лѣтомъ будетъ выстроено такого рода зданіе въ Москвѣ, подъ надзоромъ самого Г. Изобрѣтателя.

[157]

THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO
3 8198 323 602 910